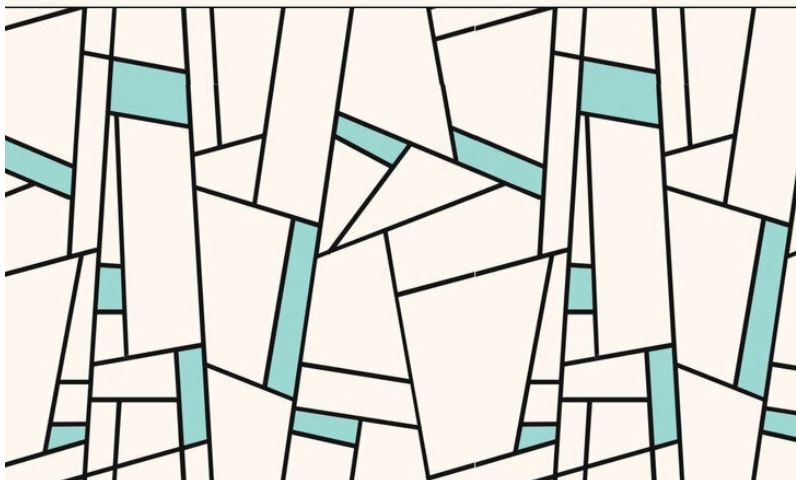

18+

Демьян Брауде

Иночим великанов

Апокрифы Мирадении

Демьян Брауде
Иночим великанов.
Апокрифы Мирадении

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66381144
ISBN 9785005527707*

Аннотация

«Иночим великанов» первый фэнтезийный роман из цикла «Апокрифы Мирадении», повествующей о скитаниях по широтам отвоеванных у нелюдей королевств следопыта Клайда Безродного и его незаурядной спутнице в лице гоблинши. Вместе им на плечи сваливается тривиальная задача отвести виконта окольными путями в соседствующее королевство, но все усложняется, когда им начинает ставить палки в колеса таинственный посол востока, что через своего завербованного человека обращает на них отряд наемников... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая: Неожиданная променада	5
Часть вторая: Лесной брод	193
Конец ознакомительного фрагмента.	300

Иночим великанов Апокрифы Мирадении

Демьян Брауде

© Демьян Брауде, 2021

ISBN 978-5-0055-2770-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая: Неожиданная променада

На любой опус всегда найдётся свой чтец. А на добротный, даже несколько...

Дивелз. (Апокрифы полуэльфа)

В вычурной королевской опочивальне, прозаичные суетни обстояли, как и надлежало, прямиком пред приемом на аудиенции почтенной свиты. Королева Флагения, более часа избирала щегольский наряд из трех надлежащих случаю предложенных, покамест, фигурально не сплюнув, не сдалась, выбрав четвертый. Доколе её облегающий корсет тискаами натужно стягивали две служанки, за витиеватым драпированным орнаментом окаймленной малахитом алой ширмы, состоящей из четырех футовой прямоугольной гармошки, король, мельком слыша стенания трех женщин праздно, протянув ноги затянутые в шоссy, возлежал на их широкой двухместной постланной кровати, выжидательно степенно скрестив руки и тонковатые голени. Под стекающим навесом из прозрачно золотистых балдахинoв, он, скучающе выпятив губу, осматривал свои покои. Его томный взгляд небрежно гулял от внушительного лакированного ко-

мода, застолблённого изысканными платьями и бесценными камнями, до своего легендарного меча, повешенного за пенсионную ненадобность на хладную кладку стены, на прослойке эллиптического промасленного спиля многовекового дерева, что возвышался над гармошкой багровой ширмы. Он погруженный в себя, тяпкой рефлексии врываясь в прошлое, припоминал, как отец менторски ведал ему былинку, как промоину дола родового меча ещё его деда, было почти невозможно оттереть от спекшейся крови орков, и враждебных эльфов нерадушно встретивших пришельцев. Но стоило ему перекинуть услаженный памятью взгляд на гобелен отца, как мягкий, но властный голос королевы глухо отозвался, из-за тонкой прослойки, через которую до этого до него доходили лишь звуки истошного натяжения ткани, да тяжёлые глубокие выдохи королевы с последующими трепетными сробевшими шёпотами извинений белевших до мела служанок с подкашивающимися поджилками.

– Так и будешь безмолвствовать? – сразу после этого почитай укора, раздался особенно надсадный выдох, и лязг зубов, взятой в щипцы корсета подневольной к этикету женщины.

Но государь не спешил отвечать. Вся эта обступившая золотистая лазурь покоев замка, столь опостылела ему, что ему до садни чесотки не терпелось вернуться на поле брани, сменив изысканно мраморный пол, на плотный до колен, шеле-

стящих дерн, и обагрённое поприще, усеянное битыми шлемами солдат, клыками орков, или ломаными стрелами эльфов. Гобелен с величественным отцом, в ратных отблёскивающего нагрудника доспехов с закрепленной зеленой мантией, и пышной копной каштановых волос, вольно поддающихся дуновению ветра, побудила его украдкой коснуться своих, тонких и поредевших как осенний лес, начинавших сидеть и спадом доходивших разве, что до ушей. Его слаженная наружность, да тучей сдвинутые брови, на скуластом волевом лице, вынудили его сряду коснуться, в начале колючих заплывших щек, за тем нарощего за годы винных пристрастий живота, что натянул клетчатый кафтан, до предела натуги тяги. *Старею* – угрюмо почел Сибульт Второй, так и не достигший высот досточтимого отца. Его густая окладистая борода впервые за десять лет, понудила его пораздумать о бритье, под стать неустрашимого гладкому лицу отца, а насечки испещрённые морщины, которые были сглажены писавшем портрет, будто ответно перепали на него. Но эта скоротечная сверлившая думы мысль, выражающейся в упорном чесании клочка волос под угрюмо повисшей губой, была, прервана неотвязчивой женой.

– И чем же так безутешно омрачены мысли, бравого мужа? – он поднял изведенный неладными обуревающими мыслями взор со своих кучковатых штанин на голеньях (так как коленок он не видел), и завитых мысков королевских пигащей, которые он никогда не утруждался снимать и в ложе

(даже на подоткнутом покрывале).

Королева обрядила себя в одно из своих самых роскошных и пышных белоснежно янтарных платьев, хотя и пропустила гофрированную брыжу, коя так полюбилась, матери Сибульта, что любой её писанный маслом портрет, не обходилась без этого атрибута. Несмотря на роскошь, королеву наряд, несколько не полнил. Оно, напротив, подчеркивало её, а корсет, был данью уважения моде, нежели необходимость скрыть отложения изысканных блюд. На её вздернутой голове на тонкой малокровной шее виднелась, уложенная прическа, состоящая из диады двух кос, которые в конечном итоге переплетались меж собой, и ложились на открытые бугорки лопаток полуоткрытой спины. Её яркий почти золотой очерк на светлой белокурой голове, не мог вынудить его не завидовать, скребя зубами, относительно тому жалкому кусту на прогалине, что златым тыном придерживала открытая корона, которая тесно сидела у него на макушке. Ажурная кайма трена, едва касалась пола, а все постепенно поднималась выше по куполу к стану её талии, где уже виднелись оборки. Под лоном изящного наряда располагался овальный выпяченный яшмовый камень, поблескивающий от слабых лучей испод изрезанных полудневными иглами света процеженным из гардин, сокрывших витражи. На рюмке шеи виднелось задорно поблескивающее ожерелье, инкрустируемое ониксовыми камнями. Небольшая хрустально видная диадема, не доходила до бахвальства атлас-

ной короны, но так как Флагения не выносила, когда ей, что-либо жмет на голову, это была достойная замена. Король все ещё насуплено молчал рыбой, разглядывая её пленительно приятное овальное лицо с правильными формами черт, которое, несмотря на природные данные, стремилось, осунувшись сузиться, от переполняющего до кромки недовольства его смурной безучастностью.

– Отчего мы уладили сей прием? – внезапно инфантильно про-родилось у него.

Флагелия степенно прошла вперед, позвякивая украшениями сложа длинные ажурные рукава у втянутого коконом лифа стана, и отодвигая полупрозрачную золотую балдахину, кротко уселась у него в ногах. Кровать слегка промялась вблизи ложбинки его окопа, а жена нежно коснулась колена перекрашенных ног короля в блеклых лимонных колготках. Он все ещё пространционным взглядом смотрел в-никуда, хотя и передернул губой, когда она коснулась его изящными тончайшими пальцами. Его все до всех пронзенных фибр волновал исход сегодняшней аудиенций прикрытой вуалью спонтанного праздника.

– В кой раз ты у меня это вопрошаешь? – лукаво заломила королева, растягивая в ухмылке очаровывающие губы. Позади неё участно выстроились две служанки, обряженные инда лучше посконных весняков, но в некотором роде это был сознательный каприз королевы. Её обслуга была коротко острижена, и посему носили чепцы, на затрапезную про-

крахмаленную ткань поверх по струнке вытянутых бесформенных прикормленных дородных телес, с белесым фартуком.

– Мне непременно вещать с тобой в присутствии прислуги? – весьма безрадостно и скорбно поинтересовался король, измяв лоб в борозды морщинок, пока его блестящие золотом подвески на животе поднимались от усердного набора воздуха.

– Отставьте нас, – мановением одернув изящную кисть, брезгливым контральто приказала Флагения, и, не оборачиваясь, досрочно приняв оголенной спиной низкий раболепный поклон от служанок, продолжая с неподдельной прямоотой назидать на меланхоличного вырванного в русло личных обуревающих раздумий мужа.

– Мой отец сберегал этот союз сорок лет, а вслед за тем он почил, и мне не мочь сплотиться даже с Куиком, коим и босяк бы помыкнул ежели бы им довелось стать наедине, – ипохондрически протянул государь, и опять тяжело испустил процеженных выдох, пытливо взирая на грозное шитое лицо отца, усовещивающее сына неизбывным исподлобным грозным взглядом.

Флагения приблизилась ближе и кротко приняла одну из его сплоченных в увесистый капкан кистей, увешанную перстнями, и, сжав её в своих тонких пальцах с длинными ухоженными ногтями, чувственно произнесла, блеснув лазурно синими глазами на пробивающимся свету свидетелю

их беседы анемаи пересекающей преграду мнительных занавесок.

– Мы возродим его. Наш сын уже готов, Мирадея при всей вздорности не сможет ему отказать, какой бы остервенелой шпилькой она не была. Если втуне её грез, теплиться тяга править, ей потребен принц. Токмо представь, наш сын в комплоте с силами Лирры идет на штурм Леденёного замка. Разве не этого ты алкал? Отправиться с ним на отвоевания земель Ревении вспять под права длань людей?

Короля коснулась шепотка уколывшей надежды. Его казалось, свинцовые сведенные скулы растаявшим льдом растянулись, а глаза просияли, показав его вызволенные из пучины неладных раздумий зеленоватые очи, из распутившихся оков присушенных век.

– Ну, так мы исходим? – опять же с пригоршней ехидности наигранно поинтересовалась королева, сжимая его размякшую длань, которая казалась, ожила, и отвечала ей вырванным теплом, и нежностью.

– Мне пригрезилось, мы все выжидали тебя? – посветлел король. Флагения неподвластно улыбнулась своим утонченным ртом, и они выходили из душных покоев, повисших в спертых веяньях духов испарин вымученных сборов.

Проходя под руку по подсвеченной ребрами, колон, остова, широкой односводчатой закопчённой галерее с бюстами правителей и их жен, они единодушно улыбнулись своим алебастровым прообразами, выточенным из камня. Висев-

шие поверх них на карамельных стенах портреты в натуральную величину, были писаны в их лучшие годы, и Сибульт слегка понурился, сличая себя нынешнего со своей молодой озорной подобравшейся копией. Зато горделивая Флагения не чувствовала не малых доли укора от молодцеватой близняшке. На обжившимся в галерее портрете она оцепенела в семнадцать летях, и нотка неопытности в её обескураженном лице, и висевшие бахромой наряды, были не сопоставимы и буквально сметены с родства, её пылающего нынешнего темперамента, и она чуток горделиво зарделась, ухватив мужа сильнее, отчего и он воспарял духом. Под ними был устлан ворсистый темно бурый ковер, а вездесущая расквартированная по нишам стража в закрытых сахарных шлемах, отблескивающих от плачущих свечей подвешенного с собственной тенью паникадила, чопорно прижатые к стенам, назойливыми искрами лат мешала им предаться светской беседе. Но все их чаяние была на небольшой проблеск свободы подобранным языкам перед входом в тронный зал. Высокий расписной потолок, перешедший в желваки нервюры, усиливал глухое рокотавшее эхо раздающиеся в конце коридора, и латники то и дело дергались при очередном стравленным стенами истошном отголоске.

– Это должно быть, прославленный менестрель Гуик, – заметила Флагения, нехотя позвякивая стравленным голоском в такт, отдаленным мелодиям. Получалось недурно.

– Бьюсь об заклад, уже доходит до каденции, – подхватив,

подметил Сибульт, хотя понимал, что ему приятнее скорее его классические продублированные летями мелодии, чем те подчистую площадные новшества, что он привез из Зиля. Возраст вновь подкосил его открытость новому.

Наконец их неспешные поравнявшиеся размеренные шаги по бурому погашающему звуку ковру, встали, возле расписных ставней, отделяющих их с чадом гомона пира. Два лощенных до блеска румянца в щеках лакея в ухоженных алых ливреях под белую рубчатую рубашку с пышными, раструбами манжетов, окаймленных золотистой тесьмой, вооруженных разве что шандалами, куртуазно ждали их легкого мановение или хотя бы намека лицевых мышц, дабы отворить створы в недра рокотавшего гульбища.

– Крайне уповаю, что мы не конечные, – цежено, выдохнул король, ловя неопределенный взор жены, обделяя вниманием лакея, с завитыми светлыми волосами, которых он постоянно слабо уловимо сдувал, в надежде не пропустить из-за курчавых шор приказ.

– Я королева. Меня положено ждать, – пылко заявила она с оттенком контральто, павой приосанившись, подобрав губы. Но тут же сменив оттенок непогоды, сменила интонацию, в уклон значительно приятного ласкающего бриза. – Тем паче, я заверена, мы не замыкаем тех, кто был приглашен.

– Кто же посмеет опоздать, выказав такое беспардонное дерзновение? – истово вознегодовал Сибульт, выпучив округлившиеся очи.

– Есть, кое-кто на примете... – игриво произнесла королева, ерзнув тонким языком по краю губы, и, не договаривая, двинула перебором пальцев по воздуху, и участливые лакеи, наизготовку облизывающиеся гроздьями капель испарины от гнетущего ожидания, цепко ухватив кольца створ, подобострастно опустив чела, потянули расписные воротины на себя, выпуская возобладавший гул наружу.

Огромный простирающийся сводчатый зал с реющими от квелого сквозняка стягами знамен и рукотворно расписанным потолком меж жил нервюр, включая три сложенных массивов столов, под завязку нагруженных, тесно стоящих, пленяющие воображение, и напирющие друг на друга яствы, буквально оробевши, ломившись трепетали. И все от натиска осатаневших в кураже гостей, бесцеремонно опустошающих кубки, да проливая на узорчато расписные в полоски скатерти вино. Высокие потолки, подпираемые мраморными колоннами, стяжали и развеивали вопли взбеленившегося пиршества, под вкрапленные под углы ребер настенные картины эльфийского взгляда на древнюю провинцию Мирадении, преимущественно в ярких красках, заката и отблеском капель на листве, что замыкала идиллистический пейзаж. В сердце зала, на мозаичном карамельно ванильном полу, надрывая струны, обтекающей ручьями пота, бард – Гуик, как и было предсказано Сибультом, на потеху сластолюбивой толпе, довершал свою новую песню, и, увы, его серенады давно сгинули за гомоном, и ошалелыми криками обезу-

мевшей вне призора властителей свиты. Примечательно, что достопочтенные, благопристойные леди, да чопорные порой донельзя господа, давно скинули внешнее кандалы напускного приличия, а одна из дам высшего света, стянув платья до бедер, обливала свое восковое лоно алым вином, вынуждая одно из графов вылакивать остатки из её ложбинки меж налитых грудей, под её задорный визгливый хохот.

На почтенном месте короля в ложе свиты, как раз восседал заграбаставший правильные черты матери и зеленые очи отца, старший сын короля Симал. И, не сильно утруждая себя формальностями, распустив узловые родовые обязательства, держал на месте королевы прислугу, которая перешла стадию сконфуженной вычурами крестьянки, и давно взахлеб потребляла вино, которое ей активно подливал нерадивый к утехам принц.

Стоило первой леди миную налипшие на круглый лоб витые локоны, с противоположного стола заметить воровато приближающуюся неожиданно выросшую в проходе августейшую чету, как мадмуазель тот час расторопно выплеснула бокал в лицо своему воркующему её на ухо кавалеру, который так ретиво бороздил шаловливой рукой под столом, старательно стараясь дотянуться до её кружевных чулков. Изумленный до немоты вольной выходкой герцог, вытаращивший очумелые очи, сжигающие кураж, хотел было отвесить ей ответную оплеуху, но его опрометчивая парирующая проделка, оборвалась на излёте, когда тот испод нахму-

ренных бровей, мельком взглянул в сторону, куда судорожно указала колготная белеющая до полотна спутница, телесно прижавшая к себе его негодование. Его свежо мокрый парик тот час, мочалкой спал, и он, отмыкая свои торчащие и немывые волосы с чарующе мягких боков от издыхающего бюста пассивности, вознамерился показать свое расположение первым. Он был не стар, не млад, отчего был все ещё в надлежащей форме. И его громогласный глас, и чинно поднятый фужер, не смотря на более темные берёзовые пятна на его окропленном вином дублете с запятнанными кружевами рубахи, да ещё не высохшее от бусин капель сведенное оторопью лицо, никого не смутили.

– Да здравствует Король и Королева Майзы!

Всею возобладавшей над тишиной праздной сластолюбивый гул, стал, как украденный стихать. Разносящее слабый привкус гари при дне паникадило, что казалась, уже раззадорено раскачивается от повисшего в зале лепета, умиротворилась, и змеящиеся огни свеч, замерли в устойчивом положении, слегка чадя потолок в одной точке, как и раньше слезоточиво отпуская редкие капли, разбивающиеся об плитку пола уже с явным эхом хлюпа. Не сговариваясь, каждый из давеча бесцеремонно гомонящих, стрелой вскакивал, порой без стеснений роня сидевших на коленях токмо заливающихся раскрепощённым хохотом дам, или на оборот, ударяя теменем графов, которые казалось, потеряли последние задатки благопристойностей. Оловянной на коченевшие чле-

ны Симал, жидко спав с кресла, умыкнув за собой избранницу, закатав посиневшую губу, выказал напускное уважение, поклонившись, а его посоловевшая прислуга в домо- тканом сарафане, которая держалась на тонких ногах из последних сил, была подхвачена им за локоть, при первых поползновениях окончательно растелиться на полу с натянутой шальной ухмылкой. Осунувшаяся стусеванная графиня, что только, что недвусмысленно предлагала лакать с неё остатки капель вина, скрыла свой срам, и бледная как смерть чувствую кол в гортани, выпучив глаза с замиранием сердца, лихорадочно ждала реакции ворвавшихся как не званых правителей. Один единственный менестрель Гуик, что в своих узких посконно шитых шосссах, на арлекинскую мурыженную мипарти, не выпускал лютни, мерещился самым приличным в стойле упавших нравов. И, сняв свой точно жухлый, некогда ярко красный колпак, выказал предельно учтивую милость, своим покровителям, кои призывали его на пир, а не на балаган площадного трактира, в котором он по случайности имел место оказаться «вновь», разве, что с более приятным окружением стен и сводов с буколическими картинами истекшего.

Надменно обведший гробовую тишину желчным взором Король не утруждал себя комментариями, видя на варварски разоренных блюдах, двух запеченных до бронзы промасленных птиц, поставленных в позу сношения. Он лишь исподлобья посмотрел на королеву, и та, насилу сглотнув комок, от-

метила отягощённым грызущим стыдом голосом, ровно чего и желала доказать себе.

– Видишь. Среди них, нет одного. Джоаль, все ещё припаздывает...

1.

– А потом? – с лелеющим любопытством заломила раздевая баронесса, лежавшая на животе в покоях графа в negligé, зондируя высокий потолок своими пышными формами, и капельку заплывшем мясистым лицом, с тонким носом. Её витые рыжие локоны ниспадали на ярко серые глаза, но пьянённая интересом она не спешила уводить их за уши. Дергая ногами, слабо подернутыми намечающимся варикозом, словно лопастями, она нетерпеливо ждала слова, от сидевшего над ней упершего в резное изголовье кровати, и накрытого по плоский живот млажавого виконта.

Он был слегка младше неё (как оценил бы он сам). При её тридцати шести, она была все ещё не замужней, и пускай ему миновало всего двадцать четыре, он был племянником королевы, а значить в теории владельцем ближайшей вотчины и нажитого состояния. На его почти безволосом сухопаром не знавшем загара теле, был приметен небольшой рубец, и то, оттого лишь, что встарь его натаскивали к фехтованию, и он доблестно оставил последствия этих беглых поучений на своем не искушенном физическим трудом торсе, тянув-

шемся от сердца к брюшине. Небольшие обрисовывающиеся медные усы, и вытянутая реденькая бородка, делали его сошедшим с портретов олицетворением, зачатков к привычному образу графа, разве что его едва ли бурые волосы, доставшиеся от матери, доходившие до покатых плеч, выбивалась из почтенной уложенной прически. Он был стройным, но не более. В бытии своем он избирал лишь, декламировать сонеты, да мостить коротко временные романы с графинями, которые так и липли к нему, видя его немного слащавое треугольное лицо с тонким носом, и угловатыми скулами, отличное от привычных пухлых щетинистых щек с чавкающими брылами, погрузневших мужей. Он любил терзать ожиданием своих избранных любовниц, чем их обгладывающий его заживо интерес лишь бурей возрастал. Знаки внимания, он оказывал редко, так как для этого зачастую не доходило, ибо уже за лаконичный сахарный разговор он оказывался с ними в ложе. Беззаботная жизнь завидного шалопая виконта подкреплялась его статусом, но он не был лишен жажды самопознания, или развития. Его прибитый с малу учитель Дивелз, поведал ему во всех нежелательных подробностях об истории мира: вторжение, с последующим захвате Мидарении, и становлении людей, как единоличных и самопровозглашённых владельцев этих земель. Про падение эпохи древних властителей Тайнов от пламени обузданных драконов, и первых битвах с новоявленным злом Некромантом. Особливо ему было занято поминать об великом неизгла-

димом зле – *Некроманте*, представшем жупелом всем людей, даже тех, кто его отродясь не воочию не узрел. Стихийно прибывавший раз в сотню лет с самих запретных земель, он производил ужасные кровопролитные гонения, и из разу в раз, поднимающих подневольных пред его чарами орков со всех углов Мидарении. Он погруженный в себя, как раз с ностальгической ужимкой припоминал недавнюю элегию, поведанную Дивелзом о потери Леденёного замка Антур с ревенских земель, когда лежавшая подле него графиня окончательно затеряла учтивое терпение, сорвав с узды желчь.

– Твое равнодушие невыносимо! – укоряюще вспылив, фыркнула она, и, не скупясь на нагое растеривающее упругость тело, спрыгнула и принялась пошагово собирать свой туалет. Она уже натягивала тугие темные гольфы, когда Джоаль вышел из своего умоисступлённого ступора, витавшего в облаках.

– Прости мою нерадивость. О чем мы балакали? – его спокойный вкрадчивый подернутый сонливостью голос того гляди, предвещал, что он готов прильнуть, и отойти прямым в чары глубоко сна. Но этой нити, (одетой лишь по колени), с довеском хватило, дабы временно вырвать его из неминуемой обуревающим дремы перед тем, как он возвращался душой в свои покои.

– Ты лепетал про свою посуленную вотчину, и как не прочь занять её с кем-то... – она произнесла это с непри-

крытым огнем укоризны, но он казалось, опять провалился в свои заарканившие думы, и не замечал её нависших на сведенном лице переживаний. Её округлые с налетом дородности формы постепенно обрастали одеждой, а он так и лежал, зацепившись за соломинку сверлившей мысли, ненасытно рассуждая, какими ухищрениями можно будет занять ближайшие поместье, и отказаться от привилегий сановника, без лишних обязательств.

– Сегодня релевантный прием, – как в молоко отпустила разобиженная его безучастностью графиня озленным тоном. – Там потребно пребывать всем привилегированным классам. Ты ведь украдкой припоминаешь, что фиктивно к ним относишься?

Его бездумный обособленный от неё взгляд все так же иступлено сверлил стеклянными очами пространство впереди, не замечая, как она в конечном исходе оскорбленно вздернув плоским подбородком спешно удалилась, хлопнув ставней, сгоняя пылевые осыпи ручьев с кладки. Иные опрометью почли бы, мол, она ему прискучила, и тот использует безразличие в пересмешку с бесстрастностью, просто, дабы резвее от неё отбояриться, и отчасти сие водилось так, но было ещё кое, что. Ноне в тронном зале, приключится внезапная перемена мест, и его незапамятный соперник на престол Симал все же зашибет долгожданную милость вступить в претенденты на трон замка Антур, который и ему казался весьма прельстительно заманчивым. Покуда эльфы с несколькими

ми бравыми воинами отбили его из лап Некроманта, который будто магнитом шел к ним, с самих запретных земель огненным бичом выжигая встречные земли, он стал вновь на слуху, и желанным. Точно тот своим попустительством дул с него тлетворную пыль.

Его неизбывные грезы с горькой капелью в гортань таили, как и смакования спонтанного акта с баронессой, которая скоро разнесет домыслы, о квелости его гордости. Но сейчас, перед его затуманенным взором предстала иная картина. На ней среди потьмы затемненного гардинами декора застал прошлый владелец достопочтенной крепости. Дивелз с известной не вытираемой щедростью, радушно подарил ему картину из своей наживной коллекции, так как он никогда не мнил зазорным свои двойственные корни, чтя историю и людей, и своих режущих слух и глаза свите в замке предков эльфов. Долговязый стройный, худощавый остролицый снежнокожий эльф, с белокурами тонкими ниспадающими до закованного в приталенные латы торса волосами, зрел на полуобнаженного Джоалья, с длинным угловатым мечом с витиеватой под лианы изогнутой рукоятью, способным перерубить любого латника, королевской стражи, так как их мечи имели небывалую стойкость при выковке, а заточка казалась, создана, для прорубки гротов. Его тонкая, но тесно облегающая броня с нагрудником в скани шипастых цветов скрывала все его тело, а дегтярно-черный окрас с небольшим эффектом преломления зноя, от анемаи, пест-

рил, чем создавал неотвратимый эффект присутствия. В его почти, что янтарных лупоглазых зеницах, был, ощутишь статный упрек, а в левой руке обитал его вытянутый расписной серебристой филигранью по бокам шлем, с выбоинами для глаз, и стрелкой ложбинки наместника, а окрестность латунного шлема, будто помадкой выходил вверх острие, отчего Джозель и опамятовался.

– Прием! – не успел он сорвавшимся возгласом взвыть, утрачивая и без того тусклую краску с гладких меловых щек выпучивая незримые в полумраке очи, как уже прынул с измятой минувшей борьбой пары койки и, запутавшись в одеяле, грузно спал на пол. В овладевшей с ознобом на закорках спешке он все ещё обитав в темени его обители натянул свое витиеватые одеяния поверх набежавших бусинок стылой испарины, и, накинув круглый куаф, пригнутый набекрень, он растворив дверь на отлет, и перебирая одеревеневшими ногами с гулом по пустым потернам замка, не помня себя, помчался прочь из навстречу к властной тете, и с сверх того влиятельного дяди.

2.

Неприемлемые разнузданные страсти у столов поутихли. Кушанья больше не сношались между собой, а с пиететом, минуя легкий лязг, отделялись столовыми предметами, и приглушенным чмоканьем смаковались, отдавая скоп-

ленный в себе привкус нашпигованных пряных приправ и сладко острого соуса, как и подобает. Главенствующий король с королевой были оцеплены прихлебательской стусшеванной свитой, которые проглотив вместе с кушаньями срам своих выходов, на время, урезонив свои выбившиеся из узды чувства куража сладострастия, увлеклись примеряющей негласное шельмование светской беседой между собой в приглушенной воркотне, не замечая их, и властителем судеб выдалась возможность потолковать интимно. И сидевшей по одесную от короля проглотивший язык и разгильдяйский нрав Симал облаченный в свободный синеватого пошива упелянд несколько не спугнул бы их наболевшую тему. Кресло виконта по ошуюю от Королевы, все ещё обездолено пустело, чем оба супруга были раззадорено, недовольны, отчего первоначальная наболевшая тема беседы встала ребром им в гортань само собой.

– Джоаль всегда был безрассуден, но я ведь заблаговременно предостерёг, что это будет чрезвычайно значимо, – цежено молвил Сибульт пригубил атласный кубок, обряженный в филигрань, и капли вина ещё не сошли с его вислых от влаги усов, когда королеву неожиданно осенило.

– Желаеть его проучить? – её широко разверзавшиеся синие глаза лукаво блеснули, наблюдая за его назревающей реакцией, и попутно пытливо присматривая за проделками сына. Кой все так же воркующее донимал прислугу, которая в своей поношенной сермяге сдерживая прорыв наиглупей-

шего смеха, держалась на ногах, только за счет его устойчивого плеча, пока растрепанные светлые локоны ворсом вырывались из её чепца, кой срывался с алеющей хмели на щеках.

– Есть заготовленный помысел? – с толикой увлеченности подхватил Сибульт, потянувшись за новым для себя блюдом, которое казалось, приковывало к себе внимания, одним видом, а запах...

– Один, – не отрывая испытывающего взгляда за присмиревшими гостями, процедила Флагения. Ей на мгновение проклюнулось, что отдаленно в теснине плоти, за ней наблюдает заморский смуглый гость, прибывший, в качестве посла, но тот затесавшись розой в лопухах моргнув изменил траекторию взгляда, и обратил внимание, на более молодую особу под своим плечом.

– Не любо мне, когда ты тянешь, – ипохондрически раздраженно изрек король, вцепившись вилкой в причудливую снедь, попутно стараясь отделить от неё хребтовый гребень, который казалось, прежде служил для защиты. Должно не сослужил.

– Не ешь это, – предварительно безальтернативно попросила жена, все так же снедающего без обособленности высматривая экстравагантного заморского посла.

– В честь чего? – его тучные и слегка подернутые хмелем зеленоватые глаза, были неслабо обескуражены, а борода шельфом провалилась вместе с набежавшей огорошенной

гримасой.

– Я чаю, сие блюдо с востока. Припоминаешь, что случилось в былой раз, как ты позарился на эту из тех... – вне обиняка посмотрев на него, обвела она сверкающими лазурными зрачками в полном круге по границам ореолам белка век, поморщив изящный нос.

– Ты уродилась, почивать на софу, из-за скажем... спертости воздуха, – он примерено, сдавшись вернул блюда назад, и недовольно повел губой. Прилюдно давать слабинку он не жаловал.

– Благодарствую супруг. А что касается Джоалья, у меня закрались такие воззрения. Он же всей малодушной душонкой сладострастной повесы, жалуется как родного твоего несчастного Дивелза, каковой все увещевает его сказками о закорках Мирадении, но сам наш бравый любитель ветхих сказаний, за пределы замка, в жизни не отлучался.

– Не постигаю, к чему плетётся этот клубок слов, – непонимающе положил голову на инкрустированный перстяными кулак Сибульт, локоть его уперся в позолоченный подлокотник, который оканчивался горгульей с раскрытым зевом, выпускающим клыки и длинный раздвоенный язык, на полностью безглазый череп с широкой лобной долей.

– Как ты полагал известить Куика, касательно династического брака?

– Изберу посла, а лучше сановника. Пусть красноречиво предоставит нашего недомерка, и заверит, что за тридевять

земель, лучше этого оболдуя не сыскать. Может, к слову, пошлю Дивелза, он языком орудует, ни на йоту дурнее как мой отец секирой. Полагаю, он наипаче удачный из кандидатур...

– Нет! Эта полукровка, не сгодиться. Да и мне он не люб, – в сердцах вспылыв взъелась Флагения, стравлено скрипя сведенными зубами мяв прелестные уста играясь желваками и вздувшимися жилами висков, свирепо покрутив пальцев по рожковому фужеру с позолоченной ножкой и резным орнаментом по стеклу, все так же краем горящего глаза примечая пристальный то и дело возвращающейся взгляд черно-волосого посла с востока в тюрбане.

– В толк не возьму, отчего ты та на него окрысилась? Он верой и правдой служил ещё моему отцу, и ни разу не был уличён вне милости. Детей эти бедолаги иметь не могут, чем они тебе так занозой в гузне не угодили? – слегка обидчиво прыснул Сибульт, и не теряя момента потянулся к другой ястве, что сильно отдавала шалфеем. Не хороший знак для королевства, но приятный на вкус.

– Я желаю, дабы справился Джоаль. Дай ему в навес трех солдат, и пусть доберется до Лирры, и передаст весть лично Куику... – она не успела и слова лишнего обранить, как король поперхнулся. На это сразу устремил обгладывающее внимание человек с востока. Казалось, он только этого и поджидал, тщившись завершить козни с заморским блюдом. Но сем предстало лишь форменное удивление от ошарашивающей новости о предпочтенном кандидате в посланцы.

Флагения же пропуская давления в гортани супруга, с обу-ревающей мнительностью отметила непонятные взоры смуг-локожего человека с востока. Но как бы он не пытался по-дозрительно бросаться на неё и мужа взглядами, его обсту-пившее окружение казалось полностью удовлетворённо его обществом, и постоянно не наигранно реагирует, на каждое его слово в бурной отклики, как если бы он знал язык в со-вершенстве, и успевал рассказывать не заезженные для ушей остроты, переводя местные анекдоты для слушателей разве-сивших уши. Иль они все услужливая клака?

– Джоаль посланец? Ну-ну, разутешила... – недобро зу-боскаля усмехнулся король с нанесенным на лицо рделым румянцем, все ещё с хрипотцой покашливая раз в три се-кунды сотрясая виски и корону, утирая при этом седеющие соль с перцем усы, которые вымазались в сладком соусе, по-ка он подносил к ним бронзовую ножку запеченной птицы, в листьях шалфея. Он уже позабыл о преданиях из лесов ка-сательно эльфов.

– Следовательно ужели кандидатуру внесла я, то немедля срывается смех, а твой полуэльф, дескать навес золото, так как его вдумчиво избрал ты? – сведя лицо в кулак, сквозь зу-бы отпутала та, а сжатый бокал, того гляди собирался трес-нуть в её напряжённых пальцах, и скрытых побелевших ко-стяшках за широкими рукавами белесой ажурной ткани ве-ликолепного платья. Очередная звонкая песня менестреля слетала со струн к концу, и уже набить оскомину рефрен,

наконец, осел в лепете подоспевших к овамцам гостей.

– А знаешь? Пускай. Если срамиться, то с размахом, – равнодушно махнул рукой в перстах Сибульт, отпираясь от всех сумлений. – Сын у нас не дарование, вот и представим его соответственно. Твой племяш, все же временами был вхожим в обществе Дивелза, так что я уповаю, на незначительные отложения этикета в его сладострастных, помещенных на возрастных барышнях мозгах.

– Вот и порешили, – звякнула бокалом королева, об кубок мужа, сгоняя хмурость, нацепив широкую улыбкой, растертой по её розовым обольщающим всякого губам. Она предумышленно сделала сие действие, как можно звонче с тем, чтобы даже в глухом гомоне соблазнить внимание человека с востока. Но его, например смуглая кожа, испарилась с того место, и сгрудившиеся тела окрест его сгинувшей ауры, рассредоточились по своим местам, и находились в меланхоличной унылой скуке от ухода столь увлекательного заморского гостя. Этот кон неизвестного ей игрища явно был за ним.

Пир продолжал набирать обороты, войдя во вкус вина, заливая всем глаза возвращая хмель в разогревшейся крови, хотя и не так развязно, как до острастки ввиду прихода правителей. Стираяющий пальцы об струны менестрель окончательно выдохся, и его голос постепенно стал хрипнуть, и он, обливаясь сальным потом, евшим очи, и забегающем солью на уста, больше доверял своему инструменту, нежели певчим силам, зреющим в его пересохшей гортани. Сидевший с бо-

ку Симал понуривши, с досадой опорожнял очередной бокал, осторожными глотками, а его служанка все так же стояла на ватных ногах подле него, только за счет упора в изразцовую золотую спинку его почетного сиденья наследника престола.

Сквозь устоявшийся шум и воцарившейся гул разговоров, в зал полной недоумевающих господ, всецело до сих пор беспочвенно гадая отчего их истинно собрали, если никакой внятной повестки не огласили даже запоздавшие правители, все же заметили их увлеченные взоры то и дело гуляющие от лица к лицу пока не остановились, и те постепенно замирая искали точку, так сильно приковавшую их внимание. Позади стреноженных столов через открытый арочный проход, и двух стражников у входа, стараясь действовать незаметно, воровато пробирался Джоаль, попутно придерживая свой бордовый куаф с согнутым ребром набекрень. Он тут же как искра во тьме привлек внимание всей плеяды прихлебателей, и если мужское общество, лишь усмехнулось с редкими оскалами, то подавляющая группа высокородных дам скривившись как от кислого, выдала небольшой клеткот, который зарождался очагами, и воспламеняющимися скачками бродил от стола к столу с обуздавшем гневом обиженных женщин.

Обвивая столы слева, слегка порозовевший от пробежки Джоаль дергая вислыми прядями вытесненной челки, размеренной вальяжной поступью дошел до своего пустеюще-

го места за креслом с мягкой подбитой спиной из желтого шелка, под левой дланью от королевы. В обстановки полной постепенно вытеснившей шуму тишины, так как даже Гук взял передышку для единодушного придания драматизма ситуации, он отодвинул предназначенное ему окаймленное золотом кресло, отчего раздался шершавый пробежавший по округе звук по плиточному полу каскадом разлетевшись по полым стенам, и только когда уселся, заметил пристальное внимание, нацепленное со всех сторон.

Его виноватые голубоватые глаза на резко усевшем лице, смотрели сразу на всех, и только потом неспешно перепали на свою тетку, которая казалась, вразрез прочем довольна. Довольная тем, как все восседающие вошли в журиющий бессознательный альянс, сверля его разными по степени негодования взглядами, до глубины поражённые его дерзостью. Сибульт утопив пальцы в головы горгулий, держался дольше всех, с тем чтобы не разразиться заготовленной желчной волной гнева к нерадивому племяннику, но умяв остротку возобладав собой, все же прочистив горло очередным бокалом с жидкостью, он выдал характерный отзвук разметавшегося по-пустому на отголоски помещению покашливания, намекая на его инициативность в оглашение обелений.

– Нижайше прошу помиловать, за недопустимое опоздание. Впредь сего допущения не повториться, – окруженный немим полукольцом попрека конфузливо заверил Джоаль, встав и поклонившись родственникам, низко, но, все же дер-

жа дистанцию, чтобы не попасть лицом в яству. Королева, напустив хмурость на гладкий открытый лоб, резко одернула его за бордовый рукав в желтую тесьму его изящного кафтана, и залившись краской, сердито усадила обратно.

Сибульт отпирая исподлобный взор с малость ошеломленного племянника, наконец, звякнув подвесками, распрямляя клетчатую буро золотую ткань, привстал, и все, в конце концов, отлипли своими жалящими взглядами от проштрафившегося виконта, без толики совести, и с заглядываем в рот государю ждали громогласную речь, кою пришлось выждать долгие томительные часы пиршества. Хотя мола кому они привиделись столь утомительными и чуждыми.

– Рад приветствовать всех собравшихся нынче у нас. И так как все обрисовались и на своих местах... – он ещё раз искоса повел буравящим источающим яд взглядом на Джоаля, который подмяв уста вжался в кресло, скрывая розовеющие щеки утопающей шеей в кожуру кафтана. – Желаю паце не держать в умах, столь повисший в воздухе вопрос. Что празднуем мы сегодня? Отчего столь пышный пир? – веле-речиво задал он риторический вопрос в обступившие массы, которые негодующее переглядывались, но постарались безмолвствовать, боясь перебить зачавшего словоохотливую идиому правителя.

– Мой сын, – король почитай небрежно, указал плеснувшим на скатерть окропляющим вином из кубка на одесную

сторону от себя, за которой все так же восседал отрешенно томящимся Симал. Кой после оглашения себя окончательно лишился цвета лица, вжавшись в свой синеватый упленд, с выражением полного исступления в выкаченных зеницах, на осунувшейся мине. – В скорую пору пристанет женихом прекрасной принцессы Лирры, Мирадеи, чья красота молвой прошла, через всю Мирадению, прогрызая наши уши. Посему я и прошу его встать, а вас чествовать, его, как будущего короля.

Каждый из господ, графинь, баронесс, дочерей знатных сановников, и даже лакеи с отстраненной к дверям стражей, закованных в латы, без долгих ропотных раздумий, залились единодушными рукоплесканиями, и чередовали это с поднятиями кубков, присовокупляя к ним мелкие бравурные выкрики. Человек с востока, лукаво высунулся из тени в омут оваций, и так же поздравил наследника династии Майзы, подняв бокал, наполненный прозрачной жидкостью, изящно подернув нафабранные усы. Но тут король задрал открытую длань опять, не дав сыну пережить второй приступ смущения после того, как кровь только отошла из пут ледяного одеревенения оцепеневших от новости членов.

– Но не все так ладно... – поверг он всех резким выбивающим почву из-под ног выпадом мысли. – Трон ему я отдавать не намереваюсь. Поскольку не шибко стар, а прекрасная жена ещё может стать дасть мне более достойного наследника, – от этих слов, в зале прошли непонятные негоду-

ющие перешептывания, но Сибульт быстро оком сверкнул глазами, давая намек, что это была лишь шутка, для затравки. – Но двум августейшим особам, однакож надобен престол, – обезоруживающий новыми пассажирами продолжал он. Его непоколебимый тон был столь уверенным, что Флагения вспылала чувством гордости за мужа, с упоением вбирая в лоно воздух раскачивая яшмовый камень, и в умалишённом обожании вкушала его речь. – Вследствие сего, я и мню, им впору занять Лядиной замок, зачав в нем новую династию. И тогда союз трех королей будет воскрешен, и уже не рухнет никогда, так как все мы сроднимся, и не посмеем покуситься убивать своих детей и отцов.

Он гордо задрал кубок и тотчас с лязгом размножил его об стол. Жест был воспринят не однозначно, но уже вскоре все громогласно залопотали, а Симал вновь вскочил, толи от радости, толи обуявшего шока, и его служанка не удержалась и отправившись на волю воздуху рухнула навзничь, затеряв сознания, но о ней быстро все позабыли. Ошалевшей новостями сын раболепно обнимал отца. Королева гордая за мужа и будущее потомство зардевшись, прижимала ажурную салфетку к невообразимо ехидным губам, прикрыв глаза под светлыми тонкими бровями в форме свода. Казалось, все загомонившее сонмище витало в охвативших с головой несбыточных грезах за назревающее возрождение давнего союза, о каковом слагали неизгладимые из памяти легенды, но если прихотливо приглядеться в оживший гого-

танием зал, то можно выделить два темных пятна не ставших единым целом с восторженным гвалтом. Насупленный Джоаль сидел, углубившись в своё кресло, и обгладывающее наблюдая за младшем двоюродным братом, и дядей, не скрывая своего саднящего в горле и на душе разочарования. Симал всегда уступал ему, и разве что фехтования давалось этому невзрачному юноше без натуг, который без двух недель мог стать королем, с нуля. Не прикладывая никаких натуг, не прочтя за четверть века больше двух книг, а слушки о том, что тому невмочь заснуть без лучины, и призора одной из возрастных служанок давно эхом проносились в стенах замка, и были доподлинно известны, всей свите. Однако всеобщие обуздавшее ликования не выдавала ни тени сомнений в избраннике на престол, или же все попусту лишились головы на плечах, от выскобленного предложения из аналов веков – *Союз трех королей*. Древний альянс пилигримов, против нелюдей, погубивших династии эльфов, что и сподвигло их коллективными усилиями воззвать Некроманта из пучины смерти, сновавшего возрождённым по деревням и предместьям уничтожая ненавистных его хозяевам людей. И даже погубившего Войска Кайблала, последнего человека, занимавшего Ледяной замок, до того, как те земли стали считаться безвозвратно утерянными, подробленными на границы Майзы и Лирры.

Тихо ликующая Флагения мельком заметила сочившееся недовольство племянника, как и человека с востока, но, ес-

ли тот в силу наметанности сумел его скрыть под маской притворства, Джоаль, окончательно утратил располагающий вид, отчего она и одернула его опять. Наклонившись, и подбрав челку, выпадающую из-за его куафа в тон своему кафтану, для лучшего обзора, со все тем же зиявшее недовольным лицом, исказившего его рот и сведшее зубы, и прищурив голубые глаза, он выдержанно ждал отрезвляющего слова тети.

– Не уж-то, ты сам алкал занять вотчину, по праву принадлежащую царским особам? – наигранно усмехнулась она, но говорила шепотом потонувшим во всеобщем трансе.

Согбенный Джоаль, напустил вид, что на поверку снисходителен, и вобрав перебитого яствами и воском воздуха с томным видом ответил, как и подобает, с пиететом.

– Суть не во мне, а кому она выпадет тетя, – в его словах жила неисчерпаемая досада.

– Чаешь, они не годятся для новой династии? – сузила она свои притягательные синие очи в сторону зеркально понурившихся глаз родственника.

– За неё ещё судить не горазд. Но тетя, мы с вами оба ведаем, кто обмачивал простыни до двенадцати, видя черную тень, и кто почивал токмо под боком одной из слуг, держа палец во рту, до того, как научился охмурять молоденьких служанок, своим саном, и страхом гильотины, за измену пред родиной.

Флагения опустив глаза, тяжело выдохнула попрек. Этот

жест не был замечен многим, она умела маскировать это, но племянник всю жизнь рос с ней, и знал повадки тетки лучше, чем родителей, которых давно уже позабыл.

– Ты ещё помяни, отроческий период, когда мы гоняли его от купелей, женских бань во дворе, в виду его вуяристических наклонностей, – ядовито говорила она, придерживая раструб рукава, со спавшими веером пальцами поверх губ, нежизлая, чтобы лишние слова вышли из скромного междоусобия. Такие беседы достойны лишь их.

– Я бы охотнее припомнил, как он в силу статуса понудил одну из своих служанок, всякую ночь укладываться с ним нагой, и какую трепку ему задал Сибульт, когда...

– Полно, – прервала она его, небрежно отмахнувшись, кривив черты безупречного лица.

– Не взыщи тетя, но я не могу так же легко выкинуть это из дум. Мы с ним ладили, так как отроками росли вместе, но я все же старше, а следовательно, рассудительнее. Дивелз многому меня...

– Можно обойтись в беседе со мной без этого каверзного имени, которое уже в печенке у меня сидит! – всплыв оборвала она его, покрывив лик дернув губой, и облепляя свою тонкую шею поверх ониксового ожерелье пальцами, имитируя удушение.

– Не обессудь тетя, запомятовал, – почтенно кивнул Джоаль, проглатывая мысль. Это заметила тетя.

– Ты голоден? – внезапно рачительно просветлела она.

В тот момент, слегка отдохнувший Гуик, сыскал, второе дыхание, и вобрав всеобщее бравурное ликования, выдавал новую песню, которая резко поменяла тональность, и стала прославлять Субульта первого, отчего услаженный король растекся в кресле трона, раздавив лицо в бороздах ностальгии вспоминая легенду, которую с гордостью носил в своем имени.

– Нет, тетя я, пожалуй, под шумок, ретируюсь. Мне особенно нечего здесь лелеять. Справлюсь гоже к своим делам, прочту новый сонет, каковой как пить дать исполнит Гуик, напрямик к свадьбе моего горячо любимого братца...

– Не спеши, – ухватила его расторопность Флагения за пресловутый кружевной рукав. Заарканенный Джоаль послушно уселся обратно. Его брови встали домиком, а вздёрнувшиеся усы с незначительной бородкой сдавалось, переняли его настроение и так же непонятливо повисли. – Для тебя отведена роль в этой оказии.

Джоаль тотчас повесив нос, ожидал худущего. Стать десницей брату, фактически означало, что на него лягут все обязанности, покудова оный будет неразлучен с первой красавицей Лирры – *а может и всей Мираденией!* Но он ещё не догадывался о своей фатальной ошибке в расчетах. Ошибкой ценой в душевное спокойствие.

Флагения потянула растаявшего от услады слуха мужа к себе, кротко взяв за плечо, покамест скупая слеза орошала его пышные щеки с налетом промоин морщин. Но получив

от неё лаконичное слово на ухо, он тут же как в воду опущенный посерьезнел и конец значимых для него стихов, не вызвал привычного для барда, требования бис. Вместо этого, заплывший палец в перстах, с повисшей на лице пасмурности подозвал музыканта в красном колпаке к себе. С ужасом оцепеневшей до немоты и чувствуя, как зашевелились под колпаком столбов вмётшиеся волосы и как сбегают галопом мурашек по закоркам к душе, спавшей в пятке, растерянный музыкант, с неумемной дрожью по всему наряду арлекина под мипарти, и, прижимая лютню к подкосившемуся коленям неспешно приближался, дрожа синими устами и выкатив до глубины фибр озадаченные очи. На его шеи окромя испарины уже чувствовалась эфирная петля.

– Благодарствую тебе Гуик от лица короны, теперича, я вынужден просить тебя удалиться. Общая часть миновала, я удаляюсь, и тебе не к чему терзать уши тех, кто будет зазноблён всем, чем угодно кроме твоей гениальной музыки, когда мы ретируемся.

Окутанный наводящими седину страхами менестрель, спустив с плеч гнет мнительности, почтенно поклонился и почти тут же окрыленный безмятежностью, растворился в замке. Король же, встав ещё раз, пожал плечо сына, и, выводя грузность укутанного в клетчатый камзол живот, принялся возвращаться в подготовленные ставни. Джоаль все ещё терпеливо ждал, чего-то, когда тетка, будто рассержено прыснула.

– Чего щеголем восседаешь? У него к тебе поручение, не требующее отложений. Если полагаешь, что твои запоздания можно простить, то я бы попридержала эти грезы, и на твоём месте расторопно поторопилась исполнить волю моего мужа.

Джоаль привстал, почтенно отклонился ей, и поспешил за удаляющимся Сибультом. Флагении наполнили бокал, и тогда она увидела темного гостя, который аналогично племяннику явственно не поддержал выдвижение Симала на престол. Она тотчас подозвала услужливую служанку и повелела вызвать посла на аперитив. Получив известие, он выполз из-за вновь облепивших его гостей, и выставил напоказ сине-чёрное облачение. Он непременно направлялся к ней с лязгающим пристуком, и от его персоны поодаль веяла недобрая аура.

3.

Джоаль нагнал быстро удаляющегося правителя, пока он беззвучно торил по ворсистому бурому применяющимся под весом государя ковро, попутно вещая свой томный взор на расквартированные по краям кремовых стен картины, и разбитые на постаментах бюсты знаменитых лиц короны, прошедших через два столетия. Он как раз застопорился перед портретом, который возник здесь с последней досточтимой полноформатной битвы, косьбой смерти унёсшей жизни

почти половины королевства, с каждой стороны. А Ревения и вовсе растеряла свои владения, как и всех своих воинов, наследники Кайбласа, не были найдены, так как Антур был осажден и всю свиту, погубили. Некромант выжег бичом чар, всех кто там был, и кто бы знал, если бы не трусость отца Куика Пактия, каков у битвы мог обрестаться итог? Но они непростительно опоздали, и пришли на границу пепелища, и хоть Некромант с ордами орков, сотнями лучших лучников эльфов с запретных земель, големов да тролями был разбит, победа была достигнута слишком большой ценой, и битва при Антуре вызывала озноб, даже у наследников великих правителей. В той битве сложили голову не только сам Сибульт, но и отец Джоаля, старший брат Флагении. Мать же, не перенеся горя, умерла от нервного истощения.

Сибульт младший, перебирая желваками под бородой, пытливо смотрел на портрет Кармаля, отца Джоаля, который никогда не расставался со своей расписной под руны секирой, отчего и снискал гуляющее среди ратников прозвище – *палач*. В его чертах не было ни пяты от сына, так как тот пошел в мать. Грубое и выдавшее не одну хорошую битву квадратное точеное дубленое лицо, со знаковым рдяным шрамом от хмурого лба, до сведенных обветренных губ, со светлым чупруном на вскинутой голове, доходившим разве, что до пронзительных синих глаз, да с пышными порыжелыми усами, в на сваленным им же дереве в пределах границе убористой размашистой ветвями дубравы. Нагрудник

и пластинная броня, которая была столь прилегающей и атласной с филигранью герба, все же не спасла его от кряжистой воительнице орков. Которая пробила не только кирасу, но и его грудь, проломив в труху ребра, что прорезались к сердцу, несколькими хорошими ударами палицы, и та, даже не обратив чуткости на его обмякающее плечистое тело, отправилась к следующему несчастному.

Подоспевший Джоаль минуя слабый скреп лат притаившейся стражи, встал под его ошуюю, и разделил трепетное чувство, теснившее его грудь, к знаковому портрету, человека, которого знал непростительно плохо. Ему миновало три года отроду, когда сие довелось, и даже сам Сибульт, был вынужден ожидать в замке, на не исключаемую вероятность ужели Некромант одержит вверх, и необходимо будет удерживать осаду уже Майзы. Король так и не возмог камнем на душе, висевшей эпизод, как тот трусливо поджидал вести, в окружении немощных старцев, и слезоточивых дев, которые прижимая к лону детей, затаив дыхания ожидая звона колоколов, извещающих о победе или поражении.

– Я восхищался им, как и отец, – хриплым баритоном проронил Сибульт, не отрываясь от завораживающего до гусиной кожи полотна. – Ты вестимо был не в меру мал, с тем чтобы помнить его, но поверь на мое слово. Ежели мне бы пришлось избирать с кем ступать на заклание в запретные земли, имя твоего отца первым созрело в моем угасающем сознании.

– Жаль, мне выпали от него лишь легенды, да переходящие из уст упреки, относительно сличения меня с ним, – притворно каясь, хмыкнул Джоаль, почесав ворот, который внезапно, стал сдавливать ему шею, как лишенная воска плеть.

– Пойдем, – помыкающим жестом, махнул правитель, и они избрали путь в сторону личного кабинета монарха.

На деле им пребывал кабинет для общения с десницей, но так, как Флагения, была образована по первому классу, необходимость в советах, третьей стороны, ему была вне нужды. Зато для частных бесед, кабинет имел спрос, и довольно каждодчасно.

Грузно воссев напротив лакированного стола, над которым тучей нависал портрет очередного великого эльфа, некогда правителя прошлой эпохи, Джоаль принялся пытливо осматриваться. Завешенные иссиня-черными драпри витражи, за которыми набежали недоброжелательные не сулящие добра тучи, вытеснив погожую просинь, тут же напустили угнетающего нутра мрака. В колени упирался, широко простирающей письменный стол, со всеми заправскими атрибутами для работы, включая стеклянный флакон с матово зеленом зельем бодрости, который был подарен одним из последних друидов, обитавших в замке, и хранился Сибультом, как зеница ока. Забитый как глотка обжоры книжный шкаф с выточенным горельефом на створах, живо иллюстрирующих древние сказания прежних владельцев, а за-

ветные книги, из него с эльфийского на всеобщий язык перевел лично Дивелз, отчего и получил вечное признание ещё старшего Сибульта. Небольшая софа с витыми зеленоватыми рюхами под боками, как понял Джоаль, необходима скорее для удобства интима с королевой, нежели сна от тяжелых расчетов на обшитых ангельско бордовой материей подлокотников. На полу украдкой была урывками приметна малахитовая мозаика, коя так любя эльфам, и так не недостижима в полной мере для, повторения людьми, а техникой отделки владели лишь дворфы, кои делиться сокровенными знаниями не собирались, а с людьми так и вовсе масштабных проектов не водили. Их нелюбовь к эльфам вскоре минуя прибытие, всецело воздалась к людям.

Умостивший своё заплывающее тело на место, запалившей свечу отгоняющей полумрак Сибульт залез в один из ящиков, и изъясил песочный лист, который изначально был, завернут в свиток заправского пергамента. Поставив на один конец столешницы из лакированного тиса, чернильницу, а свежее подпаленную червлёную свечу под левую руку, натянув бумагу и подперев её стекающим животом, он, пуская на портрет отпавшую тень с венцом короны, принялся педантично записывать текст, вороним пером, произнося под диктовку каждое слово себе под усы, растягивая их словно тянучку.

– Королю Лирры Куику, сыну Пактия от Сибульта второго, правителя Майзы. Я выказываю тебе все почести, до-

стойные твоего титула, и пусть весть моя не смутит тебя. Как ты уже ведаешь, неприкаянный Антур вновь заняли нелюди, и не далек час, как их силы опять наберут скрытую мощь, и мстительно набросят на нас, свои орды с накопленной яростью и растравленными ранами обид. И доколе час не поздний, я настоятельно прощупываю тебя, даже заклинаю, вспомнить о союзе наших предков, кой разбил всех тех, кто не дал нам миролюбиво жить, но вновь обретенных землях, не зная бед. Но тем паче, я чаю своим долгом внести рациональность и объединить наши дома и под иной подноготной, вне подлога. Наши дети уже достаточны, зрелы, дабы вступать в монархический брак, а разделять власть на столь больших территориях нам не под силу. Отчего я и сватаю выдать своего единственного сына Симала, за твою наипрекраснейшую дочь Мирадею. А как вотчину, обеспечить им свое личное королевство, скрепив наши дома каленым железом святого брака наших наследников. Весть доставит мой племянник Джоаль сын Кармала, и в случае твоего добра, мы выдвинемся всей нашей полчищем, на земли, на которых склонили головы наши отцы.

С безмерным почтением Сибульт второй. Король Майзы.

Джоаль скушающие в пол уха вслушивался в помпезную монотонную речь, покуда не уловил упоминания племянника. Его сердце сжалось, словно поражённое леденёнными

иглами вовнутрь. Дважды перечитанное письмо уже было скручено в свиток, а стекающий сургуч с багровой свечи, уже был придавлен именной печаткой. Затем Сибульт чьи брови очерчивались заревом одинокой свечи дарственно протянул документ вылупившему зеницы осунувшемуся Джоалю, который уже почувствовал, полоску испарены под кромкой шляпы, которую даже здесь не спешил снимать, покуда глаза полезли на лоб.

– Как ты, верно, уразумел, я всецело доверяю тебе эту миссию. Будем уповать, одно единственное поручение за всю праздное бытье ты исполнить, горазд? – с небольшим давлением монотонно произнес тот. Повисла тишина, и привкус воска вяжуще повис в полутьме помещения, в котором визави встретились две тени, разбившиеся по стенам.

Дрожащими руками с посиневшими устами, виконт лихо радочно принял лист свернутой бумаги, а набежавший комок во рту, так и не спешил падать в пересохший зев. Испытывающее смиряющий его неотвязным взором Сибульт заметя это и внезапную немоту явственного страха, немного уважив свою тягу острастки повесы, удовлетворенно потрепал бороду, затем выдохнув, решился, на короткие детали, обведя прямым взглядом сошедшего с лица племянника.

– Одного я тебя не отряжу. Но и орду не дам. Я наслышан, о выдавшемся перевороте на востоке, и сколько наших негочантов и обычных сермяг в купе с Лирийскими, пало из-за их ретивых попыток укрепить власть очередного новоиспе-

ченного монарха. И ты доподлинно, уже слышал про наши ответные действия, каковые несут пожитки, но заверен, что в гошую сторону. Сие деловой вопрос, и я не хотел-бы, чтобы кто-либо из нашей свиты... Вернее никто не должен знать, кто именно направит весть Куику на поклон. Я им не верю, ни одному. Люди востока все чают подмять Мирадению, и кто знает, на сколько проворны их потуги...

Стушевавшийся Джоаль, пропускающей ставшие приторными слова мимо ушей, все ещё не помня себя от пронзившей оказии, потерянно с заочеченевшим видом сидел над свитком, как над убитой птицей, и было расслабившейся до вкрадчивости король, присовокупил в свою речь строгости.

– Ты исполнишь волю короля? – сие бесспорно было не вопрос, но оттого, то он и вернул племянника с поднебесной, на седалище под ним.

– Но я! – надсадно вырвалось у него, покамест он одолеваемый хладом меж лопаток, и сосущим чувством под ложечкой все же стянул убор, отчего пряди выскочили ему на лицо. – Я и за стеной то не вращался, отродясь! – он все ещё тяжело выдыхал полной грудью покоробленный юноша, у которого по белесым скулам бежали капли пота, когда Сибульт с менторской манерой продолжил, напустив более расслабленные черты округлого лица, спуская натяжку.

– В том-то и кроиться истина. Кто покумекал бы, что некто, кто не за четверть века, и шагу не выдворялся за тер-

риторию стен замка Майзы, отнесет письмо напрямки в Лирру? Воистину. Даже я не желаю ведать, какой тропой ты уродишься отсюда, и королевского ведущего я вам не представлю.

– Но как же... Как я дойду? – начал он стрекотавшее осекаться, напуская стигму к вспыхнувшим сухощавым щекам, сверля государя одичавши вылупленными зеницами.

– Карты, – безразлично ответил государь, и оттопырился за стеной от натуги спины кресле, не сводя с него зеленых изучающих глаз.

– Но одно дело, карты, иное, мир вне серых клочков бумаги! – он будто обругал короля кипенью заклокотавшей желчи, на что тот лишь ослабил, отверзая бороду как щетинистый занавес от видавших лучшее время зубов.

– Изволь. Дозволяю, сыскать себе провожатого.

– Но где же? – хватаясь за слова, одернул потяжелевшей от новостей головой Джоаль.

– Близлежащий Ренкор, водит в себе всяческую разношерстность сброда. Что-нибудь путное сыщется. Но заруби себе на носу: они все плутливые шарлатаны и корыстные пройдохи. Не давай залог, покамест не завершишься, что у него есть за бравадой о себе достойная слава. Она мой дорогой, олицетворяет степень надежности. Ну, или первую брешь.

Джоаль, как облитой холодной водой, понуро сидел и не мог оторвать не смаргивающего оцепеневшего взгляда

от стружки свитка, и даже, кажется, забыл, как дышать. В его растворенные до предела веки проплывали соленые капли едкого пота, но тот все ещё был не в себе. Наконец, короля утомило высеивание на кресле, без любимой супруги, и он, увлекая свою тень в приглушенной на свет сени привстал, с набором воздуха, в широкие ноздри, спуская кустистые брови.

– Завтра с первыми прорезавшимися лучами анеманы, ты в братии, трех солдат и оруженосца покинешь замок, и территорию Майзы. Многие воспримут сей жест, как шальной моцион, так, как ты будешь вне обильной свиты, в окружение заурядного сопроводительного эскорта. Следопыт, уже твоя импровизация. Докажешь, чего стоит, твой прославленный в веках род.

После этих отрезавших потуги к пререканиям слов, он отчески коснулся упавшего плеча Джооля чутким пожатием длани, и, умыкая свою тень, освобождая волю янтарному свечению свечи, направился прочь, напоследок бросив через плечо.

– Пока водиться время, отыщи Дивелза. Он предоставит тебе путеводитель, или иное путное подспорье или напутствие, к походу. В конце концов, кому как не ему знать об устройстве мира, не выдворяясь при этом из твердыни, без малого сотню лет.

Послышался отдаляющейся басовитый смех, и скраденный на выражение в осевшем лице до отказа налившихся

свинцом членов, сражённый Джоаль остался один с возложенным поручением. Праздные дни иссякли...

Фигура нетривиального человека, отпираясь от общего воцарившегося галдежа, приближалась все ближе. Сине-черное очертание облепляющего дюжее тело кафтана востока с накидкой, маячило издалека, и лучиной во мраке выделялись среди, привычных до приторности тонов заправских одеяний. Чем ближе он подступал, тем явнее становились мурыженные въедливым песком подолы его нависавшей черноватой хламиды, поверх развитого выпяченного торса, и слабый срежет ударов шипа жезл. Откуда не возмись вместе с ним, прибыл вяжущий привкус чабреца. Он был с опрятной вытянутой черной, как уголь бородой и закрученными нафабранными усами под сглаженным носом, и слегка подвеванными карими глазами, на бронзово смуглой коже. На голове человека с востока венцом возвышался небольшой овальный тюрбан, из которого высывалась коренастая коса, доходившая до поясницы, а мочки обременялись двумя злато атласными серьгами. Дойдя до королевы, он низко поклонился, сложив себя вдвое, и его коса подобно змее свисла, и тут же взметнулась ввысь вместе с ним. Его острые мыски, в аналогично синим одеяние с золотой тесьмой по краям с затянутым златого шитья кушаком, особенно заинтересовали любопытно обгладывающей взором Флагению, однако, все меркло супротив его жезла. Длинный, до-

ходивший до высоких плеч золотой скипетр, был инкрустирован зеленоватой мозаикой шестиугольников, мимикрирующих под чашею. На конце царая бурюю плитку, подводила черту небольшая стертая игла, напоминающее жало, а сверху, под чуть спущенную, руку так же укутанную в синюю тунуку по костяшки, на королеву смотрело всецело литое золотом змеистое существо расправившие ребра и выделяя плотоядный оскал с ослабившимися клыками и раздвоенным золотым языком, с пылающими опалами в пытливых глазах.

Человек уже выпрямлялся, когда метавшаяся в мыслях королева только подбирала слова, он поразил её.

– Зигав Мурез, – представился тот, высказав своё имя, так мягко, будто каждый раз произнося его, он смаковал гордость, от этих слов.

– Заверена, мое имя для вас не тайна, – съязвила королева, и, словив его почтительную улыбку, радушно указала на кресло Джоалья, которое вновь бесполезно пустовало. С большим почтением, заморский гость, педантично откланявшись принял предложение, подобрав полы тафты у голени, и уселся на выделенное место. Флагения впервые отчетливо заметила его парные сверкающие серьги, которые взбалмошно дергались при каждом его движении, но до этого уходившие на второй план. Свой жезл, он держал по левую руку лежа оный на плечо, будто скрывая от любопытных неопикуемой красоты глаза единственного предмета имущества.

– Вас сложно не заметить, в этой гурьбе, заурядности, – вновь отметила она, задорно подернув тонкими пальцами на сумятицу лиц, а тот лишь невольно качнул головой, помяв бороду, выражая признание, сужая подведенные черной полосой карие как антрацит глаза.

– Могу заявить о том же, но полагаю, для вас знакомы подобные обеты. Обеты лести и корыстного притворства, устремленные в сторону раболепского ханжества, без грамма уважения и подлинности прямодушия.

Её так же, поражал его еле заметный акцент, который тот очевидно снимал, долгие годы, вымуштровав с чуткостью сей недуг. А манящий чабрец и впрямь, вязал из неё веревки.

– Вы польстите мне, если просветите, где отвязали акцент, или выдадите учителя, поколе мы будет разделять вино, преломляя снедь, – она молниеносно щелкнула пальцами и тощая, и услужливая служанка позади, со страхом в горевших широких глазах, подбежала с пляшущимся кувшином. Но внезапно, когда она приблизилась к Зигуву, он резво накрыл бокал Джоалья укутанной кистью, перемотанной синими лентами, и несколькими кольцами на крепких пальцах мечника. Но те не были ни на йоту грубы.

– Мы не пьем не вин, не иного дурманящего зелья, – лаконично указал он, и стрельнул взглядом на тонкую точно иглу проглотившую смешенную прислужницу. Что в чепчике казалась, свежо обожглась, и чувствовала неотвязную щемящую боль в горле, отчего её вспотевшая до бусин пота лож-

бинка между ключицами высветившееся от выреза её сюрко, задергалась, пока та покороблено недоумевающе ищуще смотрела на королеву.

– Как жаль, – досадно подогнула губу королева, и назидательно стукнула ногтем по своему порожнему бокалу, который уже вскоре был наполнен по золотистую полосу оправы.

– И все же? – настойчиво напомнила плененная интересом королева о своем давеча отпущенном вопросе, и тот будто нехотя, поведя губой, выдал следующие слова.

– Один прелюбопытнейший господин имел любезность посетить нашу страну. Я долго пользовался услугами переводчика, доколе не посчитал жизненно необходимым выучить язык данного поразившегося мое воображения человека. Так пылки были его речи, и сладок велеречивый стиль владение всесветным наречием.

– И кем же был тот «стол» пригожий господин? – сгорала от нетерпения королева, прижимая бокал, который давил на щеки, впуская в рот сладкие потоки, красной настоявшейся виноградной жидкости, прошедшей все этапы брожения, без тени кислинки.

– Некто виконт Юник. Он был столь заморожен нашей архитектурой и культурой, что остался на долгие годы, и казалось, нашел себе место. Будучи третьим сыном в семье, ожидать щедрого наследства, ему была явно нехстати, вот он и отправился повидать новый мир. Ему очень полюбился мой театр, в коем он с отрадой вождедел выступать и сам.

– Увы, о нем моя память предательски пуста. Вероятно, он был родом из Лирры, – после небольшой растерянности, ей точно овладела искра язвительности и она, осклабившись продолжила более хищно. – Я слышала недавно, на востоке стряслись радикальные перемены, и многие иноземцы, получили, скажем, ... не лучшее отношение вследствие своего этноса. Это так? И, к слову, коснулось ли этого того самого Юника?

Он слегка изменился в располагающем лице, и обвел по лбу змею на своем спущенном на плечо жезле, кой уже давно приковывал внимания свиты правителей. Но уже скоро чуточку заметные хмурые морщины на краях висков и век, разглаженно распрямились, а подведенные очи, иско-са стрельнули.

– Мы ведь разумеем друг друга без избыточных слов? – вне обиняков отметил он, точно извернув себя наизнанку, примерев новое выражение и более тяжелый баритон в речи.

– Я догадываюсь, зачем вы здесь, и без окольных бесед, – подтвердила она его слова, опустив лазурные очи, разбавив речь свинцовой бременем, укусив свои щеки изнутри, дабы не покривиться, выдав подлинное расположение духа. Майза приняла в свой порт лишь один корабль, с которого и довелось украдкой узнать о перевороте и гибели тысяч сановников, торговцев, и нелюдей со своими семьями и нажитым имуществом. Или, переводя с государственного языка – Казна просела.

– Мне очень не по себе от выдавшейся трагедии, но Вамир видоизменяется, и нынешний Шах Акурам второй, не потерпит иных идеологий. Он сплачивает нас, и верой, и мировоззрением. Мне жаль, что от этого ненароком пострадали, многие жители Майзы, и всей Мидарении. – Он выждал, набрав воздуха, не отпуская от себя подсоленного укоризной взгляда королевы, которая, окончательно утратив чувство времени и пространства, отчего посторонний шум и звоны бокалов, с идиотским смехом молодых особ, желающей кокетливо показать себя перед очередным графов, ушел из внимания, растворившись, как капля крови в океане.

– Я крайне сожалею, что стал вестником таких безотрадных новостей, посему и взываю к вашему благоразумию, – продолжил он, на этот изменив тембр в сторону страдальческой апологии. Играл он свою роль отменно.

– Меня вот, что прельщает, – собралось с силами красноречие коронованной особы, готовившая яркое парирование. – Вы хладнокровно убили наших подданных, под наветом вашего Шаха, и теперь взываете к нашему благоразумию, касательно ваших купцов, и лавочников? Кто восполнит утрату перед: женами; детьми; родными и государством, каковому они в срок выплачивали одну десятую от своих нажитых доходов? Что может на это молвить ваш нынешний благородный, и безукоризненно справедливый Шах?

Оскорбительные в некотором роде желчные нападки, промелькнули мимо остро направленного внимания Зигава.

Он, пропустив все точно ветре, лишь вобрав сперто напичканного чадом яств, вин, пота и воска воздух, да сжал поручень кресла, скорее для равновесия, чем от обуявших нервов.

– Я прибыл, с мирными побуждениями. Хочу урегулировать конфликт миром. Война не к чему, ни вам, не Вамиру, отчего я и прошу выдать нам людей, кие не повинны в смене государственной политики, о которой они сами давеча ни слуха не ведали, и не должны страдать, из-за чужих проступков.

Королева иронически оскалилась. Симал в метре от неё, растратил чувство реальности от пьянивших не хуже вина амбиций, и на ватных ногах удалился с потерявшей какие-либо виды пристойности в захлеб икающей служанкой. Многие аналогично постепенно покидали свои места, выбирая себе чету на ночь, а те, что оставались не могли поднять свои лица со столов, а у некоторых дам давно спускали подвески, поколе они невнятно бормотали свое неубедительное – *нет*.

– В конце концов, я не принимаю решению, – парировала она с толикой безучастности. – Заключение слово остаётся за Королем Майзы.

– Я так не думаю, – будто со скрытой злой усмешкой, не выделяющейся за его бесстрастными чертами, резко отчеканил Зигав.

– Что? – сробев сконфузилась она, даже опрокинув бо-

кал, что излил содержимое на белесую скатерть, впитавший в себя сладкую жидкость, окрасившись в алое, меж остывших и надкушенных блюд на расписных тарелках. Сдавалось в первые кто-то заставил осечься неизбывно степенно чванливую королеву Флагению.

– Я вижу в ваших синих глазах больше власти, чем в королевских блеклых зеленых очах. Мы оба знаем, кто здесь принимает решение, а кто его подписывает...

– Да как вы!... – вспыхнула она, сведя до треска зубы и начав задыхаться в коконе корсета упившись его духом чабреца. Но прозорливо кинув озадаченным взглядом по сторонам, все же заметила, что многие ещё на своих местах и в добром здравии вне остекленелых буркал, и даже развесили уши к их сбивчивой на интонации беседе. И дабы не сатанеть, терпя лицо на глазах, свиты, она скрыла, рдело румяные щеки, и, придя в себя растратив намечающуюся стигму и жилку на шеи, подозвала служанку, которая протиснулась меж пустеющим королевским тронном, и королевой, дабы рачительно выслушать на ухо наказ.

Когда она почтенно удалилась, Флагения, вернулась источающим кислоту взглядом к послу, который учтиво и беззоботно выжидал, не брав, в рот и крохи со стола с остывшими яствами.

– В одном вы правы. В моих глазах есть власть и не только над мужем. Вы задираете королеву, которая не шибко ценит помыкания собой, – стравлено, но выжигающее протянула

она, силясь овладеть собой.

– Мне очень прискорбно, если я оскорбил вас, – виновато скусил он пышные губы, под стружкой витых усов. – Поверьте, в моих целях стояло, все что угодно окромя этого. И я приношу чисто сердечные извинения, и умоляю снисходительности, для моей неудачной проницательности. Надеюсь, я ещё не отогнал вас от себя?

Флагению утомила его показная добродетель, и когда недалече она почувствовала, что король все же получил её весть, она будто сбросила ушат с плеч, выпрямившись и вздохнув полной грудью натянув яшму, и более не ощущая сдавленности корсета.

– Король Сибульт! – сробевши, благоговейно воскликнул посол осипшим гласом, безмерно расширяя карие зеницы, выпуская весь обхват белка, смотря ей за спину, и привстал со стула, отчего его коса, как и серьгами, взметнулись вместе с ним, а жезл едва не пал на бурую плитку. Поклонившись ещё раз, он получил лишь мах рукой, и легкий кивок от уставшего во всех смыслах государя.

– Я, пожалуй, покину вас, – заявила королева, и, поцеловав кисть мужу, пошла прочь пуская трен платья и оборку в движение, в последний раз проведя пальцами по его плечу, что в условном языке жены и мужа, означало – *будь осторожен*.

Она не желала больше слушать человека, который разбил её своими, как не странно точными наблюдениями. Он нена-

сытно следил за ней всю прием, и сложно было упрекнуть его в не наблюдательности, как и в, том, что он проницателен. Но королева, отсекая неприятные рассуждения, желала, увидеться для вольной беседы без личин, с племянником, так как знала, что сын уже скоро будет лежать возле обездвиженной служанки, которую он сознательно напаивал весь прием, дабы не встереться с ней лицом, при близости, которая всегда давалась ему с трудом.

4.

Королева рыскала по всех значным местам племянника, кроме самого избито излюбленного, которое не пришло ей на со стороны острый ум, лишь из-за её личной неприязни, к нелюдям, чьи сородичи в былую пору убили её родителей, а позже и брата. Так, что до глубины души опечаленная, она повесив голову рискуя уронить диадему, желала встретить его с утра, и предостеречь, что её хмельная шутка, с его отпращиванием за стены, уже не такая веселая острастка, а главное взвешенная, учитывая его домашний уклад, и нелюбовь к открытым пространствам.

И, тем не менее, сам Джоаль уже минуя пустые крылья замка, и притаившуюся по альковам стражу пробрался в библиотеку к Дивелзу, которая называлась так лишь в силу того, что, что никто из ныне живущих не помнил её просторы стеллажей без присутствия извечного остроухого ста-

рожили. Среди высочайших склоченных книжных шкафов, упирающихся в затемненный сумраком туч односводчатый занятый расписной картиной потолок, как с эльфийской, так и с людской литературой, на подвесной лестнице, в сени стоял, казалось юноша, но на деле двухсотлетней полуэльф. Вид Дивелза всегда вызывал неприязнь у людей, не знавшего его. Он носил скроенное под свой рост и мосластое телосложение бледно синее эльфийское сюрко с голубыми полосами тесьмы по обрамлению штанин и рукавов, которую подобрал в одном из нетронутых шкафов, и казалось, в жизни не снимал её. У неё были долговязые растянутые и широкие рукава, доходившие до бедер, из которых свисали его тонкие кисти, с вечно не стриженными круглыми ногтями. Его нетипично антрацитово-черные и длинные по мере людей прямые волосы ровным каскадом струились по его сухопарой спине, и ниспадали прядями на острые скулы, и только слабый венчик, своими серебряными шипами, не давал им нагло лезть в глаза, под нахальным сквозняком. Вострые наколечники бледных ушей высовывались поверх волос, и часто привлекали фырканы тех, кто бродил по замку, и замечал в свободном от дверей своде прохода, его инородный силуэт. Ростом он был с обычного человека с севера, и до истинных эльфов ему не хватало порядка фута с небольшим, кой он восполнял, часто стоя выше людей, у книжного шкафа за устремляющейся к своду стремянке. Или, занимая софу для чтения, которая специально им была занесена повы-

ше на балкон, окаймленный балюстрадой, возле кабинета, бывшего зрителя, библиотеки, почившего много столетия ранее.

Проходя по глянцевому полу, на котором мозаикой были изображены нагие эльфийские девушки, буколически пробегающие по зеленому саду сирени, за которыми приударял не менее одетый эльф с другом в пируэте танца, Джоаль припомнил, как часто в детстве, выложенная чешуйками эпохальная картина окутывалась ворсистым непроницаемым ковром. Кой с годами оказался задвинут далеко вглубь ближайшего чулана, в котором, кстати, хранились запретные книги, кои Дивелз скрывал даже от него.

– Высоко стою, и над людьми свою головушку возвышаю, – отразился эхом по широким потолкам задорный голос Джоаля, хотя ему была отнюдь не весело, после последних известий.

Голова библиотекаря увлеченно дернулась на отклик, и волосы подались небольшому витиеватому виражу. Он тут же съехал по лакированным перилам с шорохом, и так как был очень легок в силу природы эльфа, не страшился упасть с высоты второго этажа. Оказавшись на брэнной низине, подол его сюрко слегка поддался силе потока воздуха, и после того, как умиротворено осел на законное место скрывая его голенастые ноги, и сплетенные из кожи сандалии, подбитые шершавой подошвой, чтобы не скользить по поверхности. Он разверзнулся, и его утонченные черты,

не знавшего загара лица, с острым подбородком, на корню лишенного сироты щетины, ещё немного вытянулись в улыбке телесных губ, натянув малокровную кожу на скулы, выделав агатовые стеклянные зеницы эльфа.

– Опускаюсь, и к вашим порокам приближаюсь, – отозвался его колко высокий голос, и они обменялись устоявшимися рукопожатиями, в районе укрытых локтей.

Они без лишних слов, сразу прошли к небольшому столу за колоннами, за которым полагалась читать королю, если тот соизволит прийти, вместо того чтобы прислать прислугу, как поступала королева, когда ей требовалась книга, из библиотеки, к которой она не приближалась, держа вынесенную годами дистанцию, как и к нелюдям в принципе. За витражными скругленных оконеч все так же сложенными из представительниц нудистских общин эльфов (у которых после появления людей появились шторы), брезжило намечающейся пасмурностью и нависавшими мрачными тучами, которые готовились терзать душу Джоаля неусыпной ночью, нагнетая гнетущие сомнения перед навязанным походом. А пока, они расположились на двух искусно выделанных эльфами креслах, и чтобы сгладить назидательную тень, полуэльф сходил за спасительной лампадой.

Вскоре легкое освежающее темень, слабое полымя озарила широкие убранства, казалось даже вотчину, принадлежавшую непосредственно одному небезызвестному жителю замка, который ни разу не поспешил бы уйти и на пядь зе-

мель от своей резиденции, подаренной ещё отцом Сибульта первого. Когда все прелюдия справления тьмы были готовы, а слабое марево от подсвечника с капля подобным стеклом, удалялось вверх, освещая скруглённый алебастровый балкон с софой, Дивелз втянув приятный ладонский привкус воска, зачал разговор.

– Чем могу услужить, милый друг? – он облокотился в кресле своих предков по линии отца, и участливо выжидал первого слова со стороны, как он всегда называл виконта Джоаля – *Друга*.

– Есть у тебя в загашниках, одна вещица, как говорил мне мой дядя – *Путеводитель по Мидарениш*. И как это ни прискорбна оказия, я прибыл к тебе лишь за сим пустяком.

Дивелз скривил вытянутое лицо, но не из-за его слов, а смысла, который извлек из них.

– Путеводитель, нужен тебе? – полубопыствовав заломил тот, и его агатовые и глянцевого глаза, скопились при свете свечей лампы, и через витиеватый дымок, долго испытывающее сверлили молодого Джоаля, который уже снял свой убор и бросив его на деревянный стол, уложенный книгами, и картой, с приблизительными данными людей о раздольях Мирадении.

– Мне наказали доставить донесение, в Лирру, – без радостно продолжал он раскрывать подноготную, вынув запечатанный свиток, и мягко положил его на читальный матово изукрашенный цветами и облицовке по границе стол, отче-

го тот в силу формы покатился, доколе не уперся в грузную книгу с выдавшим видом переплетом, о сокрытых в толщах почвы гротах дворфов на юге.

Дивелз аккуратно дотронулся до пергамента тонкими пальцами не знавших ручного труда, и прихотливо повел ногтем по печати свежее застывшего сургуча, и только тогда шмыгнул тонким ровным как спил носом, постучав ногтями другой кисти по сглаженному столу.

– И в чем же ты так проштрафился, коль разэтакое дарование снискал? Гильотина в нашу пору утратила значение, или кривотолки на узурпаторов власти больше не действительны? – неосознанно из этого вышел звонкоголосый сарказм. Начало эльфа оставляло его беззащитным от подобного.

– Мне не досуг обсасывать это. Дивелз, затемно, с первыми прорезавшимися лучами анемай, я обязан буду отойти в довесок с ещё четверкой счастливцев, искать смерти на прогалинах, где я стану мишенью для стрел вольных эльфов, или пока одиноких голодный орк, не вобьет в меня топор, пока я отстану от улепетавших от их беснования ратников.

– Ты знаешь с кем исходишь? – внезапно лаконично вставил Дивелз, явно пытаясь найти рациональное зерно, сверля друга агатовыми бесцветными очами, уводя его тревоги в сторону.

– Ну, разве, что тощего, – без особой радости отметил поскучневший Джоаль, после чего пуще прежнего устало вы-

дохнул новую печаль.

– Это твой оруженосец, кой потребен тебе лишь как фиктивное олицетворение сана?

– Вестимо так, – подтвердил он, кивнув пучком бородке, потеряв следом короткие упавшие от печальной мины усы.

– Коли так, тебе статья, не пристанет так одиноко, и вы вместе узнаете, друг друга в разы гоже, – почти просяив на свету свечи, отметил полуэльф сверкнув кристальными зеницами. Джоаль при этом даже при тени показал недовольную гримасу, и его растянутые усы скривились вместе с ним.

– Я вроде попросил предоставить мне книгу, кою, скорее всего, нацарапал ты, как особливо тебе любо, при оном именуясь людскими именами, самообольщаясь грезой найти читателя.

– Отнюдь. Не все мои книги владеют псевдонимами, – грустно отметил он, и вышел из хомутов подлокотников расписного кресла, у которого по обрамлению оперились золотистые зазубрены в форме лепестков по кромке спинки, и лилии на фоне зелени на самой мягкой обитой под парчу подушке, в стесняющем цвета полумраке.

Джоаль испытал внезапный приступ колющего стылой со-силькой стыда, как если бы обозрел ситуацию со стороны, и постиг, как корыстно пользуется друга, нежели, принять его чистосердечные помыслы достучаться до скрытых мест его бедственного положения, выделив хотя бы малейшую толику в позитивное русло. Все эти щемящие сердце факты спрес-

совались, выливаясь в непреодолимое и сносящее желание извиниться, перед ним, но слова все ещё застревали в гортани, не доходя до опавшего языка, которые сделались свинцово-тяжелым и неподъемным, дыбы выдать хотя бы малейший звук.

Дивелз разверзая сень отблеском изящных широких глаз, вернулся и положил перед ним небольшой свекольного переплета томик с песочными слипшимися страницами, у которого маячила рукописная обложка – *Некий раненный ратник с перекошенным небритым лицом притулился к дереву, коего нагоняла через чащу необычная воительница*. У которой при том были довольно рыжеватые щетинистые щеки, и необычные волосы, будто смазанные надтреснутой грязью, отчего казались облуплено дымными. Её бугристо коренастые плечи были облеплены шкурами, а на широких открытых голенищах были замечены следы шерсти, как и на стопах, которые совершенно голые и с длинными когтями стояли врозь, пока та, бравирюя железными мышцами, натягивала очередную стрелу в самодельном луке из нескольких перемотанных прутьев, целясь в спину латника, для решающего выстрела.

– Кто это? – вместо заготовленного обеления озадаченно спросил Джоаль с иступленным выражением, стукнув перстом по обложке указывая на девушку, с необычной шерстью на ногах.

– Тумерка. Но тут есть одна опечатка. Они, как мне известно, прибывают в заснеженных участках, и в зелени

встречаться, для скажем продолжения рода, и этот счастливчик либо не подошел ей, хотя им и нет дела до таких формальностей. Либо испытывая судьбу, напал, что тоже не разумно, так как они никогда не ходят безоружными, – развел мосластыми руками полуэльф подметая рукавами матовую поверхность стола, косясь исподлобья на мутный силуэт отдаленной девы лесов.

Джоаль ещё раз занимательно глянул на воительницу с луком, и её щеки, которые были похожи на волчьи заостренными.

– Она человек... ну в смысле ей подобные? – неистовствовал любопытством виконт.

– Нет. И не эльф и не орк, ни... гоблин. Она как я уже молвил – *Тумерка* – из племени тумерок. Они древняя раса, которая рождает только девочек, и задействует в продолжение рода людей и эльфов. Им в общей сложности несколько тысяч лет, но не внятной речи, ни четкой цели у них нет. Из генов, что они берут у донора, не один отличительный не оседает, и они просто фактически плодят свою копию, не знаю, почему они просто не свершают репродуктивное, как самки животных, утратившие самца.

– Это как? – изумился Джоаль.

– Скан носителя. По средству, защитной реакции.

– Откуда ты об этом изведал? Не выходил дальше этих стен, как и я, уже более ста лет, и...

– И, тем не менее, читал больше, и более важные вещи,

нежели сопливые сонеты о любви для оболъщения вздорных дам, – обрезав, прервал его Дивелз, чмокнув тонкой губой напоследок, свернув тенью от скул под каскадом прядей.

Повисла неладная гнетущая тишина, и Джоаль на некоторое время потерялся, потом выговорил, и чувствовал, как слова выпадают из него осыпи камней по скату пробившейся речи.

– Спасибо тебе. Я, скорее всего не ворочусь, так как мне инда возбраняется взять здесь следопыта, или коня, для скорости. Ясное дело коней у нас с горсть, не в Гании таки водимся, но тем не менее. Так, что с низким поклоном, благодарю тебя, и не взыщи за дерзость.

– Брось, – небрежно махнул когтистой дланью эльф, обличив застенчивую ухмылку. – Мне за доблесть тебе подсобить. И мы ещё будем протирать вместе наши ткани на задах, и поминать об этой аляповатой истории. А ты будешь теряться, вспоминая, очередную взрослую дочку герцога, которую обуял своей красотой, а она простодушно понадеялась, что ты зашибёшь резиденцию, и титул, упала в твои объятия.

Они слабо хихикнули, смотря на друг друга визави прищутив саркастические вежды, и полуэльф заключил.

– Ты узловое правило не забывай. Что ладнее всего за стеной, быть настороже, и не изглаживать из памяти о двух вещай: не все привлекательное – *неопасно*; не все опасное – *не смертельно*, – сентенциозно подвел он итог тот, краснобаем, не поверку не выдавшем о чем держит слог.

– Буду наматывать на ус.

Они ещё раз обменялись сердечными рукопожатиями, и грянул поражающий затишье раскатистый гром с испещряющими пасмурное небо зарницами. *Плохой знак* – подумал Джоаль. *Недоброжелательное знаменье* – подвел полуэльф.

Так они и расстались – молча. Дивелз оставшись со своим неизбежным союзником одиночеством, не спешил просто поджидать покамест его друг уйдет в мир, вне его содействия, и осенённый новым раскатистым воем, сокрушающим небеса грома, нырнул в чахлый чулан в поисках броши от сглаза, которую ему передал ещё Сибульт первый. Он понимал, что до рассвета ещё долго, но сон ему не так важен, как Джоалью, которому, скорее всего не в мочь уснуть с камнем на сердце, этой обремененной на думы ночью. Капель забарабанила по отзванивающей керамической черепице и парапетам, и скатывающимися струями косо брели по витражам, когда он нашел возле грудой скопленного антиквариата древних вещей и запретных книг нужную вещицу. Весь перемазанный пылью, то и дело, зверски чихая, утирая прямой нос широким рукавом, словно платком, он поднял оберег, в форме – *Дера*, представителя древних обитателей Мирадении, имеющего свойства роя пчел, с поправкой на двухметровый рост, острые когти, ядовитую кровь и способность запроса подмоги в случаи смерти ячейки улья. Небольшая фигурка, выточенная из обсидианового камня, с вытянутыми конечностями под дугу обхватывающая пустоту под со-

бой, и плоской ящерица подобной мордой, имела несколько вытянутых отростков на затылке, и витой хвост, который по слухам имел убийственный яд на кончике, в сокрытом нутре оболочке, поверх вострого щипа. Единственного, чего они на самом деле боялись, это драгоценностей, которые вызывали у них аллергию, на уровне ощелачивания чешуи, отчего они и занимали свои пространства подальше от горных пород, и часто строили свой улей в пустых промозглых пещерах, без природных ископаемых, среди компании солевых сталактитов.

Подобный камень мог в теории отпугнуть дера, который приблизился бы к нему, но также Дивелзу была по вкусу и иная притча, про этот камень. Отдавший его Сибульт первый, поведал о том, как насадившего этот камень на шею, не ранила, ни стерла, ни копье, и как выбитый из седла воин мог выжить оказавшийся под сотни килограммовой тушей лошади. И лишь однажды удача покинула владельца, когда приспел Некромант. Ведь Сибульт отдал камень Дивелзу, перед тем как уйти на битву с Некромантом, взяв с него обещание, передать его сыну, если битва будет проиграна. Битва та, к слову, оказалась победной, но ни Сибульт не многие другие ни праздновали победу, и обсидиановый камень, выточенный ещё дворфами, зачарованный древними эльфами, так и ждал своего ракового часа. Он приспел. На подернутом свинцовыми тучами небе через резные витражи стекла меж обнаженных плоских грудей эльфийской девы, от-

дававшей сиреневым, в слезоточивых стоках, стекающих под углом капель блеснула новая искажающая зарница молнии. Полуэльф с сосущим под ложечкой чувством опять почувствовал роковой знак...

5.

Дориль удалился с приёма чересчур рано, но достаточно, чтобы завидеть своего хозяина исполняющего часть своего плана. Он обусловился столкнуться с ним у колоннады в широком зале возле тронного зала аудиенций, где давеча пророкотал пир. Покудова он с нерадивым взором разглядывал штандарты, и витражи с очерками на сводах, не смененные ещё со времен хозяйствований эльфов, он почувствовал резко обуювавшее удушающее чувство повисшей вины. *Быть статья я неправ? Не на того поставил? Оступился, и напрасно?* – говорил он себе, насилу сжимая в своей кожаной перчатке, монету, которую смлада не выпускал, вспоминая отца.

Ему было двадцать семь, низко посаженные болотных век глаз, средней градации от бровей ко рту носом с горбинкой посредине, с гладко выбритыми слегка упитанными щеками. Не женатый, не любимый, нелюдимый. За все свое житье, в замке, его дом, ничего путного не принес королю, и его сносили только за счет былых заслуг. Родителей само собой. Сам Дориль, попросту не мог произвести небывалый шаг к само

совершенству, или меценатству для других. Для этого он был чересчур ленив и скуп. Но водилась у него на закорках, одна заветная мечта. Крохотная и прозаичная в своей ничтожности. Иметь сотню наложниц, среди которых главенствовать будет ненаглядная его глазу с юных лет королева Флагения.

Сколько лет она прельщала его, терзая неусыпными ночами, вызывая колющее чувства в груди, и застывания в морозном удушье сердца, он не помнил. Так как не мог и дня отжить, не мня о ней, а каждый пир он уныло старался притянуть её интерес, но его русая челка, разделенная пробормом, и зеленоватая манта через плечо, никогда не бросалась ей на лазурные глаза

И когда на горизонте беззаветных грез возник восточный посол, с интересным предложением, он чураться не стал. Безусловно, Зигав был не дурак, и не обмолвился напрямую о своих планах, но имел способность зондировать мысли, пре случаи. Его скипетр с парными опалами в очках рептилии, четко мог озвучить ему в сознания все треволнения жертвы, когда та начинала мучиться в сомнениях. Вот только Дориль на тот момент не колебался, чем и пригрезился ему наиболее благополучным исполнителем своих козней в Майзе.

Расписные своды кулуаров, отзывались притягиваемым эхом при ходьбе по просторному помещению, посему скучающе прильнув к колонне Дориль с постной миной, беззаботно дождался своего нового хозяина, который подкрался

беззвучно, на своей шитой ворсистой обуви. Он ухватил того за повисшее плечо, и тот немедля встрепенувшись покрывшись мурашками, обернувшись с повисшим в растворенных до предела веждах ужасом, и отекающей крови к бледности скелета. Однакож Дориль слегка обмяк, разобрав подведенные глаза и золотистые серьги, своего покровителя, обдавшего его скопом знакомым благоуханием чабреца.

– Не делай так... – на оробевшем выдохе произнес он, ищуще посмотрев ему за спину, на зеленоватые штандарты дома Сибульта, на которых был очерчен свод черепа, пронзенный мечом, выпуская острие через разверзнувшуюся челюсть, сохраняя дол посередине, упирая гарду в макушку. Древний род, Сибульта, нес это знамя из-за океана, который пересекли для заселения Мирадении спасающиеся люди.

– Мне важно, дабы ты страшился их, а не меня, – задорно произнес посол, и потянул его за темно коричневый рукав дуплета наружу.

Они вскоре вышли из сени вестибюля главенственного строения замка, очутившись на раскинувшейся обширной улице под навесом зубастых стен и зреющих как гроздь туч. Под ними была устлана плитка, идущая подобно паутине, кругами строя собой орнамент самых почитаемых цветов эльфов: синего; желтого; и порыжелого.

Несмотря на нависшие заволочившие синеву тучи досрочно напуская сумерки, так же скрывающие все великолепие красок, увидеть не шибко по облупившуюся чету

эльфов нежно притискивающихся к друг другу, не отрывая глаз, спускающих свои волосы по бархатной коже, все ещё довелось. В центре этой круговерти завихрения мозаики в их плотски скрепленных кистях, важно располагался небольшой многоуровневый мраморный фонтан с кувшинками и редкими рыбами в каждой из трех чаш, а на пике, которого была искусно выделана небольшая фея, разводившая руки, задравши голову и крылья. За сотни лет людского правления, покрытие мозаики претерпела безжалостное выцветание, а края плит постепенно выцарапано вышелушивались. Но фонтан был не тронут, и казалось ни царапины, ни трещины на его гладком мраморе, не будет ещё тысячи лет, относительно изъедено облупившейся плитки.

Вокруг всей этой широкой площади щербинками гнездились лазейки, и небольшие буколические лавки, допустимые королем, уходя по широким улицам, в дали прижитых у стен фасадов домов, по вымощенной дороге всей обступившей крепости. Ни грязи мелких поселков, ни широких ратуш в округе широко плаца, не допускалось, отчего все напоминала не мрачное обиталище узурпатора с эшафотом или выведшего из ума седого маразматика, которых везде чувствует угрозу своему правлению, а не вполне цивилизный город, растянутый на многие сотни метров к жилым укрытым поселением за стеной. Правление Сибульты младшего, доставляла дискомфорт разве, что нелюдям, которые не допускались в столицу Майзы, и то этот эдикт не пересмот-

релся лишь по настоянию Флагении, а не его собственной неприязни. Сам он остро недолюбливал только орков.

Вот Зигав и Дориль, плутали меж словно воронённых каменных стен простирившегося по округе непреступного замка, с пристройками брезжущими флигелями лавок, с опалубкой и черепицей, под призором редких вышек дозорных. В такую погоду с расвирепевшим ветром все постепенно скрывались в свои глубокие ниши или отбывали к домам, не решаясь высунуть носа, убирая рассыпчатый товар, или тот, что не переносил влаги.

Вид Зигава до коликов нервировал лавочников, единодушно, как и ратников, которые звеня кольчугами, старались привлечь внимания иноземца своими язвительными подначками, исключительно сконцентрированным в русло его макиажа, или косы, но посол был непреклонен и кремнестойк ко всем осаждающим его улюлюканьям и зубоскальствам. Он шел осанисто и, постукивая по утопленной плитке своим безупречным жезлом, на редкость вызывающее задира л голову и нос, что к слову подбешивало и самого Дорилья. Но тот все же зачал разговор, под тенью нависших тряпок, которые уже недоброжелательно развивались парусам подъятые недобрым дуновением освирепевшего ветра, захаживавшего с вытянутого крыла двора вблизи жилых построек.

– Я бы хотел прознать, как все прошло, и как мы поступим дальше? – он сказал это тихо, согбенно плетясь за его коренастой спиной, и от равнодушного безмолвия посла уже

вознамерился повторить. Но тот ответил, только тогда, когда, скрывшись за трескучим ступицей обозом, под телесным воздействием Зигава они нырнули в небольшой лаз, клином меж углов стен и боковой лавкой, за которым обычно скрывались страстные любовники. Прижимая его к каменной кладке, вместе с ароматами трав, и поглядывая в серую расщелину, Зигав временно безмолвствовал, и будто ожидая тех, кто осторожно плелся, следом выслеживая их меж редких сермяг. И, не дождавшись, он распустил сильные пальцы в кольцах с ворота, до смерти перепуганного Дориля, которых все это время ожидал, что скрытый клинок, что был наперевес у него под черной мантией, покажет свое лезвие, вышедшее из его лихорадочно дрожавшей спины.

– Как звали опоздавшего князя? – все так же мелодично заломил Зигав, не отрывая своих глаз от проема меж стен, на плитку и пересечение кладки к открытой улице. Их скрытность напоминала собой жилку мяса, застрявшую в щербатых зубах.

– Это виконт Джоаль... Я проследил за ним, как ты и требовал, – жалобно и тихо ответил тот осунувшись, чья русая челка спала на болотистые глаза налипав к стучавшим взмокшим жилами вискам, а выражение стало по-детски, угодливым, как при укоре родителя.

– И? – повернул он к нему свои завитые усы, и вытянутую бороду, покамест коса спала с правого плеча за спину. Они ютились в алькове, чудом не промышляя невольным чело-

битьем.

– Он справились в кабинет короля, как мне передал лакей. А потом, по первой выдворялся король, а следом уж он. В руках у него имелся свиток, который он ревностно прятал за пазуху...

– Что было на свитке? – тут же требовательно настоял на ответе Зигав, у которого казалась, прорезался огонь в карих глазах, а синий тюрбан его покачнулся. Интонация журила не хуже раскаленного железа по незащищенной коже.

– Печать сургуча с пометкой... скорее всего перстня, – насилиу вжался в стену Дориль, который, не переставая дрейфить от вербального гнета Мереза, робко наблюдая за его нависшей нетерпеливостью, шмыгая носом с горбинкой, сглаживая неустанно циркулирующую желчь.

– Чудно, – выдавил тот неожиданную лаконичную, озорную улыбку. – Значит он...

Он слегка отступил, от чего появился простор для стравленного дыхания вне его неотвязного духа, и какое никакое личное пространство, в сдавливающих клещами стенах, полутьмы стенной выемки, с промозглым тылом и загуливающими к ним украдкой, беснующимися пробирающимися ветрам. Загадка куда он спрятал жезл его не грела, но его точно расплавил на непродолжительное время.

– Что теперь? – все так же осторожно поинтересовался Дориль, судорожно убирая челку с глаз, боясь пропустить деталь на красноречивом бронзовокожим лице.

Зигав выждал паузу, не оборачиваясь к нему, зорко наблюдая за всем тем же пресловутым входом в скрытый лаз, в проеме которого, на встречу ветру и сору, прошли пять звенящих латами, латников. Они их не заметили, так как Зигав задрал свой рукав, образовав им темную шторку, и они в момент стали тенью проема.

– Теперь необходимо убить его по пути, – совершенно спокойно заключил он, обернув к нему свои подведенные неразличимые в сени глаза, и померкшие в спустившейся темноте крупные серьги.

– Пути?

– Завтра или в ближайшие дни, князь покинет замок, с донесением королю Куику. Его необходимо убить, выдав это за промыслы эльфов, или орков.

– Почему? – истово недоумевал Дориль, знавший, о виконте, лишь понаслышке, за счет его родства и слухов. Хотя скорее его сжигала зависть за его баснословные любовные подвиги.

– Оттого что, что твоя шлюховатая королева не выносит нелюдей, а виконт её ненаглядный племянник. Убитый стрелой эльфа или того, кто выдаст себя за эльфа, послужит ладным катализатором гонений, на нелюдей и гражданским войнам по всем ближайшим землям.

– Но решение всегда принимает король! – пылко возразил Дориль теряющий контроль над эмоциями, кривя лицом и срываясь до сиплого фальцета.

– А вот и нет, – твердо парировав, заявил Зигав, стрельнув глазами. – Я потолковал с Сибультом. Он и приказа без её совета не отдаст. Не знаю, что за сила кроиться под её юбкой, но вы бессильны перед этим могуществом, – подвел он, отчего Дориль залившись краской по круглым щекам, проглотив язык, признав его правоту замолк. Тут посол оказался меток, как заправский лучник.

Какое-то время они немотствовали, напавшая легкая хладом закутка и теребившим их укрытия ветрогоном, затем небольшой, но весомый мешок монет как по волшебству, образовался в руках у Дориля.

Тот непонятливо посмотрел на всученное подношение, затем на невозмутимое лицо, посла Муреза, источавшего нечто заставляющее неустанно колебаться, и забывать, кто ты есть.

– Что это? – задал тот глупый вопрос, пожеванными отрывками слов.

– Плата наемным убийцам, – сердито огласил посол, – и помни, понудить, заручиться обстоятельствами, преподнести сие, как душегубство нелюдьми. Пусть не скупятся, на жестокость и осквернят тела как подобает. Это условие. Если все пройдет удачно, каких-то полгода, и твоя шлюха королева будет твоей, как и сто отборнейших красавец этих земель, если ты величаешь их женщинами... – закончил тот, поморщив сглаженный нос.

Молодой сановник проглотил укор, и, сдержав злость

в сжатых кулаках, да покорно кивнул.

– Я отчаливаю сегодня же. Король получил от неё извет на меня, но наши верные эмиссары все же остаются. Ночью, они умрут от отравления. Все. А ты после удачного исполнения жди меня в порту, под вывеской – *Хромой Силивер*. Не подведи меня, и я сдержу все обеты. Засим все.

Не дожидаясь ответа, синий кафтан Зигава растворился на посеревшей улице, и вскоре по пологому скату улицы застучал тот самый пропавший из виду жезл. А Дориль вытирая лившийся, как форменная капель пот, набежавший от опавшего на плечи осознания, в какую историческую ветвь он вплелся, с дрожью трепета в подломившихся поджилках отправился выискивать исполнителя воли Зигава, все повторяя себе под нос, – *Все ради неё...*

Началась пронзающая сгустившее в себе полчища туч небо ослепляющая гроза с последующим громогласным громом, и холодные капли дождя сыпались гроздьями на забитую мыслями открытую голову Дорилия. Но он, стремительно мокнув, в окружении паникующих торговцев и лавочников, казалось, вовсе не чувствовал вымокающего ворота рубашки и манжетов дуплета. И под тенью возвышающего черно-вороного нависающего над миром замка с его множественными башнями накрытых конусной черепицей кирпичных крыш, он удалился к себе, готовясь совершить государственную измену, ради власти над королевой, и сотню несчастных, коим не повезло быть изувеченными природной

красотой.

6.

Джоаль, не смотря на сгустившиеся невзгоды и неминуемые сложности вследствие грядущего похода, не спешил отправиться прильнуть к взбитой служанкой подушке и подоткнутого одеяла на свежем взбитом сене в тюфяке. Он, напротив, возжелал подготовиться, отчего и вздумал наведаться к своему номинальному оруженосцу.

Гайт сын Райта, никогда не сетовал на свою жизнь. Его в малые лета продали в оруженосцы королевской свиты, и ему несказанно улыбнулась фортуна угодить непосредственно к свежее осиротевшему виконту Джоалю. Суть удачи зиждилась в том, что виконт не как не мог освоить умения мечника, отчего чурался турниров или дуэлей за не поделённых фатами дам. Оттого бедный бедами оруженосец и жил в свое удовольствие, и не жаловал корить злую судьбу, куда его задарма содержат, кормят, обряжают, и нечего не взыскивают взамен. От самого Джоалья он получил говорящую кличку «*Тощий*» естественно, за его рост и телосложения, и дело не в том, что тот недоедал. Нет. Природа одарила его странным даром удачно усваивать еду, и не потолстеть, не нарастить массу он не мог, но был очень вынослив, и часто ел скорее по привычки, а нежели от острой нужды. Но пристала пора сворачивать его идеальный мирок.

Когда в его скромную каморку заворотил «Сир Джоаль», как тот называл его на людях, он ожидал, что тот принес ему кусочек со стола, к которому его в жизни бы не кликнули. Или хотя бы на ночь его ожидала новая байка, про разбитое сердце возрастной графине или молодой маркизы высшего слоя, которая слишком переоценила небылицы, и теперь ручьем слез орошала подушку. Он ошибся во всех доводах.

У Сира не было не снеди, не гуляющей довольной собой усмешки. Он был тучен и держал потяжелевшую невзгодами голову понуро. Было засверкавший в полутьме улыбкой Гайт сразу напрягся и сдавил покрывала простыни пальцами, закусывая губу.

Он жил в небольшой почтай мансарде, которая предназначалась для прислуги. Одно окно, алькова для сна в стене, небольшой кованный рундук с тремя парами одежд, из которых он носил от силы две, так как одеяние для турниров была не к чему. Так же у него хранились доспехи сира и именитый меч, принадлежавших ещё отцу Джоалья, которым Тоший управлялся лучше, чем следовало бы человеку с его весом. И на много гоже, чем полагалось слуге аристократа.

Он как раз праздно возлежал с лучинкой, облачённый в свободную камизу, в вырубленной нише бурча под нос песенку, под одинокую лучину. Когда зашел усталый виконт, тот опамятававшись, прыгнув из альковов, он тут же поставил ему свой единственный трехпалый табурет, и ждал стоя в нарочитом благоговении, вытянувшись в струнку. Джоаль

томно осмотрел блеклые стены в побелке, успевшие стать песочными из-за выцветания от лучей, что казались, не служили для прилива эмоций, но вместо этого, он ощутил, что даже такие цвета сомона стены, будут вызывать в нем прилив тоски и ностальгии.

Новоиспеченный сановник валко уселся и, невзирая на оруженосца, с тяжестью в голосе спросил напрямик.

– Припоминаешь, как мы хотели оказаться за стенами и повидать мир?

– Нет, – с растерянностью, но молниеносно отмочил тот, бледнее на осунувшемся и без того не знавшем полноты щуплом лице.

– Я вот тоже. Но тем и печальнее признавать, что это сим неизбежно.

Он, подняв омраченные голубые зеницы, оглядел своего слугу. Тот всегда был небрежно одет, субтильно тонок, а на голове у него был неизменный рыжий еж, который дыбом торчал в разные стороны, покуда щеки были испещрены рябой коркой рытвин вместе с крапинками веснушек, а тонкий нос аналогично облепил себя точечными следами крапинок. Голубые широкие глаза, не выдавали полноты переполнившего страха, не смотря на заявленную перспективу, и Джоаль нехотя продолжил.

– Все довольно прозаично. Король отдал мне наказ доставить благовестие в Лирру. И я исхожу завтра с первыми лучами. При мне в довесок эскорта неопытности, будут три сол-

дата, и соответственно ты – *мой верный оруженосец*.

После саркастично вызволенных из гортани сих слов, на вытянутом лице вечно лелеявшего своего хозяина Гайта появилась непреодолимая жажда ухватить того за горло и придушить. Но он быстро подавил этот бесконтрольный позыв, вспоминая кем, обычно являются оруженосцы, и как их используют по назначению истинные рыцари и графы.

– Но отчего вы? – единственное, что проронил Тощий, смотря на своего сокрушенно поникшего сира. Тот лишь поднял аналогично голубоватые глаза с темноватыми бровями, и, скривив усы, безотрадно отозвался.

– Ну, однажды сие должно было приключиться...

Так и Гайт всецело постиг, что со спокойной жизнью пора кончать, и вливаться в реальный мир, и в свои отрубившие девятнадцать, он все же был вынужден вернуться к своему основному ремеслу, оставив в грезах, мечты увести под венец одну из служанок, и в будущем стать полноценном пажам виконта. Не авантажно, но ему бы со сторицей хватило.

– Ваш меч, у меня Сир, как и моя жизнь, – с внезапным приливом долга ремесла отозвался он, а за сиротливом окном как раз блеснула очередная ломанная молния, и залепетавший дождь, что застыл на время, продолжил свой натиск наступающей бури.

– Знать бы ещё, в чьи руки попадет моя жизнь, – заключил виконт, покачав бурой шевелюрой покосив острые скулы на крючья, державшие именитый меч в портупей ножен,

и покинул оруженосца, предварительно хлопнув его по вновь опавшему от заразной печали плечу.

Очень долго неусыпно пролежал Джоаль на мягкой периене, не смыкая отпирающих сон век, под абонемент зазывающего стылого ветра с стучавшего в окно ливня. Его широкая кровать истощала от одиночества, так как обычно с ним, на ночь оставалась хотя бы одна из милых неюных дам, которые либо хотели прикоснуться к чарам этого смазливого лица, либо, многократно коря себя вновь вернуться к ним.

Как не было ему горше в горше и на душе, он, лежа в ночной свободной рубаше, с белыми ажурными кружевами, открыл тот самый свекольный том, который ему дал Дивелз. И, убрав приставуче спадающую челку с глаз, запалив вначале лучину, принялся на упирающую в изголовья напичканную перьями подушку, и принялся жадно вчитываться, под отсвет во всю вошедшего на пост шандала. Ему наугад попалась глава про Анерелу владычицу запретных земель....

*Точно её возраст определить невесть ни одному ныне живущему. Единственный неоспоримый факт – она ровесница **Некроманта**. Судя по тому, что по ветхим манускриптам его создания часто приписывают ей, как одной из последних ныне живущих высших эльфов, которые помнят эпоху Тайнов, кои давно скрылись в толщах почвы, в беспробудный сон или сгибли под гнетом пламени драконов. Все сведенья*

о ней могут быть изведаны токмо из многовековых обшир-
панных, дважды переписанных книг эльфов, так как не один
живой человек не сможет устоять перед её чарами, и скорее
станет её воле лишенным рабом, чем успеет убежать или
скрыться с её влияния, поведав о ней хоть мимолетное сло-
во. Не типично долговязая, и чрезмерно красивая эльфийка,
контролирует каждый пустяк в своей вотчины запретных
землях.

Ей безропотно служат Члены черного ордена, чьи нравы
известны всем, кто помнит второе столкновение. Закалён-
ные в боях, и облепленные черными доспехами, эльфы обо-
жествляют свою королеву, и служат ей верой и правдой
до последнего вздоха. Её слово для них непреложный закон,
и они сами поражают себя, если подведут доверие владычицы
твердыне Эмтионом посреди пропасти бездонного каньона.
Что говорить о людях, что под чарами и зельями колдуньи
становиться подобием мутантов троллей, и теряют на-
выки речи. Сколько перебежчиков не бежало в те земли, то
мгновенно растворились в её владениях, а тех, коих замеча-
ли после на границах, походили на бледнокожих, полностью
лишившихся волосяного покрова одичалых зверей, что толь-
ко косноязычно мычат, до полной утраты навыков комму-
никации. Для неё все люди равны, в её неутешном призрении.
Бродят вести, как она использует молодых девушек, порожд-
ая с их помощью себе чистокровных рабов, которые бо-
лее совершенны, относительно доноров для спаривания. В по-

пытках избежать правосудья за дезертирство, многие бежали в запретные земли, и если не были съедены Шанкурами или иными созданиями за гарницей, то, несомненно, стали её паствой. Несмотря на то, что Анерела названа в честь звезды, что дарит нам тепло, единственное тепло, что может дать она, это её улыбка перед тем, как она поработит ваш разум, обратив вас своим до смерти верным слугой...

Джоаль поморщив губы в узелок мешка, прикрыл книгу, и нахмутив тесные бровя, исподлобья бросить взор на автора поверх корки толстой обложки – *Лавелз Путешественник*.

– Ох, Дивелз, знаю, я теперь, кто тебе по ночам грезиться, – фыркнул, он скриви лицо в гримасу морщин, и отложил высокопарный томик на лакированный комод. Его сон может и не был долгим, но лучше было зачать мелочь, прибывая к тому, что скоро тот будет вынужден ночевать на прогалинах, дубея от холода, и продиравшего до костей ветра, в окружения неладного мира. Мира за непреступной стеной...

7.

Как токмо затемно, желтый диск, пробил себе пленку мрака к алеющему зареву, и только лишь ласкающие холодные стены забрезжила радушная занимающаяся на своем

законном поприще анемания, слабо подкрепившись завтраком из питы и джема принесенным служанкой, который куском не лез в рот, Джоаль нехотя стал собирать вещи. В его покоях, нависший иной портрет лупоглазого эльфа короля словно следил за ним янтарными зеницами, пока он носился из угла в иную сторону, ища себе места, растягивая неизбежный момент. Из всего своего ломящегося гардероба, он решил надеть, в чем и был завсегда. Его бордовое одеяние неизбывного кафтана в желтую отороченную полосу, плюс мешковатый куаф с подогнутым краем в тон наряду, было надето на законные места, и слегка высывающийся бурый лакун щекотал ему левую скулу. Он был готов. Единственное попутное средство, что он замел с собой после длительных метаний в думах, была книга Дивелза, изданная, как и повелось под чужим именем.

Выходя на нейдущих ногах, с иголкой сна в глазу из проема, он встретил у порога своего подобравшегося оруженосца. Тот будто не почивал вовсе, простояв истуканом под дверью всю ночь, отчего вид у него при всей слаженности был разбитый. На деле это было не так, и его щербатые щеки в крапинах, были такими минорными, от овладевшего осознания конца вольной жизни. В левой руке он как за жизнь державшись держал ножны, с торчавшим расписным эфесом дома Джоалья. По правую же он хранил небольшую похожий ранец, в который был обязан свалить яству, и прочие необходимые вещи, что будет нести на своем горбу.

– Вижу, ты блажен, как и я? – саркастично отметил Джоаль, толком не разминая уст.

Гайт был облечен в теплую льняную рубаху под стать котте бурого цвета поверх туники, на которой маячил Герб дома Флагении в виде, дозорной башни, в которой по преданию и был порожден первый из рода Лармонтов, пока вокруг бушевала битва и осада невольного родильного дома. На ногах у него засели поножи, кожаного типа. А предплечья и кисти у него сдавливали утянутые краги, так же аналогично из кожи. Очевидно, лучником наручи не выдавали.

– Я готов Сир, – вместо привычного ответа, сделал поклон учтивый Гайт, ударив об друг дружку пятками боттов устав от его истертых сапог, что однажды отдал ему, его сир. Джоаль слабо просиял.

– Ладно. Идем Тощий, нас ждет целый мир.

Они без особого участия, спускались через сложенную из камня аркадную арку их покоев по мрачной кишке полу мрачного туннеля, скатной изваянной лестнице в не менее радостный вестибюль. Из разбитых по углам окон брезжил ласковый погожий алый рассвет, разгоняющий набежавшую за ночь мглу, и выпаривающий небольшую росу и влагу ночного ливня. Отпускающие на весу тени, лампы ещё не обновили, отчего на ступенях можно было задеть мысками налипшие капли отвердевшего воска. Хлад непрогретого замка ощущался на закорках, а его гробовую тишину отлучали лишь суетливые слуги, готовившиеся к новому дню, выпол-

няющие рутину, точно разглаживая мышцы огромного за-спавшегося зверя.

Перед освещенным как прорубь брезжащим алым вли-вающимся золотом, заблаговременно отворенным исходом из замка, меж величественными колонами с изразцами у по-дола, уходящими в свод остова костяных нервюр, и червлё-ными в хомут подобранными гардинами нависших на раз-битых окнах, метущих атласно зеленоватый пол из мрамора и более грубых плит, его уже поджидали. Освещенная на прострел захаживающего света триоца собранных солдат, и неизвестная женщина, вся с ног до головы облачён-ная в черное платье под саван, скрывающая свое лицо за фа-той. Чуть выше одной из четырех стен на развилки огромно-го строения, без крупницы места, обвешанной мечами погиб-ших при битве при Антуре воинов, на одном из двух близне-цов балконом воровато и отчуждённо стоял Дивелз. Он буд-то не решался двинуться, без приказания или сигнала, так как, опустевши взгляд, в пол пуская каскадом свои прямые пряди, так и застыл тенью, даже не приближаясь к молоч-ной балюстраде, не посмотрел на шершавые отголоски эха поступи, двух участников похода, постепенно спускающихся с величественной лестницы. Вид у него был прибитый. Да и весь широкий зал, был затемнен, и выделял лишь клочки, на которые пал прорубившей себе дорогу, изрезавшими по-лу зашторенные окна и мелкие пробелы в кладке набиравшими силу лучами, вкупе необъятной прорвы света из отво-

ренного горнила врат, где взвесью витали мириады нагнанных с улицы пылинок.

Гулко опустившись вниз к придавленной сени фойе, Джоаль сразу поприветствовал разновозрастных скрытых брезжащем светом на лица солдат в коттах, на что те лишь в полу сгибе делано откланялись. Но все подлинное внимание он уделил скрытной женщине, так усердно таившее свое лицо, и тело в приталенной ткани наряда. Он только собирался к ней обратиться, когда та фривольно взяла его под руку, и настойчиво повела в сторону слабо подсвеченной галереи анфилад, унося за собой черную кайму трена.

– Ты можешь отречься. Это моя вина, – ретиво шептала она наперекор стуку туфель, отчего её вуаль капельку развивалась в месте расположения рта.

– Тетя? – в той же манере шепота, проронил он, склоняя голову щуриив глаза, стараясь заприметить лицо, через затемненную ажурную ткань. Но и было и без того не светло, в замке, слабо подернутым полосами света, дабы приметить хоть черту.

– Тише! – приложила она тонкий палец в перчатке к фате. – Ненужно галдеть. Я здесь дабы отвратить тебя от беды.

– Отвратить? – согнул он шею набекрень в обуздавшем удивлении, прищуриив глаз с налезшей бровью.

– Сибульт буркнул сей домысел с горяча. Ты не обязан...

– Нет уж! – внезапно для себя взбрыкнул он, задрав нос. – Я не Симал. Мне не нужна извечная опека. Сегодня я выйду

отсюда, и только приказ короля отвадит мой порыв.

Они стояли поодаль от группы преисполненных важностью события ратников и оруженосца, под очередной аркадной аркой, уходящей вглубь истыканного световыми пиками мрачного замка. Полуэльф украдкой наблюдал за разворачивающейся мизансценой, сверху сливаясь с безучастностью шторами, а над его понурившейся головой с укором висли расписные своды, где в полутьме перешептывались намалеванные эльфы, точно зубоскалившие злопыхатели.

– Это мой вина, – повинно покачала головой Флагения с самозакланческой речью. – Я тогда навлекла на тебя беду с обиды на твоё нерадение, велев ему поучить тебя таким образом. – Тон королевы выделял подлинную охватившую с головой досаду своего малодушия, в осознавшей свою неправоту вырывающейся апологией.

Несмотря на назревающую давившую на гортань обиду, будто всплывшую как пена на кружке эля, он подавил её одним осознанием – *Значит надобно отыгратья и на ней.*

– Вот и славно. Мне сие было желанно. Это и смена обстановки. Мир повидать, в конце концов, не лишнее, – лукавил он, играясь её чувствами.

– А что ежели с тобой приключиться несчастье? – с точившимся кровью сердцем, чутко обхватила она его локти с обеих сторон, все ещё прячась за фатой, что из-за подсвеченного затылка, от небольших влезших просветов выдавала очертания её головы, за абажуром ткани. – Как мне статья?

Ты ведь мне родной, ничуть не меньше, как и сын. Не отрицай, схожих чувств!

Он не понял этого вспльщивого обвиняка, и поспешил вырваться из ухвата, поведя бровями на ратников, которые то и дело отводили взгляд, стоя у колонн, на атласный пол пустившего полноценный шельф проливающегося утреннего света.

– Нет, тетя я исхожу. Сие не обсуждается, и не терпит отлагательств. Могу лишь, обмолвиться напоследок, что я рад был быть твоим племянником.

– Если не вернешься, я прикажу тебя казнить! – яростным шепотом через вуаль, прыснула она, дребезжа краем фаты.

– Справедливо, – кивнул Джоаль, подобрав губы и уронив усы. – До встречи, – он притянул к себе её тонкую кисть, обмотанную той же тканью, что и фата и нарочито облобызал её. Она курьезно скривилась, но кто бы это заметил.

Он оставил её и, отдаляясь от протянувшейся галереи анфилад, начал приближаться к доверенным ему воинам, когда увидел, что балкон пуст. Джоаль хотел было обидеться, но тут из-за угла показался тот самый Дивелз, и он был несвойственно себе взбудоражен и ссутулен. Позади, была слышна дробь тувель королевы, что, приосанившись, скрывается в ниши разветвление крыла замка.

– Рад, что ты все же покинул стены, пропитанные знаниями, чтобы проститься, – нерадостно хихикнул виконт.

– Нет, не за этим, – отрезав, дернул волосами тот, обли-

чив осунувшиеся по скулам и не токмо лик. – А вот для чего, – он полез в карман своего приталенного сюрко, и вынул крохотную брошь, кою держал концами пальцев, обвитая её своими прямыми и белесыми ногтями.

– Что это? – недоверчиво осмотрел новоявленную пред казуальным светом вещицу Джоаль, что уже лежала на площади ладони идеальной гладкой кожи полуэльфа, скатившись с тонких пальцев.

– Обсидиановый камень. Ещё принадлежавшего Аскеталю, деду Сибульта первого, – менторски разжевав, преподнес он вещицу, не смаргивая зеркальными агатами.

– Это здорово, на кой он мне ляд... употребить как меновую монету? – недоверчиво сплутовал он, потеряв учтивость от нежданности подношения.

– Нет! – прикрикнул вскипевшей желчью тот, отчего даже ратники дернулись от расходящегося по тусклым стенам звенящего эха. – Это древняя зачарованная порода, отпугивает Деров. От них нет спасения, ужели тебе приведётся одолеть одного из них. С ними впору биться лишь армиями. А у тебя почитай троя. Бери, говорю! – он настойчиво ткнул в него вещицей, а на его ровном лбе подкрепленным серебристым венком, образовалась двухсотлетняя морщина, а черты огрубели с пятнами набежавшей стигмы.

– Быть посему... Его носить или можно в кармане хранить? – с умиротворяющим слогом, поинтересовался тот, недоверчиво разглядывая необычную брошь, гуляя бровя-

ми.

– Носи. Отец короля носил и был жив, покуда не пустился к Антуру на подмогу Кайблусу.

– Хочешь сказать, ещё удачи надаёт? – издевательски наметил тот кольцо на палец. Дивелз все спустил мимо зардевшихся концов ушей, и лишь присовокупил.

– Заклинаю тебя! Не снимай его... – он лихорадочно схватил его за плечи, отчего Джоаль смутился, и даже почувствовал озноб по спине, видя его встревоженные агатовые глаза, проявившие индиговые капилляры.

– Как восхочешь. Только будь покоен Дивелз, я вернусь, и мы ещё обсудим, какую-нибудь интрижку на стороне, и твою, и мою, – попытался сгладить повисшее чувство неловкости Джоаль, но тот лишь качнул головой и сдвиг опавшие на аккуратные брови пряди, вздохнул с неволевыми языком словами.

– У меня плохое предчувствие...

Уже скоро они выдворялись из заблаговременно отворенных врат покидая отчужденную стылую тень фойе, и выпав на занимающееся просинью утро, обходя не затесненный плац, стали неспешной поступью пробираться по широким улочкам. То и дело, меж лавок кметов, им встречались наводнившие улицы весняки, что одетые в сношенные сермяжные пожеванные молю дерюги кланяясь челом вызывал почтение, привилегированной персоне, как виконт.

Коего многие не понаслышке знавали, как баловня королевы, с которым она не разлучалась большую часть его жизни, сызмалу прогуливаясь по дворикам, держа того за руку, до исполнения двенадцати лет. Особенно в память закрался эпизод, когда она фланировала с ним, будучи беременный родным сыном наследником короля, и, несмотря на редут авангарда стражи, такая картина, отложилась у многих в анналах их дырявой памяти, как жест неподдельных чувств от лица тети, заменившей мать. А они тем времени скрепя кто чем, брели по широким улицам, с бьющим в нос букетом запахов помета птиц, до вяжущих духов с лавок, встречая запряжённую скотину в гнет телеги, что скрепя ступицей от нагрузки воза, переваливающий через утопленные камни и редкие ухабы, влачила очередного купца, с нагруженным до стенаний распираемых досок товаром. Один из них даже расцветший беззубой улыбкой, добродушно выдал Джоалю, порцию отборной ежевики, которую тот принял со всем пиететом и учтивым поклоном, но отойдя подальше, мельком отдал плошку Гайту, что съел её впервые же минуты пути, оставив на губах и пальцах разводья семян с фиолетовым оттенком сока. Возвышение зубастых парпетов, и конических черных башен с мелкими, словно вырезанных в тыкве окошками с облицованный кирпичным цветом черепицей, так же зрели через слепящие поднимающиеся лучи, и вносили крупинку грядущей скорби, по этим привычным, неизменным вороненным оцеплениям. Зачавшийся не хуже утренней сту-

жи, галдишь купцов, недовольство хабалок, вечно с пеной у рта завлекающих своей свежей зеленью гортанным воем, кузнец, что перекупил мечи у дворфов, и втридорога выставляет их как собственные, все это отдалялось по улице, вымощенной более, щербатой плиткой, относительно дворцовых дворов. Из углов уже даже начали звучать не лишённые приятности, звуки уличных менестрелей, вкупе с речистыми певуньями, но они быстро тонули в роптавшем гомоне, проснувшегося города, прибившегося к замку, привнеся в него черты немых проселков.

Самое тяжелое для нехотя переступающего по вымощенному тракту Джоалья было наблюдать, как перед ним отверзаются на пути к во всю залучившемуся свету, навесные ворота. Через арку зева которых, окоем уже можно было узреть широкие зеленые просторы раздолий, и изломанные пики мгlistых гор, которые с насупившимися тучами, возвышались над небосклоном. Ведь если некогда сеем, имелось лишь то, что за непреступной стеной, и торить к этому нужды не имелось, то ноне в окружении ещё четверых, он покидает родимый дом, за ради авантюр, к которым не на йоту не готов.

На высоких вороненных стенах у парапетов и бойниц стояли бдительные не свет не заря подскочившие лучники. Шамкавшие стяги, реявшие от ветра, будто потешались над ним. Столько лет эти непреодолимые стены держали его, и он даже не зрел предлога рваться куда-то без особой краеугольной для бытности цели. Но все это сложилось, в та-

кую эманацию, что он готов был бросить вызов, как минимум себе самому с его экзистенциальной заурядности. Отчего и заявил, стоя напрямки под навесом арки высоких врат через широкий болотистый ров, отдающий миазмами, поверх ряски, на рябившее приволье.

– Ну, что-ж. Пора бы уже и увидеть мир.

9.

Пройдя по стенающим половицам, скрипучего выкидного моста пересекая выдавшие виды доски, с границами спада к пахучей заводи с прощальным кваканьем приживал на кувшинках в лице лягушек и витавшими скоплениями мух, они, минуя холод покрывшей арки высоких врат, ступили на твердую каменистую облупленную тропинку, и, сверившись с планом, выдвинулись в близлежащий город на поиски проводника – *следопыта*. Стояла заурядная погода для разгара осени. Ни жарко не холодно. Мерзляво, но терпимо. Анемания преимущественно не пекла, хоть Джоалю и приходилось крыть веки, дабы лицезреть хоть что-то, вне боли непривычки. Свыкнувшийся к притемненной обстановке замка, он ещё долго смотрел на мир в полглаза, свыкаясь с ярким по своим меркам светом, от которого нельзя умыкнуть в уютные покои. По голому тракту гулял сердитый ветер, кой то и дело старался сорвать шляпу виконта, которая так не удачно, не спасала от лучей света.

Широкий тракт в ложбинки стлавшейся юдоли, был взят под бока низкорослым дерном, тянувшимся простирающимися лугами далеко до непроницаемого глазу леса, от времени года, та была уже пожухло жеванной, а граница леса, с фасадом деревьям впереди оголяясь, сбрасывали золотистую листву, которая по велению недоброго ветра, так и наровилась забиться им за шиворот или в глаза. Издалека были слышны трели птиц, вошедшие в такт со звоном верениц колец кольчуги, торивших вблизи ратников. Они, к слову, были хмуры и не спешили знаться, но когда туча скрыла слепящий свет, Джоаль освободившись от гнета, стал оценивающие их рассматривать.

Узловой из них нес наперевес небольшую секиру, и, несмотря на широкий выкатившийся живот, который нарочито высывался по бокам раздутой котты, сразу было видно тот кряжистый и с не дюжей силой, за кольчугой, идущей вместо рукавов. Он носил открытый шлем-колпак, который был изукрашен несколькими характерными царапинами, что давало связь: мог участвовать в битве у запретных земель. На его шерстяной клетчатой рубахи, с плотной чешуёй квадратов из кожи виднелся зеленоватый герб Субульта, а под всем этим неустанно брнчали коленчатые кольца кольчуги. На ногах после подала утепленной котты, пустились обычные теплые льняные штаны с очевидными подштанниками, и средней крепости поножами.

Двоя других, были много юнее, и на их сухих телах, вид-

нелось схожее облачение, но в бело-зелёной мипарти без герба, а в качестве оружия они предпочитали заурядные приталенные мечи. У одного был обычный чепец из серого льна, испод которого выпирали светлые волосы по свежее выбритые впалые щеки. У другого же был скрывающий голову вытянутый шлем, с слишком широким наcostником, отчего он часто курьезно крутил головой для лучшего обзора, избегая слепой зоны, у переносицы.

У каждого из них через плечо горбом почивала котомка в форме сливы, с очевидной дорожной снедью. А под ней, подпоясанным у поясницы, свертком ворсистого серого походного одеяла. У ратника в чепчике, правда оно весело повыше, и был заметен чугунный котелок, примотанный все к той же пояснице. Они были пасмурно тучны и не спешили поднимать фривольные темы бесед, даже меж собой, что натолкнула до поры напаявающегося свежестью приволья Джо-аля на витавшую мысль, что они друг другу до этого поручения лишь сотоварищи. И пока они в угнетающем молчании в унисон аккомпанемент отзванивающих калечных рубашек, торили по протоптанной ещё вылощенной камнями дорожке с видами необъятных просторов снежных вершин гор во мгле, покобенившийся виконт решил развеять томительную тишину. Так как и Гайт отчего-то при чужих не торопился молоть не заезженные темы для привычных толков ни о чем, почесав слежавшемся языком.

– Скажите судари, коль нам предстоит тернистый путь,

как величать вас?

Солдаты восприняли эти слов без энтузиазма. Воин в чепчике хмыкнул, ратник со слепой зоной, споткнулся о большой камень, и только самый тертый покинул лидирующую клиновую позицию, сдав назад ближе к виконту, отчего весь конвой негласно замер. Его не бритое загорело дубленое квадратное лицо, как и шрам на левой скуле, с обветренным годами широким носом, вызывали некую антипатию. Привыкший к восковому блеску господ, Джоаль был далек от сермяжных людей, тем более от тертых воинов, проливавших кровь, и свою, и чужую. Он свыкся читать о битвах, как об очерках на полях поэтов, и не чаял, столкнуться с этим в упор. Бытность умеет удивлять.

– Калиб, сын Ронда. Я бывший сотник армии короля Сибульта. В вашем распоряжении, – топорно значимо произнес он и учтиво протянул руку в теплых рукавицах со стертymi в ворс ладонями. Джоаль довольный первыми шагами на встречу, попытался абстрагироваться от его широко расставленных, отчасти серых и без эмоциональных, глаз, что казалось, хотят укусить.

– Я Джоаль, сын Кармаля. Виконт из рода Лармонтов, – чопорно отмочил в ответ довольный фамильярством ратника тот, и тотчас ощутил всю тяжесть его длани, и хотел было отпустить руку, но тот все ещё не выпускал её, небрежно раскачивая, держа сдавленную эмоцию содрогания сведенных челюстей. Запустил он себя. Хотя распускал ли?

– Большая честь знаясь с наследником столь великого воина. Мой отец тоже, отбыл к стенам Антура, в ту досточтимую битву. Аналогично не воротился... – заключил он сокрытой тоской по сложившему голову родственнику.

Движение было продолжено, и настало время остальных, вернее их подбил к этому Калиб, буквально отвесив затрепщину, одному и другому за нерадивость к вверенному господину.

– Моз, сир, – в нос пробурчал, и кивнул ратник, у которого на лоб съехал чепчик.

– Коуб, – с присовокуплённым звоном в голове от шлема, гулко сказал второй, который все так же нечего не видел через этот шлем, и ему приходилось отводить выпирающую переносицу вытянутого железного ведра на голове.

– А я Гайт. Но можете кликать меня – *Тоций*, – звонко отозвался позади всех оруженосец, и все каким-то образом, словно ни видя его прежде, скосив взоры отметили тонкого замыкающего юношу с рыжими волосами, стоймя направленными во все стороны. Тот пожеманился, скроив виноватую мину человека, вклинившегося не в подобающую компанию, и хлебая ши из не своей тарелки.

– Отраднo, что все мы хотя-бы разузнали друг друга по имени, – констатировал Джоаль, и набежавшей ветер задул ему в рот лист жухлый лист дерева, отчего его речь немного потеряла остроту.

Никто не засмеялся над курьезом, как и не стал помогать

ему. Выкашливая сырые крошки распавшегося листа, он, заливаясь пятнами краски прервался, и когда вздернул слезоточиво порозовевшие вытаращенные очи, получил уместное предложение от Калиба.

– Холодает сир, и зримы новые тучи. Вношу на рассмотрение замысел, ускориться, и топотать в Ренкор с удвоенной силой. К полудню нам нечего не стоит достичь его частокола стен, скрывшись от новых туч.

– Поддерживаю... – покивав, хрипло отозвался малость опухший виконт, сплюнув очередную порцию растолчённых остатков привкуса непрошено ворвавшегося листа изо рта с раскрывшимися черными песчинками.

Обдуваемая с со всех из четырех сторон света ватага продолжила путь молча. Перед ними множились просторы пажитей и пашней, за фоном косогоров и набухших холмов. Первый весняк вырос из-за скирды поля пастбище за сущеной плетней на крепких жердях. Недовольно скомкав испитое лицо в сети борозд, насуплено поглядывая на солдат предвкушая грабеж, он поправил подол затрапезной рубахи с надетой на плечи дерюжного пальто со свободными рукавами, не выпуская из мосластых рук вил, лицезрев испод навеса седых кучковатых бровей на путников, поправляя козырек треухи. Но его презренный источавший яд взгляд быстро ушел с ратников, и сконцентрировался на молодом человеке, уж слишком в приметных вычурных одеяниях. Джоаль заметя столько манкирования к себе, тут же огорошено, одернул

идущего под руку Калиба.

– С чего-то он так досрочно невлюбил меня? – фраппируемый, он будто и не заметил, схожих язвительных эмоций и к его солдатам.

– Десятина, – не вдаваясь в подробности, отбрехался он, и, не сбавляя шага, проходя по тракту дальше, точно это был обычный докучливый момент на манер мошкору.

Луга полные какофонии стрекотавших кузнечиков с прочими насекомыми, были уже опустошены, и урожай миную косьбу, спешно готовился к первым заморозкам перетягиваемый в жгтуах, которые хоть и в Майзе были незначительны, зато в Зиле и прочих околачивающихся у столицы поселениях вдали, и ближе к Антуру, имели не малую востребованность. Стараясь идти в ногу, с солдатами, Джоаль не упускал любого момента посмотреть по сторонам. Анемая наметившая себе путь к зениту, как раз зашла за надзирающую тучу, и он, стравливая жутьбу век узрел вдали порыжело зеленого холма отведенного закрытого сенью облака пастбища, редут кентавров.

Те выросли на его своде строем, и пытливо поглядывали из-за холма, на котором была выжжена трава. Фермер, сменил своё недовольство к ратникам и виконту, и учуяв их, спешной, прихрамывающей трусцой скрылся поодаль, в шаткую ветхую хижину, с треугольной и кривой крышей, из небольшой трубы которой веяла слабым столбом дыма.

Кентавры все так же застывшее истуканами стояли в ряд,

как если бы вышли осмотреть свои владения. Они были высоки, а кожа их была нечто средним, между болотной трясиной и дёгтем. Широкие коренастые плечи, крепко сложенный торс, и вытянутая фигура лошади, были подобно выточенным статуям, и замороженный Джоаль не мог насмотреться на них. Их шерсть, идущая от копыт и по хребту, была редкой, но густой. На голове у них виднелись длинноватые и спутанные бурые волосы, тянувшиеся по спине, и ниспадающие на вытянутое скуластое лицо, но благодаря бежеватам острым ушам у некоторых они были убраны, делая им полный обзор перед собой. Среди них стояли и более утонченные в стане и даже лошадиной доли. Они являлись щуплыми самками, и не сразу, но позже Джоаль убедился, что самок в разы больше.

– Видите их? – очарованный видом мифологических существ, ребячески указал пальцем виконт своей невосприимчивой ватаге, на холм, с фалангой копытных.

Стоило муторным глазам, ухватиться за выросший на вершине необычный лес, все как с цепи сорвавшиеся, лихорадочно схватились мечи, даже Гайт. Вытягивая их из ножен, его свора напугала скорее самого виконта, чем группу хладнокровно лицезрящих исподлобья кентавров, коя ещё и лучезарно подсветилась вышедшему из разбежавшихся от ветра облаков зною, отпуская длинные тени по выжженной траве к безучастно пасущейся скотине, забытой бегло мнительным крестьянином. Группа разумных зверей, наконец, по-

степенно начала вымученно удаляться издавая напоследок брезгливые фырканья. Последним ушел фронтовой поджарый бежевокожий, кой не шевелился, растравив крепкие жилистые руки, и казалось, тот безутешно призирал аккурат лишь Джоалья, под нависающими спутанными темными прядами, усердно скрывавших его усеченное лицо, и туманные эмоции за мороком тени.

Когда все единодушно скрылись, паника в рядах, отступила, и шелест железа возвращающегося в ножны, успокоила дворянина, с его первым походом за стены родного замка.

– С ними нельзя застрашать мечами. Эти разумные, – умяв дрожь в связках, указал Калиб, угрюмо посмотрев на своего нынешнего сира. – Будьте внимательны. Заставать врасплох, нападая со спины, их главное различие с дикими идущими напролом.

– И все? – недоумевал Джоаль, все ещё чувствуя отбой сердца по вискам, опамятававшись, поспешив за уходящей спешно отдаляющейся группой не менее взвитых встречей людей.

– Вдобавок диких самок пользуют, с тем чтобы доить из них молоко. Лепечут, мол продлевает жизнь. А на вкус горькое как задумавшееся коровье. Да ещё сами кентавры все тщатся их отбить назад, отчего напирают на дреколья, и бездумно умирают.

– А отчего так мало самцов у «разумных» если отбивают как правило диких? – вставил озадаченный виконт с малой

отдышкой.

– А кто их разберет, то, подчас как накидываешь сеть, а те лепят на своем в пересмешку с лошадиным воем? – подчеркнул Калиб.

Опять началась тихая часть пути. Каменистая тропа сменилась на разъезженную дорогу, с множественными проселочными путями, рытвинами и колеями от колес, свежими вымоинами с зыбью луж, затесавшихся с минувшей ночи, утопленными следами копыт в нагретой застывшей хляби, и категорически недостающими указательными столбами. По бокам ещё растекаясь, водились лощины, но впереди тракта меж обхватывающих его проезжих дорог, громоздился встречный лес, который обретался крайне непролазно тесным, и сквозь частые убористые разлапистые ветви, нельзя было ни рожна прозреть, минуя черноту неясности.

Упершийся в сбивавшую планы закавычку Калиб, как ведущий замер, а с ним Коуб и Моз. Гайт, в своих крагах, лишь уперся на меч, что шел перевязью ему по бедру и свисал на укрытой в легкие поножи голени. Старший ратник ещё долго неясно прибывал в молчанке, прямо смотря на сломанный знак на фоне лесной глуши с граничащим спадом в канаву, помеченным желтым и пахучем дроком, стараясь разобрать выявившиеся буквы, на треснувшей выцветшей доске. Оставив безутешный процесс, он, виновато клюнув широким носом, повернулся к Джоалу, отчего его недельная щетина поверх загорелого обветренного лица, так же сплю-

щилась в гримасу.

– Сир... у меня, есть малая загвоздка, – хрипло выдавил он, повинно потирая шею, кривя устами.

– Да? – как не странно, вполне располагающие поинтересовался тот, на самом деле смотря через воина в густую чащу таинства леса, где меж сбитых веток и свежей пробивавшегося подлеска, по палому насту спавших лимонных листьев украдкой пробегали неизвестные ему маленькие существа, лопаю сучья, что шелкали не хуже насекомых.

– Я на поверку, не ведаю дороги, а знак вероломно развален, – сотник, грешно упав духом опустил голову, сморщив морщины возле широко разбитых глаз, ожидая выговора или оскорбления. Но Джоаль к показным остросткам и журьбе не привык. Или до поры?

– А ты вращался там прежде? – лишь искренне поинтересовался тот, со всей прямоотой в тоне.

– Мне совестно признавать... но там живут мои сродники по стороне супруги, вот токмо я... из памяти окончательно вывалилось направление...

– Не беда, – повеселел Джоаль, в из ниоткуда прибившейся экзальтации. – У меня есть небольшой путеводитель. Может и без деталей, но тропу укажет.

Он залез в походный выюк Гайта, и вынул маленьких томик со свекольной обложкой, и знаковым переплетом. Было ещё лазурно и светло, и по сносимому ветром с шелестом страниц оглавлению он нашел потребный город. Ренкор

разместилось через непроходимый лес Небарус, в котором по описанию со страниц проживали некоторые племена гоблинов, что ловко пробирались у подножий столетних деревьев, пристраивая к ним хижины, облагораживая прогалины лугами, и держась в стороне от суеты окрестности. Джозаль решил не примерять личину всезнайки, приписывая всю славу себе, и возвестил всем.

– Согласно источникам, свидетельствующих о первых походах на запретные земли, был необходим перевалочный пункт для хранения припасов, и ночлега. Отчего и был выстроен Ренкор, что находится в десяти лигах от Майзы, а путь к нему лежит, через лес Небарус, и из древни у него было два обходных пути. По ошуюю разветвлённая дорога вела к дельте нагия. А напротив, одесную в глубь, по обозной тропе к частоколу, что будет заметен издалека по пламени в столпе, который тушился, если наступал враг.

Закончив декламацию, и поднимая умные глаза к своим спутникам, он словил заискрившиеся уважение, и слегка прорезавшиеся улыбки на лицах полных сожаления, о своей выпавшей участи.

– Может и не надобен нам никой провожатый, с таким добротным путеводителем? – отозвался Моз, своим звонким и казалось недавно, начавшим грубиться голосом, поверх тонких черт лица, сверкнув в вымученной ухмылке зелеными глазами.

– Он потребен для примерного описания. Тропы и марш-

руты, да фауна. А нам предстоит выкладывать окольный путь исходя из опыта, которого не знаю, как у вас, у меня, если честно и горсти нет.

Выслушав аргументы, и подхватив вещи, которые успели оказаться на дороге, вовремя само напросившегося привала, в пору расчетов на распутье, вся ватага, заскрипев железом опять продолжала путь. Ближе за полдень спустя восемь лиг с редкими стоянками с обрамляющими стенами сбившихся вековых деревьев и искусавших их у подлесков и кюветов осатаневшей мошкары, вдоволь напоившись выступающим соком деревьев, они все же настигли обзором того самого столпа. В котором и правда маячила крохотная чадящая лампадка, чей курившийся огонек метался от ветра, но стически, жестоковьюно не гас.

Высокий зубастый частокол в тесном сожительстве с желтолистой дубравой подпирали сторожевые башни, стоявшие между сводом врат, которые были радушно раззявлены, но по движению пальца, острые сплетенные балки обрушались бы в доли в земле, и проход без увесистого челобитного тарана был бы закрыт. Зоркие лучники в вытянутых шлемах издалека заметили группу. Все они шли по протоптанной дороге в окружении все того же непроглядного леса, и боковых насаждений через западающие кюветы, когда мимо них звякая чем попала, громогласно промчалась телега что давеча отголосками звучала из-за спины ещё издали, как пить дать груженная до верха поклажей и звенящим товаром. Ку-

чер с огнем в выторощенных глазах, нещадно стегал свою вороную клячонку, а на оседланном им же ветру его седые распущенные пряди поднимались словно парус, а сидевшая примкнувшая к краю повозки русоголовая девушка с запавшей шеей не внушала признаков жизни. Но лучники даже глазам не повели в сторону безумца в голубоватой камизе ополоумевшего чудодея, взбившего столп пылевой завесы, оставляя за собой непроглядные завесы. Их взоры приковали зеленокоттовые ратники, и по виду богатый граф. Зыкнув со стены вниз, дозорные велели оповестить местную власть о расфуфыренном госте с личной охраной. Мальчишка в изношенной целом семействе рубахе с прорехами и на три размера больше, чем следовало, рачительно ринулся по хлоплюющей непрогретой от близлежащей сени деревьев грязи в сторону главной ратуше, не раз упав по осклизлом пути измазав колени в рыхлой вязи.

Вся гурьба пересекла границу врат, самолично не получив и отклика со стены. Пересекая внешний фасад высоких стен частокола, чьи бревна, уходили глубоко в землю, они ждали немногого, особенно Калиб и, двоя других солдат, но впечатления Джоалья было максимально удручающим.

Видя скудные домишки с соломенными крышами, да малокровных девиц в рваных затрапезных сарафанах, он почувствовал ломящие чувство в груди. Его вид был на редкость вызывающим относительно сермяжных горожан, и теперь он начинал понимать искрившую неприязнь фермера.

Так же он, близоруко держа голову поднято, неожиданно сойдя с тверди, вступил в склизкую чавкающую хлябь, отчего его знаковые дегтярные сапоги, растеряли, свою навязну, и обзавелась серыми кляксами чамура. Остальные, включая Гайта не чувствовали дискомфорта, и даже не заметили, как их сиршатко увязает, свыкаясь с нависшей мыслью, что миновать данную оказию квелого грунта, в пределах границ поселения обнесённым кольями, до поры не удастся. Вокруг грудились множественные разношерстные строения: лавки, жилые склоченные из бревен и редкого камня дома, застревающие в гуще телеги, одинокая покрытая конюшня, и даже небольшая мельница под черепичным навесом с жерновом, и мелким наделом, к коей вместе с котухом примыкала харчевня. Ратуша ближе к середине околотка, к которой и прилегал огонь выросшего почитай шпиль столпа, совершенно не вызвала симпатии, не смотря на в разы приятнее относительно остальных домишек – *бревенчатую пропитанную дёгтем обшивку фасада*. Так же у здания были крупные окна, в которых зиял свет, несмотря на ещё весьма светлый полдень, не беря в расчёт близящиеся серые тучи, омрачавшие день в ненастный саван.

Форсируя хлябь, радушно устланную по улицам, меж прибитых к стенам домов и лачуг, из которых сыпалась ругань, то мусор, они решились следовать плану. Под этими стенами, должно было быть место с большим скоплением людей, и не тех, кто носил обноски, а странников, храбрых воинах...

или хотя бы следопытов.

Под очередной крышей из соломы, послышалась желчная ругань, и из прорубленного окна вылетела чугунная сковородка. Она весомо воткнулась в глотавшую всякое грязь, прямиком пред Джоалем, и, утирая капельку отлетевшую к его опрятному носу, тот лишь повел опасливым взгляд по траектории полета, надеясь избежать рецидивов обшивки. Да него дошли лишь последние слова, от басовитой женщины, и тихое бляение мужчины.

Огибая место рьяной склоки, они скрылись за тенью высокого бревенчатого дома, со стоком прямиком в хлябь, из которого выходило нечто похожее на воду из болот с листьями, но судя по пряному запаху листьев с пихтой, из трубы сверху, это была заурядная баня. Из полуоткрытых запотевших окон то и дело были слышны воодушевленные возгласы с хлестом вымоченных листьев и размокших прутьев, а вырывающиеся поры пара были напоены мятой. Одни из трех створок дома с запотевшими окнами распахнулись, и из них высунулась голая по пояс дева, что со свисающими грудями, и намоченными светлыми волосами, кокетливо призывала их присоединиться, улыбками и мановениями игривых пальцев. Моз и Коуб, ответно свистнули ей, Гайт стесненно качнул головой, Калиб и вовсе не подметил её, а Джоаль, не желал отвлекаться. Отвлекаться надолго...

Они, отпираясь от приятных запахов, топтали затхлое месиво под собой, возмогшая и пробираясь к широкому ка-

менному зданию вблизи мельницы, совмещающей с собой скудный хлев. Строение было двухэтажным, и из небольших окон, не было слышно отталкивающего гула перебранок или непотребных им драк. Это до поры внушало спокойствие. Крыша так, как и у бани имела багровую опалубку, хоть и перекосившуюся, и годами не реставрируемую, облупившуюся с краю. С забитых листьями и грязью желобов то и дело занималась капель безвыходно застопорившейся воды, которая все не желала вытекать полностью, но и оставаться в доле зеве, аналогично не спешила. Чуть выше притворенной двери высилась кованая бирка в форме лепестка, раскачивающаяся на забредающем ветру – *Квельй лист*. Стены слегка треснули, и спасительная замазка то и дело бросалась в глаза. Бревенчатый второй этаж, тоже не отдавал уверенностью, но все же был пригож, относительно низины. Стоило им подобраться, как дверь, как волшебству отворилась, выпуская светлый зазор. Джоаль хотел было порадоваться остаткам магии, среди земли оставленной ведьмами и магами, но тут же обозначалась истинная цель.

Из просвета прохода надменно выкинули человека. Он, расплескав брызги, упал лицом в хлябь, и не спешил подниматься из пут мягко посланного покрывала улиц. Его вялые движение вкупе веявшего от него перегара, вызвали у всех единодушный призыв омерзения к пьянице. Этот доходяга, был весь в черном облачении, а на ногах были вязнувшие в вялых потугах к движению, каучуковые сапоги, отдаю-

щие бурым оттенком. Кисти в перчатках с рваными раструбами без пальцев скребли по холодной грязи, хлюпая редкими пузырьками воздуха. Его длинноватые волосы привиделись черными, но это лишь от долгого отсутствия мытья, что автоматически темнило их. Он все не как не мог подняться, и, безвольно ворочаясь по скользкой грязи, вызвал отчетливое желание покинуть эту жалкую панораму падения человеческой чести – Как вдруг! Из все того же развернувшегося проема выскользнула с отваленной втуне помещения воркотней, небольшая фигура, и Джоаль с группой не обознался – У неё была зеленая кожа.

В небольших сапожках, казалось на дитя, и драпированных бурых ворсистых льняных штанах, в белой кружевной в районе малых плеч рубахе, стягиваемой кожаной жилеткой схваченный перекрестным шнурком, подчеркивая налитых бюст, на свету показалась самка гоблинов. У неё были темно червлёные волосы, развивающие как шапка, а длинные и тонкие у концов уши, держали их в узде от спадания на широкие глаза. В правом ухе на середке болталось две окисленные с редким блеском серьги.

Они ошеломлённые новоиспеченным курьезом ждали от неё все чего угодно, кроме её выкриков и дальнейших действий.

– Хозяин! Подымайтесь, ну, опять обуют же! – она в своей хрипловатой манере, действительно обращалась напрямую к телу, увязшему грязи, которое уже бросило все старание

всплыть из трясинной субстанции.

На её плечах была темная увесистая котомка со стягивающим шнурком у ворота, явно не по росту, которая при беге была ей по пятой выпяченной точке, а она каблуками сапог, по её дну, отчего раздавались позвякивания схороненного в ней железа и стекла. А в коротких руках у неё обитал полторный меч, почти с её рост, с расписным под вязь эфесом на длинной ручке, высвечивающейся из портупей ножен на колышущейся перевязи. Галопом добравшись до человека, она, воткнув меч в слякоть, и зачала силиться поднять его за опавшие плечи своими короткими, но тем не менее знавшими труд ручками, на которых было всего четыре пальца с каждой из дланей. Зеленая кожа, от её тщетных усилий становилась бутылочной, а меч пал плашмя в объятая хлеставшей брызгами слякоти. При этом она зычно выругалась, как ни Джоаль, ни даже Калиб себе не позволяли, и их уши ушли в трубочки, а лице сконфуженно скривились. С её приходом в свежем воздухе отчего-то проклюнулся четкий привкус бадьяна.

Наконец она в своих бесплодных потугах, заметила пятерку неустанных наблюдателей. И им предстали её сапфировые глаза без белков, поверх бордовых бровей сощурившись, едко сосредоточились на Джоале, а округлое лицо с пышными матовыми щеками стало кривиться в набежавших морщинах, со лба, доходя до курносого вздорного носа, и до тонкого рта из которого торчало два едва приметных в виду хму-

рости белых клыка с нижней челюсти, на угловатом зеленом подбородке.

– Чего зенки развесил, дылда гофрированная?! – прыснула она, пока на её малые плечи ложился человек, который сыскав силы, постепенно поднимался спиной к ним.

Калиб хотел было вмешаться и в воспитательном стиле ткнуть её секирой, но обескураженно укоренный Джоаль, нашелся раньше и остановил его.

– Брось. Не стоит. Она просто зла, – вразумляющее сказал он ему, как наставнику, или давнему другу, отчего гнев Калиба растаял, и смяв уста, он решил покладисто отступить. Гоблинша, больше на них внимания не разбазаривала, и с участием, отволакивала своего «хозяина», через шаг успевала желчно бранить все вокруг, но про них она забыла. Вздорная личность, уже оставила неизгладимое впечатление.

Глянувши на не затворенный проем ещё раз, на наличие вылетающих посетителей, подобравшийся Джоаль отважился зайти. Он, не до конца войдя в своё положение, обыденно попросил Моза и Коуба покараулить снаружи. Зато Гайта и Калиба поманил проследовать за ним для моральной поддержки. Разумеется, ратник отдал секиру своим более молодым братьям по оружию, избегая неверного авторитета в глазах почтенной публике. Время драк и разборок ещё не престало. До поры.

Полумрачный салон был тих, может и благодаря тому, что был почитай безлюден. Кроме, непосредственно корч-

маря, за стойкой, и сидевшей за ней же долговязой белокурой эльфийки в кожаной зеленоватой робе в черную полоску, на все двенадцать столов, было занято только два. В воздухе весел затхлый привкус прогорклости, а общее освещение было приглушено, и разбитые покрытые чадом лампы, по балкам посередине порожнего зала, поддерживающим второй этаж разбитыми по середку столбами, было единственным светом. Круглые столы были выпачканы липкими лужами, как и половицы затертого пятками сапог пола, но это уже не казалось чем-то не закономерным. У основной стойки было порядка восьми трехпалых бревенчатых стульев, не включая боковых, за которым по правую руку корчмаря и сидела томная мелово бледная эльфийка, со спадающими на острые скулы светлыми волосами по очиненный подбородок (она скрывала острые уши, но кончики все же высывались, выявляя телесный оттенок в золотистой ржи). Корчмарь был кряжистым грузноватым мужчиной, по виду похожому на тучного дворфа, если бы того сложить втрое, и как следует надуть. Широкая борода лопатой, и волосатые сложенные на вислой груди руки, в которых мерещилось, мог с лихвой треснуть череп недоброжелателей. На нем свисало тесное одеяние власяницы, с раскрытым воротом, и подогнутыми рукавами, высвечивающее его коренастые локти. Но румяное округлое лицо с двумя утопленными точками синеватых и в тени глаз, как нестранно при такой слаженности было располагающим. Он дежурил, смотря на вход,

точно будто рассчитывая на возвращения «не галантно выпровоженного постояльца». Но приметя группу гостей, он лучезарно просиял, размежевав бороду, надеясь на солидный заработок, учитывая внешний облик Джоалья, от которого за версту звенело, что он из знатных господ, с солидным мешком злата за душой. Пробираясь вперед по клейкому полу, все менее чувствующий отраду этого прибежища скорби, Джоаль почувствовал подсаливающую крошку опилок или пыли, что посыпалась ему за шею, со второго этажа, по которому барабанили сверху чьи-то ноги. Корчмарь при виде муторно вычищающего ворот господина повинно почесал свою плешь продолговатой головы, а боковые коротко стриженные волосы, покрылись небольшой влажной испаренной навернувшейся вины.

– Приветствую тебя, высоко почтенный муж. Мы проредили долгий путь от самой столицы, на отыскание верного и надежного следопыта. Который я надеюсь иметься в окрестностях доблестного града? – зачал тот красноречивое воззвание. Напрасно.

Выслушав его короткую тираду поставленным голосом, озадаченный корчмарь тучно почесал бороду.

– У нас тут так речи, не... – он, потупив глаза, запнулся своим скрипучим голосом, и сидевшая неподалёку скрытая эльфийка, с тонкими чертами лица и впалыми щеками и казалось оранжевым переливающимся сердоликом в глазницах, подхватив лаконично закончила за него.

– Слагают.

– Верно, – согласился тот, кивнув скорее себе. – Вы бы сударь, по делу бы, а то, одно слово туда, – он указал в одно оттопыренное ухо, – а другое оттуда, – на этот раз он показал ближе к пояснице, в вотчину мягких тканей крестца.

– Как изволите, – пожал кружевными плечами отгоняющий от себя велеречивость виконт, и опять вызвал он на его лице недопонимание. – Мне потребен проводник, до Лирры, и понадёжнее. Примитивно и без словоблудий и околичностей.

Корчмарь, опять сделался тучным, закатив синие глаза, и выпятил губу поверх клумбы бороды. Но не от понимания, а скорее мысленно перебирая разных персон, на эту роль.

– Увы. Единственный, кто гош вам, пред вашим заходом, был отправлен пнем под жопу, на выход, – он один жестом подбородка указал в сторону притворенной двери.

– Та пьянь? – в изумлении буркнув отозвался Калиб, стоявший под плечом Джоалья.

– Та самая, – поддержала его выпавшее из уст недоумение пылким словом Эльфийка, что снова следом томно приложила к керамической площадке, подернув тонкую шею.

– Нешто нет недурнее? – скривил лицо Джоаль, представляя, с какими воплями, тот будет просыпаться от сухости во рту, посреди непролазного леса.

– Право, самый годящийся, – непроницаемо к сомнениям заверил кряжистый мужчина с некой теплившейся на ли-

це уверенностью. – Его репутация на поверку, уходит далеко за эти земли, и нет такого корчмаря, который бы не знал *Клайда Безродного*, – его усы после этих слов заблестели и разверзлись в лучезарной улыбке посреди угнетающей полутени, выпуская, словно из-за штор, редкие зубы в непроизвольно сорвавшейся ухмылке.

– Отчего же он тогда такой заправский, распластался ликом в грязи? – нежданно встрял, резонно проронивший мысль писклявый Гайт.

Хозяин внезапно насупился, точно куснув себя за щеку.

– Одно дело прослыть славой. Другое, пропивать все непотребные деньги в барах, или с полуэльфийками в борделях. Человек то он дельный быось об заклад, вот только пороки высоки, и одолевает, под сей раз, как завижу его без путного дела.

– Пойдемте сир. Быть может, сыщется в этом городе, тот, кто не обведет нас вокруг пальца, забрав деньги, пропустив все на ветер, – махнул на все рукой незаверевшийся вкрадчивыми обетами Калиб. Как внезапно, на него грозно посмотрела остролицая девушка эльф, за завесой белобрысой челки, касающейся тонкого носа в мелких царапинах, сверкнув на него сердоликами, выделив сведенные скулы и уста.

– Думай, о чем лопочешь ратник. Можешь осуждать его пороки, но не оговаривай честное имя.

После этих колючих на слух слов, она веско положила сверкающий кинжал с гравюрой лиан на доле на стойку, чем

собрала очко в его пользу. Эльфы, ни в жизнь не заладили бы, защищать обыденную пьянь.

– Я протираю штаны здесь, живехонькой только оттого, что он вывел меня из Вамира, да позже ухищрениями провел меня из Кумбаза, меж стен неладных Майзы, где напомню вам королева с климаксом, не выносит нелюдей... – обрывисто вспыхив, вновь оскалила она белоснежные острые зубы, опалаяющие смотрев на них, своим янтарными лупоглазыми очами. Чистокровная эльфийка, ко всему прочему, начала обдавать их своим природным мускусом, что не скрыли тесно облепившие одежды. Любисток так и лип к ноздрям поруганных людей.

– Тише, Сайма, – молитвенно попросил её хозяин харчевни, стуча редкими зубами сложив брови домиком, – не нужно. Они что зрят, о том и говорят.

– Сколько? – скроив тонкие черты, сердито спросила она хозяина, не переставая буравить взглядом свиту виконта, оранжевыми пылающими глазами, дергая желваками.

– Ты пропустила два, по цене трех крон. Так что, подавай шесть, – быстро подсчитал он, одеревеневший не вяжущим языком.

– Держи холуй. И за него тоже, – она скопом положила дополнительных пятнадцать. – А вы! – указала она на Джоаля с Калибом тонким пальцем, опять презренно взорвшись на их стушеванные позы. – Лучше берете его, чем шарлатанов, и пройдох. Клайд за работой бесподобен, а без... сами

лицезрели.

Сайма, нервозно забрав кинжал, и больше не выпустив не слова, вытянувшись в жердь, колченого переступая на левую ногу, вышла прочь из-за стойки, едва не задевая макушкой лампы. Её зеленные зоны приталенной куртки, поверх черных элементов уплотнённо облегающей кожи наряда на подобия робы, доходившие языками фалд до бедер, обрамленных по бокам тесьмой, с длинными остроносими сапогами по тонкие колени, хромающее скрылись за дверью, когда оцепеневшей Джоаль отошел от её слов.

– Благодарю за наводку, – специально с утрировал Джоаль, а тот лишь улыбнулся.

– Всегда рад, – и на его затертой временем столешнице появилось шесть монет в знак доброй воли виконта.

Водворившись к густо серому небу, занесенному тучами, огибая корчму, они шли по горячим продавленным коленями явственным следам по грязи, как не странно – *следопыта*. Обогнув основное двухэтажное здание прибившиеся к старшей сестре крупной мельнице, они сворой нашли захудалую пристройку и навес хлева, который скрывал за серыми изгнившими досками небольшое пастбище с похрюкивающим аккомпанементом за низкорослым формальным забором из плетни. Их наводка оказалась верной.

Из водоскопа поверх корыта, наполненного водой для скота, торчала шея упавшего на колени горе-героя, а голова

ушла в толщи холодной воды. Неподалеку под тем же навесом котуха с запавшими на бок подремывающими хавроньями, на толстом бочонке, свесив ноги, восседала памятная эскападой зеленакожая особа, и скучающе барабанила пятками по ободу. Она все так же держала на спине тяжелую для неё котомку, а меж ног упарившись лезвием ножен в грязь, обхватила осемью пальцами в своих широких ладошках на коротких руках, длинную рукоять с эфесом на конце. Заметя подкрадывающуюся группу, она сквозь редкие, похрюкивания сновавших недалеко свиней, ошестинившись хмуростью, принялась украдкой взывать к человеку, который казалось, уже положительно утопился.

Он, точно уловив модуляции вибрации от хрипучей спутницы, вынырнул, гейзером выпустив над брызги капель собой, как только все уже собирались его спасать. Его волосы истощали и словно водорослями покрыли его голову и скуластое бледно заветренное лицо, со спадающим прямым носом. С недельной темной мокрой щетины накрапывала, неистощимая капель. Он, полусидя, не отпуская из объёма корыто, взыскательно посмотрел на свою спутницу, и та, спрыгнув в навоз, перемешанный с грязью, встала на мыски шепнула ему, что-то на ухо, получив в придачу несколько холодных капель себе, на курносый нос. Человек изучающие обмерив прямым взглядом, вдоволь осмотрел их, затем её, а когда вернулся к ожидающим, не совсем осознанный видом остекленелых мутных глаз, то остановился на самом по-

чтенным, с кого и спросил, не спеша выказывать почтения, или хотя бы поднявшись из грязи.

– Чего потребно? – он был крайне недоволен, и все ещё неизбежно пьян, но не моргал застанным истончавшими от воды волосами зоркие глаза, не отводил взора, и, не взирая, на то, что держался исключительно за счет скопа воды, пропитал их чувством осторожности к своей неясной персоне. Молва о нем все же малость подкупили группу, не направляя упрека к его нынешнему моральному падению.

– Мы сударь здесь за тем, дабы предложить вам работу, – не совсем уверенно, (не способный до конца выкинуть нынешний образ из головы) держа осанку объяснялся Джоаль.

Гоблинша, опять шепнула ему на ухо, очередную напраслину, относительно своих доводов о людях, стоявших перед ним. Он что-то нечленораздельно пробурчал ей в ответ.

– Подробности, – это был не вопрос, он просо хотел уточнить, и, залезая рукой в стылую воду, плеснул ею себе в глаза, которые всецело пребывали за завесой мокрой челки.

– Нам нужно в Лирру. И путь требует скрытности. Все скрытые тропы, и окльные лазы, всем, чем владеет истинный следопыт. Если вы, несомненно, таким являетесь...

Гоблинша опять потянулась к нему, но он упер её в плечо пальцы, попрдержав её рвение. Она скривила круглое лицо, но скаля клыки, промолчала, обратно не без труда взобравшись на бочку. Человек на ватных ногах встал во весь рост, и, не смотря на вьевшуюся грязь на заскорюзлой куртке и за-

пятнанных льняных штанах, был вполне внушителен. Не коренаст, но весьма широкоплеч. Особенно приметны пристали серые словно ртуть глаза.

– Цена? – опять совершенно спокойно, и бесстрастно отозвался он, преодолевая невнятную речь похмелья, ища опору своей неустойчивости.

– Я склонен предоставить вам полторы тысячи монет, за туда и обратно. Хотя доподлинно, не знаю, какие у вас расценки...

– Две тысячи, – тут же наперекор его речи, отчеканив, более твердо огласил он. – И все траты, на снесь, веревку, и пледы для ночлега на вас.

Он изрекал вызывающе, и не соответствовал такому чопорному расчету, исходя пропахшее навозом место. Но однакож, все вышесказанное, было по делу. Взбеленившийся на дерзость Калиб опять хотел бросить не хорошей посул, но последнее слово, так или иначе, было за Джоалем. Гайт услужливо полез в свой выюк, проверяя, сколько монет, передала ему королева. Там было три мешка, по тысячи монет в каждом, и это был притык. Он, подмяв губы, выделив крапинки на носу, кивнул виконту.

– Мы согласны, – благонаравно кивнул ему, располагающий Джоаль.

– Предоплата, – спокойно указал тот, что все же вызвало неосознанную клокочущую ярость у Калиба.

– Да как ты смеешь пьянь бесстыдная? Это виконт Джо-

аль, племянник королевы!

Джоаль, закрыл веки, стукнув сведенными зубами, но уже скоро расслышал сдавленный вымученный смех, человека в черном.

– Учитывая, как вы вольно разглашаете имена знатных персон, ких полагалось утаить, мне жизненно необходимо иметь хоть что-то за душой, до того, как кто-то позариться покуситься на племянника королевы...

Он постепенно сох на затухающих и без того скраденных тучами лучах, и щетина стала менее приметной, в кривой непривычно набежавшей улыбке, и ярких серых зениц, вы-путававшихся из шор волос.

– Все будет, по-вашему, – примирительно отозвался Джоаль, и жестом велел Гайту отнести ему первый мешок. С неохотой рябой потупив взор, передал ему звонкий мешок, с перевязочным шнурком. Пока тот звонко прыгал у него в руке, оруженосец, все ещё пытался смириться с перегаром, кой все ещё остался во рту у сокрытого под новесом наемника.

– Но, тем не менее, – бойко отозвался Калиб, казалось, пытавшийся загладить свою прошлую вину, – нам не лишнем будет заиметь сходный залог. Вам право надлежит разуметь, что ваша репутация до поры выше вас, но мы люди из замка, нас легко облапошить, и нужны более веские резоны, нежели слово хозяина пустой корчмы, и эльфа нервотички.

От последнего слова, тот явно остался недоволен, и слег-

ка качнувшись, находя опору, все же хрипло ответил по существу.

– Да, вы правы. Доверие... не лишне заработать. У меня есть только меч, и она, – брезгливо указал он себе за спину на бочку, – так, что вот вам залог. Поутру встретимся на середине площади, у ратуши. Советую, запастись провизией, и сменить одежду, на... менее приметную...

Не успел он договорить, как зеленая фигура, вновь спрыгнула с бочонка, и, доходя едва ли до его пояса, она, избоченившись, судорожно упирая руки в бок бурой жилетки, придерживая дол длинного по её меркам меча подмышкой, лепетала вслух, и довольно укоризненно.

– Меня, доверить им?! Рыцарям?! – она остервенело, дернула, головой уводя челку, а задранные веером острые уши её дергались в такт дыханию, покрываясь синими жилами на внутренней части.

– Мы тебя не обидим, – вкрадчиво попытался утешить её Джоаль. Но та была слишком своенравна, и пламенно пустила скабрзность, метнув к нему скроенную гримасу.

– Да я тебе бы в рот плюнула, не будь ты нашим вербовщиком.

На её резкое высказывание тотчас отреагировал, Калиб, набрав воздуха в легкие, для хорошего горячего словца, но его опередил хозяин этой вздорной особы.

– Рыба! – просто на просто прикрикнул он за её спиной, и та, сразу стухнув, поджала губу под клыки, и сделалась

покладистой под гнетом его не попираемого авторитета. – Не смей пререкаться. Ты удашься с ними. Снимешь им комнату, и заселишь на ночь. Затемно встретишь меня с мечом, и сумкой в руках. Отвечаешь за все головой. Поняла? – он был тверд, но без перебора, отчего та хмурилась, однако вне новых приступов истерик, мельком покобенившись, коротко откивала, очевидно своему патрону.

– Что помещает ей умыкнуть от нас, и стянуть оставшиеся деньги? – опять заярился Калиб. Ответ нашел его тут же.

– Она ведает, что подобное портит мне реноме. Нет репутации, нет денег. Это все чем могу вас ублажить. А нынче мне пора подготовиться. Фортуны, – отчеканил тот, и слегка шатко перешел он слабый заборчик и направился в сторону публичного дома.

– В чем? – озадаченно нахмутив тесные брови, заломил на дорогу Джоаль, не понимая его заключительной реплики.

– Не каждый сможет снести Рибу, и я вам не завидую, – напоследок сказал тот через плечо, и обтекая, косолапо пошел прочь по хляби, форсируя дорогу к заветному месту.

Вся группа единодушно, опустила внимание на маленькую взбалмошную фигурку, держащую на спине большую сумку, и широкий и не удобный для её роста меч, а она, ответно спустив бордовые брови, гневно вперилась в них, очаровывающими глазами вне белка, чья синева пленяла, вынуждая утонуть в ней интересом.

– Я Джоаль сын Кармаля Лармонта. Виконт Майзы, и пле-

менник королева Флагении...

– А мне, насрать, – безразлично отозвалась маленькая фигурка, втянув лицо до ямок на щеках, не дав ему закончить. Она, упарившись на почивающую хавронью, перепрыгнула ограду, задев её укрытым острием меча. И увязая в грязи, упорно устремлялась вперед меж топкой дороги, напоминая плавник над застывшей зыбью. Все, обомлевши, смотрели на эту диковинную особу с сапфировыми глазами, и длинными острыми ушами, и как пучок темно красных волос раскачивался от её косолапых движений. Она уже прилично отдалась, проделав шельф утопленных следов, когда, обернувшись, заметила, что все ватагой застыли у хлева, замеривши как истуканы, наблюдая за ней и якорем свисающей котомки чуть меньше её самой прижившейся на спине.

– Ну чего корни пустили? Пошли, переростки. Смердящий пот, храп и пердешь, в четырех стенах, сам себя не делает.

Вся гурьба, озадаченно поглядывая по сторонам, последовала за ней, мысленно усмехаясь над её покачиваниями во время преодоления тягучих масс. Хотя вздорный слог тоже не оставлял повода не исказиться краешком уст в набежавшую ухмылку.

9.

Гостиница, в которую всю ораву, пробираясь по хлип-

кой приставучей хляби завела Роба, вызвала форменную дрожь у Джоаля. Ветхое строение, нисколько не соответствовало, воззрению прекрасного, устоявшегося в уме виконта, касательно комфорта сна. Начиная с облезло выгоревшего на свету фасада, и далее вклиниваясь в обшарпанные двери, буря в его непринятие сего дома лишь крепла. Местный колорит, расположившийся на стульях у пылающего горнила очага изразцово облицованным по подолу в «парадном» вестибюле, с величественной кладкой вытянутой в потолок трубы, в безвкусных, рваных одеждах, то и дело, заливаясь кашлем, надсадно надрывал связи. И тут же точно трафя зарождающуюся одиозность, испускал густые кишечные газы, на фоне зарева отходящего огня, пока их тени вытянуто отдалялись на стены в зубоскалящей гуляющей ряби. Замурыйженный дощатый и высокий половичный бурый потолок поддерживаемый искаженными тенью брусью балок, расходился по двух соседствующим комнатам. По одесную в спустившейся тени растянулся широкий стол с гладкой не затертой поверхностью, для банкетов, и даже стойкой с напитками, озаряемых тухнувшими шандалами, невостробованного крыла. А ошуюю была как раз им нужна. Стены были вылощены побелкой, что имела следы налета желтизны жирных прогорклых пятен, и силков размещённой паутины у стыков опалубки балок в затемненных углах.

Минуя фойе, продвигаясь по на свои обертонна взмывающим половицам через свод деревянной арки, к девуш-

ке за ключом от номера сучающе облокотившийся на столешницу, они встали под хоросом, с которого обильно слезоточиво капал воск с истощавших огарков свеч, а отдаленные разбежавшиеся тени отсвечивали на потолке, в притемненном закутке. Субтильная девушка, выпятив губы, занималась счетом мух, затмевая сотоподобные ячейки, с вырезками под номера, и половина из них их плеяды, были порожними, обличая нацарапанный гвоздем номер, меж ромба скрепленных дощечек. Её вытянутые тонкие пальцы ложились на стойку, а завороченные раструбы манжетой выпускали острые малокровные локти, которая она клала на поверхность. Она была высока, а её темные и ниспадающее выпрямленные волосы говорили, о её эльфийской природе, как точенные и вытянутые черты лица – это если ещё позабыть об лавовых агатах. Но удлинённые уши, она, как и встретившаяся прежде эльфийка в корчме, тщила скрыть спускающимися волосами. Она жутко стянула шнуровку черного корсета, поднимая бюст, так как заметила мужчин, рассчитывая кокетливо сыграть на их чувствах, и пропустила, как за небольшой табурет под ней, вскарабкалась путеводная гоблинша.

Когда, кряхтя из-за ноши и не только, Риба калачиком оказалась возле неё (все так же, не доставая до поверхности и плечом), она грубо выругалась, и встала на круглый спил грязными подошвами. Эльфийка, передумала впечатлять незнакомцев своими формами, отчего распустила пе-

рекрестный шнурок на спине корсета, и высвободила складки белесой туники, и свободного ворота, спуская набежавшие индиговые жилы у скул и висков, пытливо сосредоточившись на зеленой особе, с сапфировыми глазами, и червлёными волосами, пускающими два листа ушей поверх гривы копны.

– Надобен номер. Их... – она, прищулив бордовые ресницы обернулась, чтобы подчитать, тех, кто с замиранием сердца наблюдал, на маленькую особу, которая на равных общается с представителем более высшей расы. – Включая меня шесть. Водятся комнатухи на шестерых? – она говорила ворчливо и комично, отчего прижав длинные пальцы, собранные в кулак, девушка эльф, начала тихо хихикать, что не сильно порадовала Рибу, которая понимала, что это отражается, и на отношении людей, приставленных к ней.

– Слушай сюда, – она ретиво ухватила девушку за вострое ухо, которое от легкого смеха высунулась из ряда каскада волос и подтащила к себе, отчего та смежила веки лавовых агатовых глаз, и, прикусив губу, пискляво застонала, – мне потребен номер, или два, ежели не сыщется знатного на всех. Ясно? – она дождалась стенания похожего на смиренное согласие, дабы распустить натруженные пальцы, впивающие салатowymi ногтями в тонкую кожу ушного челна.

Спрятав своё изрядно зарумянившийся участок кожи, за темное каре, зардевшаяся пятнами эльфийка через две невольные покотившиеся слезы произнесла слегка дрогнув-

шим голосом, и слезоточивыми наметками тона.

– Есть на троих... Большие заняты, – она, кривив угловатый лик, повела запястьем мимо тонкого носа, и казалась, готовилась, к следующей порции насилия от сумасбродной зеленокожей персоны, но та отнюдь хотела продолжать, особенно когда её заметили.

– Сколько за две, по три? – она язвительно сощурила вежды, сделав из них тонкую синею полоску, кусаче смотря на девушку, судорожно ищущую защиту в тех, кто абсолютно растерялся, от казалось-бы невзрачной внешне, но очень властной, когда нужно приземистой особы.

– Двадцать крон, или два малых алана, – предусмотрительно пятившись на два шага назад, произнесла д три раза более верзилекая эльфийка, сведшая скулы и зубы, боясь новой взбучки от казалось бы – мелкотравчатого гоблина. Она, сдвигаясь на попятную, плотски прижалась к шестиугольным коробкам за спиной, формирующих сеть крупных ниш, которые были облепленные более мелкими ромбами.

Довольствуясь малым, удовлетворённая Рибя обернулась, с трудом удержав равновесие, из-за меча и котомки. Увидев не в меру, растерянного Джоалья, она тут же требовательно обратилась к нему с неизменной хрипотцой.

– Поди, человек в шляпе, мне нужно с тобой обговорить. Джоаль украдкой усмирив цежено шипевшего Калиба, по скрипучему дощатому полу, подобрался к ней, и пока та во весь двухвершковый рост стояла, на постаменте, заляч-

канного табурета, их взгляды пересеклись, как и с девушкой, не решающейся оторваться от безопасной границы, от резковатой приземистой особы.

– Два номера. Двадцать чеканок, или два мелких алана. Чем богат? – сдвинула она темные, но все же алеющие брови по кроям. При тусклом свете Роба была крайне странна. Её кожа была гладкой, и казалась вымытой, хотя от неё и пахло конюшней и неизбывном ароматом бадьяна. А что касалось ушей, то они были почти прозрачные, а в их широком доле, небольшие синеватые вены, сильно зияли через, будто натянутое полотно её кожи. Её кружевная рубашка, как и драпированные ворсистые льняные штаны, с подогнутыми под её рост сапогами, заставляли умилиться. Гоблинка заметила, что он её не слушает, а только увлеченно рассматривает, и тут же прыснула.

– Ночью будешь обо мне думать. Нынче мне твой ответ подавай, – она хотела топнуть, но покачнулась и начала задать с неустойчивого табурета. Джоалу хватило прыти ухватить её, и поставить обратно, покуда её едва уловимые черные зрачки, выпучившись, увеличились, создав в синем пространстве, глубокое черное затемнение. Все содержимое черной котомки, вошло в пляс, и звон мелких склянок, стук по ним дерева, и казалось шелест, страниц книг, утихли столь же стремительно, как и сыграли свой скоропостижный концерт.

– Не трожь меня! – ощетинившись дыбом взметнув-

шихся волос, огрызнулась Рибо, ослабив свои зубы, которые включая выпирающие клыки, были множественны, хоть и не так опасны. Серdito отпихнувшись, она ещё долго свирепо смотрела на него, покуда подошедший Гайт, миротворчески не внес предложение, так как знал суть короткой беседы между ними.

– Дать мадмузели двадцать монет? – его удачно, вставленный вопрос разогнал чувство враждебности, и недомолвка у обоих растаяла.

– Да, пожалуй, – поправил съехавший убор ошалелый от почитай нападения Джоаль, отходя от стойки, возвращаясь к ратникам. Когда все суммы были уплачены, а агатогоглазая девушка с осторожностью выдала в кряжистую четырёхпалую салатовую ладонь, два стертых у зубцов ключа, она посмотрела за когорту, которая в полной боевой амуниции ждала момента, когда смогут отдохнуть, когда им за спину наведались местные солдаты, и отнюдь не с добрыми намереньями.

Они вошли без стука, и с откликами кольчуги и редких щитком брони оцепили бежевые стены, которые от низа шли обычными бревнами, с прокладкой пакли, а чем выше, тем ближе виднелись трофеи местного градоначальника, который щедро одаривал каждое здания города, своей добычей. На этот раз в тусклом освещении затухающих огарков свеч, срубленную скуластую голову кентавра являющимся первой из многих голову идущих под боком на крутую лестницу, за-

дел один из солдат который заходил за спину Моза.

Когда мечи солдат с мелким лязгом были обличены из ножен, и направлены на сонмище, только Рибса сохраняла ледяное спокойствие, безучастно смотря на них. Но ненадолго. Почти тут же, за её длинные уши ухватилась давеча обиженная девушка эльф, и насилу прижала ту к стойке подсушенной годами древесины с широкими колеями на рельефе, отчего та вмиг стала темнее, своего обычного оттенка переливаясь в матовый цвет отекавшего лица.

Каждый из прибывших солдат из оцепления, был в черном облачении котт, облепленных шитыми мелкими квадратами задубленной кожи. Их каркасные кованые шлемы были впритык, и видны через них были лишь глаза, так, как рот у них был скрыт черной куфией. Они спускали по спинам синие плащи, а последнего вошедшего через парадный сложенный из мелких дощечек свод, украшал алый оттенок, подшитый изнутри мантии. Он отчего-то снял шлем, чем немного расслабил всех (кроме Рибсы) так как был человеком, не вызывающим опаску или острую антипатию. Длинноватые темные волосы на пробор, но при этом с правильными чертами лица, с небольшим шрамом на щеке, с двухдневной щетиной, предстали их взору в полутени.

Пока он оценивающе обмерял всех своими темно зеленоватыми зоркими глазами, то заметил маленькую прижатую бестию, что, скалясь и шипев, упорно вырывалась из хватки, и впивалась своими ногтями в тонкую кожу эльфийки, от-

чего та пунцовела и стискивала острые зубы, но неотступно не отпускала. Иногда маленькая обида сильнее нестерпимой боли.

– Эй, Туина! Отпусти её. Преждевременно, ещё самосудом заниматься, – спокойно произнес человек ненапряженным баритоном, отчего стоявшая за стойкой хоть и опешила, но тут же повиновалась. Вырвавшиеся с горевшими ушами Роба, нахнув, прыгнула с гулко вдарившего в половицы табурета, и бойко сбросила сумку с мечом, после чего полезла во внутренний карман под жилеткой, и уже скоро готовила короткий кинжал, вознамерившись поиграться с лицом обидчицы.

– Сударыня? – опять спокойно, и будто позабыв о взятых в кольцо пришельцев, вкрадчиво обратился десятник, к остервеневшей Робе, и только со второй попытки она поняла, что вопрос к ней, – Маленькая мисс?

На этот раз, гневный взгляд перекошенного округлого лица с оскобленными клыками, маленькой зеленой девушки обратился к весьма располагающему человеку в черном.

– Я знаю, что у вас заведено, немедля воздавать обидчикам. Но ладить сие непотребство вы должны в своих краях, где царит беззаконье, и ваш личный кодекс. Здесь юрисдикция борона Нуйда Гума, кой присягнул Сибульту второму. И за хладнокровное убийство, тебе будет положено отсечь бесноватую голову, так как ты ещё к тому придачу – нелюдь. Покумекай об этом дважды, – все так же с напускной добро-

душием сентенциозно произнес тот.

При всем том, не меняя добродушную мину, он все же ждал, эфес в ножнах, обвиняясь о своих дальнейших действиях в случае необдуманного отказа. Нашедшаяся из омута inferнального безумия, Рыба послушно укрыла скрытый кленок, и подобрала звенящую котомку. Десятник моментально утратил к ней интерес, и вернулся к оцеплению взятых в кольцо неизвестных ему солдат.

– Прощу простить за ожидание, – размеренно обратился он к всем тем, у шеи которых лежало оголенное лезвие его обступивших людей. – Но мой господин был осведомлён, о прибытие неких людей, которых ему описали, как солдат, и одного вельможу. Я это перед собой и вижу, и вынужден указать вам на порядки. Для начала – вам – необходимо сдать оружие, пока не выйдете из города. Таков наказ градоначальника – без формуляра оружие не выдавать. Во-вторых, он незамедлительно желает зреть вашего Сира, для беседы, о цели препровождения в Ренкоре. И оно не подлежит отложению.

– Только через мой труп! – зарделся под кромкой шлема всплывший Калиб, который, не страшась острия дола, на взмокшей шее, стал настырно пробираться вперед к ненавистному ему десятнику. Его расторопно схватили под руки, и держали покуда, рослый десятник, не подошел к нему в упор, железной хваткой ухватившись рукой в перчатке за древко его секиры, которую тот, все ещё строптиво не же-

лал отпускать.

– Вы не исполните своей миссии, если не наловчитесь держать себя в узде, – он дернул и высокий гвардейский топор, с легкой прыти оказался в руках у темноволосого, – а теперь, по прощуху вельможу проследовать за мной, а все остальные, свободны, тотчас, как сдадут оружие на храненияя.

– Я должен идти один? – внезапно проронил расхоложенной чередой событий Джоаль, как если бы выпрашивал дозволения у взрослого. Со временем отрочества ему не был ведан такой обуявший страх за себя, пред кем-то в форме.

– Ну.... Барон настаивал на личной встрече. Но вам дозволяемо будет взять слугу, если вы всецело доверяете ему, – помявшись, нашел компромисс десятник.

Он наскоро въедчиво осмотрел всех, и внезапно отмежевав очевидность, заметил сиротливо стоявшую внизу Рибую, коя, уже подобравшись, держала меч, и, помня навет хозяйина, она не собиралась его отдавать, ни при каких условиях – *как ему показалось*.

– Прощуха прощения, но Гоблинша не совсем с нами, – как-то вяло покачал виконт головой. – Она не сможет сдать вам меч, так как её хозяйин, вверил ей его в хранение.

Десятник, вдумчиво почесал щетинистый подбородок поигравшись желваками, и внезапно объявил.

– Тогда решено – берите её с собой. Таким лезвием, да с этаким ростом, она много голов не нарубит, а вопросы будут к её обладателю. Кстати, где он, если это не вы?

– Он покинул нас, на не определенный срок. Обещал появиться у ратуши ранним утром. И как минимум за мечом, он я бьюсь об заклад, воротиться.

Темно-зеленоватые глаза десятника, дотошно осмотрели расписной эфес длинной рукояти в ножнах, что был ухвачен в руках Рыбы, и тот криво усмехнулся.

– Да, за таким стоит вернуться. Хорошо, следуете за мной четой. Вся ваша группа, увы, не пойдет с нами, но могу заверить, словом, чести, вы все увидите, не раньше, чем через час, – даже задрал он длань в перчатке в подлинность своих увещаний.

Стушеванные обстановкой, Калиб, Моз, Коуб не в пример напряглись, а побелевший до полотна, и приметных окопов на щеках Гайт, и вовсе откровенно серчал на своего сира, который предпочел взять себе в братию нелюдя, чем верного оруженосца. И это после того, как он столько лет, выслушивал тирады об его любовных авантюрах!

– Не суматошьтеесь друзья. И обживайте жильё. Мы прибудем, как только сможем уладить формальные нюансы, с Бароном. Будьте покойны, данные люди не желают нам зла. Вы не предадите свои клятвы, если отпустите меня на поруки этому мужу, – миротворчески попытался успокоить их Джоаль, но двоя, сохранили свой скептицизм и недовольство, скребущих на душе кошек. Ими, конечно же являлись, насуспенный Калиб, и осунувшийся от овладевшей обиды Гайт.

Приземистая девушка грибом под соснами, проходила мимо солдат, и, протискиваясь меж их коленок с поножами, самовольно отдала два ключа в обвисшую кисть Гайта, который стоял остолбенелым столбом, иступленно впериваясь на виконта, и, оправив кренящую котомку, и, пихая ножнами, тесно застоявшиеся ноги направлялась к Джоалю. Когда они стояли под руки, а одна из капель воска со звоном попала на шлем солдату в черном, десятник благонаравно проговорил.

– Отпустить их, как только сдадут оружие, – после этих слов, группа из двух людей, и низкорослой особы, спешно вышли прочь из облезлой гостиницы.

Риба тут же застопорилась у помоста дощатого порога, очевидно не желая вновь вставать в вязущую слякоть, и её переполнившему недовольству явно не было придела. Окунувшись на устланный вязкий покроей улицы, она то и дело, пеняла на ведущего, кой в разрез её вырывающейся желчи напускал вид, что не слышит её брюзжания. Из-за её неспешных нанизывающих топкую грязь шагов, приходилось задерживаться точно плугом, напарывающимся на твердую глину. Когда, вблизи вымахивая в небо, оказалось все тоже бревенчатое строение со сливным стоком, да с манящими парами и привкусом мяты, виконт остро пожалел, что не остался с ними, а попал в неожиданный переплет.

Приятный прорезавший себе за тучами, блеск анемаи постепенно начал крениться к вершинам гор вытягивающих-

ся поверх верхушек деревьев и заточенным кольям, призывая этим сиреневую тень, и перед ними были первые предпосылки берущего бразды власти сумрака, с кусачими за нос осенними ветрами, и звенящим в уши жадным до теплокровных гнусом. Поплавком над зыбучей хлябью Рибя особенно грязно чертыхнулась, и тогда закусивший губу Джоаль вышел с невиданным для себя прежде благородным предложением, которое, было вызвано скорее переполнившей его терпение усталостью, от её нескончаемого потока недовольства.

– Могу я взять твою ношу? Тебе стало бы покладистее, а мы бы быстрее добрались до ратуши, не задерживая нашего ведущего.

Хоть он и сказал это, максимально миролюбиво скосив к ней свое тонколицее холеное по щекам лицо, и даже нарочито располагающее улыбнулся задравшимися усами, гоблинка была верна себе.

– Лады, рыцарь без мечей, и лат. Но поломаешь, поглажу, я ночью обмочу твою подушку, вместе с тобой.

Приняв её вздорное условие, виконт взвалил ношу, и, взяв на себя часть забот гоблинка, взаправду сократив дистанцию, до ратуши, так, как скорость зеленой особы увеличилась. Но не аннулировало её безутешное ворчание...

Перед ними было одно из самых грациозных творений, предоставленных в захолустном Ренкоре. Высокая отвесная по обе стороны крыша с выпущенных слегами ребер на чешуйку однородной багровой черепицы, на фронто-

нах была украшена двумя вырезанными из дерева чудищами, что были зафиксированы на откосе охлупеней, с обеих сторон сопрягающего бревна. Черепица, была безупречна, и сразу было наглядно, о каком здании здесь радеют поборы, в первую очередь, поддерживая заправский вид управы города. Из множественных разбитых окон, сверкали первые глазки янтарных свечей в глухом на изящества городе, а слабые занавеси пропускали мимолетные тени мыкающихся в непрерывной суете прислуг. Выхоложенное лаком крыльцо, к которому вели укладистые ступени, предвещало, что при удачной погоде, городской спесиво осматривает свою вотчину, с веранды, поддерживаемой под выструганными узорами столбами, идущими от передних стен фасада, окаймляющих веранду, вычурой гения столяра. Почти все брусья были отесаны по-своему, и представляли собой определенный расписной мифологический узор, выточенный умелым мастером, и очевидно натурщиком, передающим часть мифа из памяти предков – горгулья, и баньша, была лишь малым следом, павшим на зоркий глаз.

Ведущий десятник с развивающейся и произвольно поднятой от ветра синеватой мантией с алым пошивом, пересекал вязкую жижу под ногами, уже подобрался к широким ставням, у которых стояло, двоя типичный солдат для этого города. Они держали руки, облаченные в тугих перчатках под наручи, на рукоятках, и прижимались спинами к бревнам у стен, не поведя в начале и глазом из прорубов шле-

ма и крытых ртов. Но стоило ватно шагающей Рибе взойти на приветливо тукнувшие ступени, как они тут же пристально принялись обмеривать давящими взорами вытянутый меч, которым она орудовала как старец клюкой. Джоаль скрепя спиной, не привыкшей к взваливаемым на неё тяжестям, так же поднимал сухопарое тельце, всего по двадцати ступеням, которые с мешком более семи килограмм, внезапно стали для него почти не преодолимыми.

Два солдата в черных коттах, с синими плащами и тупоносых сапогах, открыли двери, с расписными очертаниями, и вырубками лепестком обрамляющих рыцарей в барельефах, и впустили их, в образовавшийся просвет. Коротконогая девушка, в наглуую прошла первой, не дожидаясь виконта, а десятник так и вовсе ушел дальше, словно позабыв о взмокшем по дороге Джоале.

Когда стирающий испарину со лба под куафом виконт, пересек проем, и уже издали улавливая гул лопочущих на обертоне разноголосых глоток, очутился внутри, то тотчас, невольно с одухотворением выдохнул. Спуская с усталостью и ломивший камень с сердца.

– Ну, наконец... – проронивши усталость, выдал тот, выпуская пар изо рта, от внезапно спавшего холода с покрывающейся сумерками улицы.

Уже начиная с красочного светлого вестибюля, было множество знатных дам в пышных платьях в оборку, и их кавалеров в камзолах. Неподалеку гнездилась богема, от шутов,

до актеров театра, и поэтов, натужно обвораживающих сердца юных издыхающих под ветрогоном вееров слушательниц. Под блики от проплывающей посуды в руках пажей на филигранных подносах, и света атласных шандалов, и висевший высоко на потолке паникадиле, виконт стал оживленно осматривать, красивые витиеватые сиреневые гардины, обрамленные в багетные рамки картины на зеленоватых стенах в отблескивающую скань, воплощением которых находились прошлые владельцы дома, мечи уложенные веерами по стенам, и, конечно же разногабаритные срубленные головы в виде трофеев расквартированных по стенам, на эллиптических спилах медальонов. Много голов.

Но, даже не смотря на эту колючку в сдобе, какое-то эстетическое удовольствие от вычурного окружения, виконт получил. Особенно от лестницы с искусно выточенными балясинами бортов, что, лоснясь на стену лакированными поручнями, с двух сторон тянулась в покои градоначальника, которые граничили с кабинетами для пленума, и должно быть покоем для семьи градоначальника. Низина застланных изящно сшитыми паттернами ковров в узорчатых сердцевинах поверх половиц, вся была свободна, и негде не было шанса сыскать место для столов, или иной утвари, только настенная, и декор. Казалось, её нет совсем. Но на деле, её в качестве лишнего элемента на широком приеме знати, снесли в пустующие комнаты. Итого места под лестницей хватило всем, вот только посадить за стол, как и в самом столе было

отказано.

Тем не менее, с каждой стороны отзывался раскати-стый смех, и после позвякивали либо кубки, либо фужеры. Уложенные с яркими заколками прически утонченных дам в пышных платьях, стянутых в лифу, то и дело лихорадочно дергались, вкупе с сдавленным корсетом станом, от очередной остроты видного господина в щегольском камзоле с цветами в петлицах, а вино по инерции выплескивалась на пол, отчего в оголенных клочках вне ковра тот был уже изрядно липок и блестел налипшей грязью.

Внезапно подвергнутые экзальтации чада пира гости стали через косые взоры обращать внимание на вошедшего. Вначале они приняли его за графа, ориентируясь на наряд, но, уже вскоре заметя котомку, и согбенную спину, скривив мины, разочарованно посчитали, что он все на всего дорого одетый паж. От такой скорого преобразования его сана, ви-конт, неслабо упал духом, ведь считал, себя все ещё достой-ным высшего общества, и совсем не намеривался, оставаться в стороне, избегая высокопарных речей, и крепких напитков, разделенных с возрастной маркизой.

Он тут же стал рыскать внизу столпотворенных оборок платьев и длинноногих шоссами по полу в поиске Рыбы, но наткнулся только на десятника. Тот, не убирая пальцев с эфеса, пробираясь наперекор увлеченно гоготающей о сво-ем толпе, настиг его и тут же громко, заглушая звоны и осуж-дающей его сдавленный ропот, позвал.

– Сюда, сановник! – он махнул рукой перчаткой к себе.

Джоаль, печалясь, что не сможет распить вино, и приглубить очередную возрастную госпожу, насуплено последовал за солдатом.

Они пересекли ещё нескольких ослепляющих блеском подвесок и диадем слитков общества, пробираясь в даль широкого дома, как если бы их цель была удалиться из этого рассадника щегольства подальше. Прошли всю сгрудившуюся богему, чьи красноречивые поэтические вычуры и отрывки заученных до отскакивающей от зубов декламации ролей, оставались позади, слабым бляением в общей какофонии, не пресекаемого лепета. Наконец они минуя столпотворение вышли так далеко от всякого щелка и роскоши, что свет стал точно украденный гаснуть в охватывающую сень, а слабый фужер взятый десятником освещал среди охватившего мрака дорогу только путеводному ведущему, и гнувшейся от бремени раззадоренный неясностью Джоаль уже начинал проигрывать ситуацию, насколько зеленокожая особа, принципиальна, в своих обетах. Как тут же он вдруг спросил, и по привычке громко, так как все ещё не отвык от гула кутежа, осевшего в ушах.

– Где гоблинша?

– Тут балда, – слышалось впотьмах у его ноги, и он тут же ощутил слабый удар по голени, твердым предметом, предположительно ребром меча в ножнах. Он проигнорировал вольность, хоть и был слегка оскорблен таким непрерыв-

ным вызовом, а место удара ещё какое-то время горячо пульсировало.

Мимо них гордились сложенные в друг друга стулья; перевернутые столы, упертые к завешанным шторами окнам; и даже крупноватые окованные рундуки, которые казалось, сколотили из всех комнат в одной крупном мрачной точке дома. Так они и торили в полумраке отклика гаснущего заката, пока урвавшийся вперед десятник, не остановился в тупике, уткнув в него спасительную пред крепнувшим морозом свечу.

На деле это была дверь, и в какую-то коморку. Постучав по ней тыльной стороной кулака два раза, с паузой, и третьим замыкающими, он будто соблюдал условности, и дверца как уваженная вниманием поддалась. Чарами или нет, не ясно.

В щели разверзнувшегося проема забрезжил яркий выбившийся из неволившего закутка свет, и десятник, отходя с окаймившего зарева, сошедшего с привязи, шепотом проговорил им из поглотившей его тени, – Сюда.

Оба не особо разбираясь с порядками, фигурально пожав плечами, зашли напрямки свету. Окунувшись в новое светлое укромное место, перед ними предстал уютный кабинет кельи, с подпирающими по бокам высокими книжными шкафами по бокам стола, застилавшими и окна, делающие взлобье столь приметным. За небольшим стертым столом на манер конторке застланным стружкой пергамента свит-

ков, и ветхими манускриптами, подсвеченными несколькими развешенными как иглы лучинами, кропотливо не отрываясь от протяжного растянутого по скату столешницы свитка, корпев, свисал широкий мужчина, с моноклем в левом глазу, и бурой власяницей, подпоясанной плетью, коя из-за выпирающего водяночного живота, была округлой и надрывно натянутой. Мужчина носил густую бороду, и слабый нарост ворса седеющих волос, на круглой голове, что был убран за макушку. У него был увлечённый взгляд собранных в кучу глаз, через свисающий монокль, и его грубые черты лица, не открывались от кропотливой работы над обветшалыми свитками, ещё некоторое время. Все же, нехотя заметя вошедших, он сделал жестом десятнику, указав открытой крепкой ладонью в их сторону, свидетельствуя на явное нежелание видеться с кем либо, особенно с такими.

– Барон, как вы и просили, неизвестных, с тремя солдатами, и оруженосцем. И... – он замялся, с тем чтобы отрапортовать, кем является Роба, и та строптиво заявила сама.

– Я не отдала меч, твоему воротиле, и он погнал меня сюда.

Барон свел реденькие брови, и показал иным более резким мановением, что десятник может подождать снаружи – тот откланявшись молча выдворился. Они остались втроем. Несколько стульев из витков дерева, что были в помещения, сложены в друг друга, на беду себе ожидали их, и под ещё одним неммым воздействием барона, Джоаль неясно от-

чего, покорившись разложил оба, подставив один для Рыбы, другой соответственно под себя. Сбросив котомку, как можно бережнее, он, едва не рухнув, уселся разминая затекшую спину, и сквозь временно обуздавшую гримасу наблюдал, неуклюжую попытку, усесться низкорослой девице, которая все же вопреки курьезу справилась и, держа полуторный меч на коленях, тоже, как и барон, начала пучить полностью синие глаза.

– Кто таков? – спокойно, но властно требовал широкий мужчина, откинувшись в кресле, пока его возросшая тень нависла на полках, меж которых стояли склянки чернил, мелкие выточенные из древесины бюсты, и различные клыки, и черепа мелких хищников.

– Джоаль, сын Кармаля. Виконт королевы Майзы.

Удовлетворённый отмоченным наскоро ответом, он почтенно кивнул, и перевел тяжелый взгляд на Рыбу. Она ему явно была не по душе, хотя явно кривить брылами на неё он не повадился.

– Твоя слуга? – с сомнением указал он задирианием заросшего подбородка, пока вынимал монокль, и убрал его в нагрудный карман, что крылся ворсистой власяницей.

– Нет. Она принадлежит другому человеку. Хозяину меча, – заточено ответил Джоаль, и заметил, как было отворившейся рот Рыбы закрывается, хлопнув подперев клыки, вместе с её несформированным ответом. Может и к лучшему.

– Где он? – все требовательные запросы этого челове-

ка были лишены обиняков, идя напрямую, и с изучающим взглядом на румянном лице, под отсветы змеившейся потоком от лучин, отблескивающих в его не разборчивых сощуренных голубоватых зеницах.

– Он отошел. Обещал появиться на рассвете, – вновь перехватил слово виконт.

– А твое слово? – перевел Барон свой томный взгляд на, казалось, невзрачную для него, остроухую, круглолицую и хмурую зеленокожую девушку.

– Он проведывает девиц, коим надобно уплатить за ночь с собой, – будто с грызущей обидой себе под сморщенный курносый нос произнесла она. Барон же лишь кивнул.

– Имя, твоего хозяина? – опять напрямую разузнавал он. Ему будто было ведомо умение выводить каждого на чистую воду, отчего под таким напором, язык сам собой разлетался.

– Хозяина кличут... Клайдом Безродным, – довольно спокойно провещала она, отводя несколько сконфуженный взгляд, и зря. Барон буквально влился в багряную краску, широко расширяя веки, отчего Джоаль с сосущим под ложечкой ощущением, не в пример испугался, что он стал подельником, опасного бандита, за которым охотиться местная управа.

– Клайд? – надсадно выпало из него, с рокочущим басом. – Следопыт?

– Угу... – несвойственно себе, опасно уронила она, подоткнув веки и опустив бордовые брови, как если бы усо-

мнилась, в необходимости разглашения таких фактов.

– Так чего мы здесь прозябаем? – внезапно просиял тот. Выпрямившись во весь дюжий рост, барон казалось, пробьет закопченный потолок, но вместо этого покрыв их своей коренастой тенью, он представился, – Барон Нуйд Гум, к вашим услугам, созывает вас на пир. По случаю, нахождения друзей прослывшего в наших краях легенды. За это определенно надлежало дёрнуть чего покрепче.

У побелевшего до полотна Джоаля спал с души камень. Ну, уже скоро он пожалел об этом, так как отвязаться от Борона было ещё тем геморроем.

11.

В просторной полу мрачной комнате, с обступившими бревенчатыми законопаченными стенами, посередине, прижатая изголовьем к стене, стояла широкая двухместная кровать с включенными простынями на ворсовой соломенной постилке промурыженного за ночь тюфяка. Лежащее на них, предавались блаженной истоме отдыха, под квелые отсветы растаявших огарков свечей на комод, что тянувшимися бликами от легкого ветра, беспардонно захаживающего и сквозившего из-за порога, игрались на янтарном потолке меж теней лакированных брусьев. Взмокшая для глянцево-фарфоровой кожи полуэльфийка потянула на себя, тонкое одеяло, но уравновесивший дыхание Клайд, подоткнув-

ший изголовье спиной, не спешил его отдавать, игриво вполсилы придерживая край. Она видела в полутьме его по-своему мерзкую, а по-своему и обаятельную ухмылку растянувшейся на каменном лице, отчего временно отступила, оставшись оголенной, оттого свернувшись калачиков, подластилась под его плечо.

– Если я застужусь, я скоплю денегат на наемника, и велю тому содрать с тебя кожу, – глядела она на него снизу, своими изумрудными глазами, всецело покрываясь мурашками, в позе дрожащего эмбриона.

– Убедительно, – холодно бесцветно ответил он, слабо протрезвевшим голосом, и накрыл её. Сам при этом, неизменно упираясь нагой спиной в изголовье, не переставая, вперившись перед собой, на пустую волнистую стену, разделенную клочками втиснутого мха, и примечая хождения под дверью, отчего колебалась желтая полоса света.

Получив львиную долю ласки, она победно укутала плечи, оставляя тоненькие стопы вне покрывала, и в тусклом освещении пытливо рассматривала его оставшуюся не удел поджарую грудь, порабощённую стынувшей под бусинами пота новыми излияниями поработивших без живого места царства шрамов. С прошлого раза, её приглянулся тот, который казалось, имел форму трех конечной звездочки, на месте сердца, где рубцовая кожа была как не своя.

– Расскажи про этот, – мягко почти пропев, ткнула она ногтем его в грудь, и когда он томно опустил взгляд, она по-

вела пальцев выше, задев его прямой нос. Он сконфуженно смигнул, аляповато скривив выдавшее виды скуластое лицо, отчего она невольно пролилась смехом, и её золотистая челка спала на точенное лицо.

– Не располагаю желанием. Навеивает не самые радужные воспоминания, – хмуро огрызнулся он, пока та, убирая челку за маленько вытянутые уши, разочарованно выперла тонкую губу, втянув крылья хмыкнув маленьким носиком.

– Нешто, хотя бы про кольцо? – она повела по его точно собранному из лоскутов правому предплечью, где ниже к кисти на безымянном пальце, крепко прижато к коже, разместилась серебряная расписная оправа ореола кольца, с гагатовым эллиптическим камнем в сердцевине от которого будто отражался ночной небосвод, занесенный в несчетную плеяду звезд, в их непроницаемой улице уютной алькове.

Клайд небрежно поднял руку на свет, и как обычно бездумно посмотрел на брошь.

– Я с отроду не ведал, откуда оно взялось. Но стянуть его я не могу, по сей день, – угрюмо заметил он не совсем отпустивший хмеле, отчего его язык и был таким бескостным, а заарканенная словами, девушка высунула из спадающего каскадом по покатым плечам одеялом, тонкие пальцы и взялась за него.

Её усилия показалась вначале смехотворными, затем её взял пленявший азарт, и та, привстав, уперев колени, протянув голенастые ноги, в хрустевшую подстилку из соло-

мы, начала более уверенно дергать за кольцо. А сам Клайд, хоть и был спокоен к её рвениям, не отрывался от подергивающихся вызволенных на показ мелких грудок девушке, перечёркнутых шрамом на ключицах, и чьи утонченные черты сухопарого лица, переданные от эльфов, покрывались складками упорства и прорезавшимися индиговыми жилами. В каком-то смысле его это тешило, но вида он не подал.

– Не выйдет, – лишь бесстрастно на её потуги обмолвился он, когда она, уже осерчав без меры, готова была впиться зубами в делающую вызов её самолюбию брошь. Перестав силиться, она, зардевшись впавшими щеками, разочарованно выпустила его палец, и словно обрушаясь, улеглась на тонкую взмокшую от усилия спину, взмывая в свободный полет пыль и тельца микроскопических клопов, обиженно скрестив тонкие как ветки руки на плоской помеченной рубцом груди, забыв накрыть подогретую возмущением плоть. На её точеном лице читалось обуявшее недовольство, похожее на признак чести, что подлинно позабавило Клайда.

– А тебе гляжу, немедля стало весело? – желчно скривив почти бесцветные брови, припомнила она начало их ночи, и как она преодолела стойкий запах перегара, побудив его справиться замазанные до последней нитки сохнувшей грязью, вещи в стирку.

Клайд чуточку смягчил прорезавшиеся эмоции, и показал, что казуальное наваждение жизни сошло на нет.

– Мне пригрезилось, что у куртизанки, был на лице налет

принципиальности, вместо привычного... Стыда.

Она поняла его намек, без полуслова, и решилась ответить в полной мере. Перед этим она натянула ткань, по рюмку шеи, и следопыт остался почти без спасительного укрытия.

– С тобой мне не совестно. Тобой быть стыдно. Ни разговоров, ни полноценных ласк – ничего. Заходишь, платишь и уходишь. А ещё всегда водишь по ланитам, будто они тебе милее всего остального, – пылко костила она, отводя душу, видя его абстрактный витавший поодаль взгляд, и прыснула напоследок. – Кого ты представляешь, когда ты со мной? – она ожидала, его обычного отбрехивания, но внезапно, он туго выдохнул, и, чмокнув обветренной губой, выдал желаемый ей ответ.

– Ты права Зибилла. Можешь взять с меня десятину, за занудство. А в тебе я вижу, девушку, которую я больше не смогу видеть. Ты на неё похожа, как и все полуэльфийки.

– Она ей была? – остывши клокодавшей желчью, более располагающе, поинтересовалась та, сверкнув изумрудными очами, даже сняв напряжение голоса, и натяжения ткани. Она быстро остывала.

– Отнюдь. Просто была красивой блондой, с Ганийских земель. Не как эльфы, а как нечто среднее. Как ты...

Он оборванно смолк. Зибилла поднялась, и попыталась его обнять, видя печаль в его серых ртутных глазах, но он дернулся, и та даже невольно усмехнулась краешками острых уст.

– Ты тверд в увереньях, что тебе ещё есть чему смущаться, передо мной?

– Мне не нужна жалость, – слегка сердито отозвался он, напустив брови домиком, и лавиной скатился затылком к мягкой подушке, пропустив спутанные волосы по стене, и с легкими узорами гравировки скани цветов с шипастыми лепестками на спинки барельефа кровати.

– А мне бы удостовериться, что у тебя деньжата водятся, и сшибай меня дальше. В прошлый раз...

– Имеются... – тупо и бесцветно ответил он, перебив ненужные слова, будто стараясь успокоить скорее себя. Вышло не важно.

– Новая работа?

– Вроде того.

– Достойно заплатили, учитывая, что ты обязывался отстегнуть мне двести? – подхватила та, лукавя как можно.

– Хватит с горкой на пять дней вперед, – откликнулся он, и тут же повернулся набок, спиной к ней высвечивая ещё с дюжину разно размерных шрамов, поперечных и продольных среди бессчётных рубцов, захвативших все, что можно считать кожей.

– Хочешь, я обниму тебя? Безжалостно. Ежели сочувствие тебе не надобно? – она села, скрючив свою изящную спину, и посмотрела на косо кренившуюся свечу с комода, которая окончательно догорала своим пеньком огарка.

– Не откажусь, – в стену напротив отозвался Клайд. Там

в тусклом отсвете была картина, очерчивающая в рамке, великана, торившего путь застилавшей обзор порошившей метели, и следопыт муторно начал вспоминать детство.

Зибилла задула последнею затухающую свечу отдав их на волю набежавшего мрака, и плотски прижалась к его испещренной зарубками спине, попутно подоткнув себя и его более теплым ворсовым одеялом. Её тонкая рука, обхватив его впалый живот, изрубленный в корневищах рубцов. В кромешном мраке, теплым порывом воздуха, она принялась воркующее шептать ему в ухо.

– Ты её любишь? – вкрадчивый вопрос вызвал по его телу холодный озноб цыпок, и он немо не ответил. Иного для подтверждения истины, лишних слов и не требовалось, достаточно лишь почувствовать гусиную кожу на теле, или легкое подергивания глаза, или глотания наболевшего комка в горле.

Но он тоже решил не обойтись без каверзного вопроса.

– Сколько тебе? – он впервые поинтересовался её персональной жизнью. Невидаль для его нрава.

– Сто девяносто шесть зим, – весьма спокойно и без обиняков повинулась она.

– Смотришься на тридцать...

Не смотря, на большой сброс, она все же напряглась, так как воочию ведала жен весняков, которым было за тридцать. Она шепнула его за мягкий зад на почти тщедушном теле, и тихо с игривым укором вымолвила в полной овладевшей

их миром темнотой.

– Эх, Клайд, комплемента от тебя, не дождёшься, как и ре-бенка от полуэльфа.

– А ты хочешь? С твоим то промыслом?

– Я за бытие многое повидала, и вновь бы занялась чем-то иным, было бы для кого... – угрюмо заметила она, и на этом их короткая беседа в теплых объятиях, и окутанной тьме помещении, подошла к разумному завершению, так как Клайд, устал и провалился в мир грез о ней...

Барон, резко смахнувший личину сурового властителя, так же быстро и безжалостно сорвал с себя власяницу, как если бы она салфеткой у ворота, а под ней всплыл украшенный золотистыми полосами и пуговицами, зеленый камзол, которых хоть и был, растянут на волю обрюзгшего живота, не терял обаяния, особенно супротив, почти рясы монаха, подоткнутого веревкой. Он быстро выбирался за границы письменного стола, и собрав всю волю в дюжий кулак протянул Рибе свою крупную ладонь.

Та, особливо приподнимая свою бордовую бровь, вскоре приняла от него жест доброй воли, и покуда два его пальца, сжимали её четыре, он не мог сдержать вырвавшейся улыбки, постепенно растворяющею, предыдущее смиренное лицо.

– Как же я уважен, одним шансом прикоснуться, к чему-то связанным с досточтимым следопытом Клайдом...

Нет не одной захудалой таверны, где заколачивающий себе чеканку менестрель не слагал быль, о минувшей битве при Антуре.

Гоблинка, подоткнув зеленые уста под клыки, снисходительно кивнула на его лесть, адресованную её хозяйину, и вскоре раззадоренный авантажем, он пригласительным жестом повел её прочь из коморки, которая в тусклых тонах, напоминала прибежище отшельника. Про осунувшегося от такой перемены настроений Джоалья казалось, забыли оба. И тот едва вырванный из обескураживающего беспмятства, подняв звонкую ношу, нагоняя проследовал за ними, дабы хотя бы формально не отказываться от исконного плана.

Меж сваленных стульев и столов во внезапно набежавшей сумеречной темени, кряжистый барон, в своем новом аутентичном для своего сана облачении, загоревшейся нежданным знакомством вел низкорослую Рыбу в сторону отголосками доносившегося до них чада пира, попутно честолюбиво расхваливая себя.

– Тут дело скорее практичности. Ни душа не припоминает меня в одеяние монаха, покамест я чахну над скрижалями о великих битвах. Ну и тем паче, о похождениях воспетых героев, точь как ваш легендарный хозяин.

Хоть Джоаль не видел в затопившей всякий просвет тьме, но по нависшей тишине, простершейся между ними, и гуле издалека, все же понял. Ей не особо пришлось по нраву ак-

цент на своем хозяине, и она бы предпочла скорее молчаливо соглашаться, нежели ворошить байки, к которым может и не относиться.

– Да где же там, наш виконт? – внезапно как о заначке в кормане припомнивший о нем Нуйд Гум, обернулся, и, получив приблизительную расплывчатую тень позади, в отрывистых вспыхивающих отсветах звезд через брешь в застланных шторах, и тотчас полностью утратил интерес, вернувшись к коротконогой зародившей пленительную страсть спутнице, по левую руку.

Они свернули на право к изливающемуся златом свету, и вся на обертоне гудящая орава, сгрудившаяся в единый пласт знати на первой этажа, с радостными возгласами приветствовали хозяина поднятым воем, и, в довесок чувствуя его спутницу, но, ещё не доходя, Джоаль услышал обрывистую фразу.

– А это дамы и господа, Рибба, она...

Все разом как в воду опущенные смолкли, включая екнувшего и сбившегося барона, и выбравшейся из тени Джоаль с якорем гнувшей сумкой через плечо, воочию увидел свыкающимися с ярким залом зеницами, что побледневший до полотна Нкйд сжимает указательный палец во рту, а на Риббу ополчились почти все, хоть и корящими полными яда взглядами. Осекавшийся барон с последующей опустившейся тишиной, что можно было резать, чмокнув, только высунул укушенный палец, когда заметил его, и он слегка

просиял, минуя набирающей волю бесноватый вид.

– Впрочем, самый вещий гость, это... – он опять не успел договорить, так как Джоаль подал голос сам.

– Это – вестник из королевства, спешивший известить вас достопочтенные подданные, что – принц Симал жениться! – все сначала окончательно сбились с толку не нашедшие, что молвить с прошлой эскапада сделавших их языки деревянными. А после, одушевившись из пучины исступлённости, истово задрали бокалы, и принялись в три горла чествовать принца Симала, даже не удосужившись узнать имя невесты, и вероятность успешности спонтанного брака. В таких вопросах сея мелочь неглавная.

Спустивший сведанные мышцы округлого лица, Барон, напустив себе присутствие духа, в надлежавший форме почеломкался с несколькими гостями, которых до этого, по видимому, избегал в своем гордом одиночестве читабельной коморки. После соблюдения прелюдий он смахнув вновь нахлобученную показную мину, вернулся к ним. Риба все так же хмуро стояла снизу, с полуторным мечом, которых многих смущал, но она вцепилась в него мертвой хваткой осемью пальцев, уперев в круглую щеку, и на отрез не собиралась отпускать, воткнув его конец в пол. А длинный обвитый кожей черен с вершиной красочного эфеса, держа перед носом, задевая гардой сновавшего течением бока фалд, и оборку платьев.

Нуйд Гум, вернулся из пут светского общества, подо-

звон и Джоалья, который успел уже столкнуться бокалами с очень развеселым седовласым испитым вельможей, без капли мышц, чьи скулы под впавшими щеками могли рубить лед. Оторвав их обоих из запруды щеголей, барон молча повел их повыше к медальонам с головами, оцепенело скалящих пасти. И на устремляющейся ввысь лестнице с деревянной балюстрадой, возвышающей лакированные поручни, они пересеклись с его женой, которая властно встала у самых перил. Догадаться, что сей была она, не имелось признаком прозорливого предсказателя.

Возрастная женщина была пышной, но весьма приятной на вид. Казалась, она умело сочетает, в себе и умеренный макияж в гериатрических целях, и молодящее синеватое платье с минимальными белыми кружевами, чтобы не увеличивать формы, а её слегка кругловатые мясистые щеки, были украшены небольшой долей румянца марафета (или действием вина). Широкая уложенная ввысь прическа под широким лоснящемся челом, сочетала несколько серебряных гребней, и в рыжих курчавых локонах то и дело, можно было заметить черты обработанного розоватого кварца, в виде частей украшений, как и в снизки на шею.

Заострив вид на мужа, что опять стремился слинять, но уже в более официальный кабинет, она, уперев пухлые руки в бока наминального корсета, тут же подметила.

– Из чулана на пир. С пира вспять в четыре стены? – её корящий голос все же был мягким для того который боролся

с душным гамом, но очевидно если её разозлить, он тут же мимикрирует в пискливый фальцет.

– У меня важные гости родная. Смилуйся, и пропусти. Я скоро приспею. Они не задержаться, – успокоительно через гам, вкрадчиво просительно проговорил тот с легким басом.

Хозяйка города, доискивающимися бледными очами, обмеряющее осмотрела гнувшего спину виконта, и тут же перебросив чуткость, заметила зеленую приземистую особу, и тут же приосанившись, припомнила все злокозненные слухи о гоблинах нависшее в городах.

– Стало быть, ты вознамерился променять торжества, на утехы с этой мелочью? – она брезгливо ткнула кривым пальцем в перстнях, в сторону уже постепенно озлобляющейся Рыбы. – А он что? – уже перевела она не палец, а целую пухленькую маленькую длань, на повинно сжавшегося Джоалья, подернув круглой щекой. – Лицезреть будет, иль он твой сводник и дрожит за товар?

Но Нуид, не успел ответить, как хотел (нейтрально и с попыткой её задобрить).

– Сии слухи выросли, из-за вашего бессилия в удовлетворении мужчин. Завистливые кошелки! – вытаращивший очи Джоаль почувствовал, что его челюсть норовит отвалиться. Жена городничего с сошедшем лицом растерялась настолько, что твердь под ней тереться, отступила. Нуид, воспользовавшись ситуацией, подавив разгорающейся гнев, пройдя вперед, понурившись, резко указал чете, уголок по коридо-

ру, а сам, взяв жену за опавшие плечи, старался смягчить её нависшую бледность, да сведенную челюсть, что фантомно произносила слова, онемевшим языком с остеклёнными бесцветными застывшими вылупленными глазами.

Забравшись в не затворённый широкий кабинет, в котором царил бы крошечный мрак, если бы не проблески звезд через слегка зашторенное оконце, очнувшийся виконт, тотчас наравился мягко упрекнуть вздорную девушку, от которой в четырех стенах вновь занесло пряным бадьяном.

– Не очень-то благоразумно дерзить жене городничего. Ежели ты, вестимо, не скрытая почитательница гильотины, или раскаленных щипцов, вырывающих твою грудь.

Та, теряясь где-то в тени лишь фыркнула, и дождалась Нуйда в гордом за себя молчании. Кабинет был просторен, и на стене от стола, через скос просвета назревающей багряной радиации была видна подсвеченный подол портрета, судя по шоссам с остроносими ботами, и скипетру – короля. Не успев рассмотреть книжный шкаф, дверь отворилась, и с ней вошел и проблеск золотого света с пригоршней гомона веселившейся своры снизу, вместе с шандалом в крупных руках барона.

– У меня есть одна просьба Рибба, – с ходу сухо начал, он, и, притворив дверь задушив обертона, замер на месте, покуда слабые огни, подсвечивали его округлое сведенное лицо, в котором читалась усилием подавляемая ярость.

– Я догадываюсь какая, – вполсилы просипела она, а крас-

ная копна в такт её клюнувшей головы, подпрыгнула и опала каскадом к мыскам сапожек.

– И тем не менее. Более ни цапай меня при всех за пальцы. Это портит мое реноме, если я бездействую на такую открытую дерзновенность. А здесь такое не в почете, – он сказал все, что хотел и прошел вперед, поджигая свечи, что были хаотично разбросаны по комнате. По пути он мельком дошел до мрака стены и прикрыл створки киота, поцеловав косой темно-бордовый крест на шее. И пока пространство насыщалось светом, Роба с которой не спала повинная мина при вхождении Барона, держа меч из последних сил, решила мягко переспросить.

– Это то самое, что вы помышляли провещать? – её голос звучал, все так же хрипловато, но и растерянно, вместе с ввалившимися ямками на подкушенных щеках, и опустившимися как при штиле паруса ушами.

– А тебе невтерпеж жаждется иных претензий? – источая сердитый тон, искоса уточнил он через плечо, поджигая последнюю свечу на полке, возле сокрытого полумраком портрета.

Она, закусив губу под клыки, не решилась отвечать, напустив на себя, как привиделось виконту обескровленную фишашковую краску кожи. И когда Нуйд, закончил все обособленные дела, он грузно уселся за стул, возле стола, в обступившем освещении дюжины свечей, и ещё раз повинно покосил на сокрытый настенный киот с вязью витков скани. Он

науплено, погруженный в мысли, не предложил им сесть.

– Я тут мнил, мы посидим и посмакуем байки, но Рибе очевидно любо, нечто иное, – с небольшим призрением ско-сил на неё грозные голубоватые глаза барон. – Отчего я переведу вопрос к вам виконт. Прощу, прощения забыл, как вас там... – это звучало более искреннее вне стравленной желчи, и, спустив котомку, он задорно ответил.

– Джоаль, сударь.

– Отлично. Так вот, если соизволите сесть, то прошу, – он, спустив реденькие брови, в полумраке указал на стул впереди себя. Поруганная гоблинка осталась стоять, отвлеченно рассматривая красное зарево восходящей ради, что особенно удачно отвратила её угнетенный вид.

– И так, – мягче продолжил барон, – вы известили мне кто вы. Но вот на кой вам солдаты и куда вы устремляетесь, смолчали. Для меня, весьма значимы такие нюансы, так как пост обязывает уточнять такие мелочи, дабы они не народились в общий холст моего безразличия.

Он закончил перебирать брылами, и вместо того, чтобы ждать ответа, передвинул недовольный взгляд на отвлеченную Рибу, а затем на указательный палец правой кисти, у которого явственно зиял фиолетовый ореол, кровоподтёка от зубов. Рибя знала, когда хотела обозначить, а когда прокусить, и её острые клыки остались вне претензий Нуйда.

– Я направляюсь в Лирру, – лаконично и обрывчито отстегнул виконт, чувствуя казуально проносящуюся дрожь у под-

жилок, от общей неловкости – допроса...

– Это твоя цель бытия, или если порыть, сыщется более неотложная причина? – уже более сердито отозвался тот под огни свечей, ошетилив грубые черты сведенного лица.

– Увы, мне невмочь, поведать вам паче. Государственная тайна, – глупо развел руками Джоаль в бордовых манжетах с желтой полосой тесьмы, как тут же на стол обрушалась ладонь Барона. От силы удара и грохота, встрепенувшаяся как игла Рыба, оробев выронила меч, что звоном гарды отозвался на все пространство покоев.

– А я есмь кто, ежели не представитель государства?! – Джоаль думал утрашиться в сердцах пробасившему верзиле, но тут он как бойко протрезвел, и не от вина, которого он принял лишь пинту. Нет, он понял границу своей власти, и наконец помянул, как к нему относились в замке.

– Вы мой благоверный, безусловно часть государства. Но я племянник королевы, а не захудалый посол или мозгляк гонец. Посему аль я говорю государственная тайна, следственно, она ей остаётся. Попрошу пристать конкретнее или я уйду. Напоминаю, у меня поручение короля, а не графа, или вздорной дочки барона, со страстным письмом полюбившегося рыцарю.

Барон, несмотря на мгновение близкое к тому, чтобы сорваться с места и придушить виконта своими кряжестыми руками, быстро остыл, и даже прородился на язвительную улыбку.

– Хорошо стелешь, да ещё так помпезно. Вот токмо я все же тебя о кое-чем попрошу.

– Слушаю? – с мнительным репеем за заколовшую шею озадаченно произнес виконт, который от фраппирующей улыбки борона, растерял уверенность.

– Тут встала такая дилемма. Я неожиданно-негаданно уразумел, что тебя никто здесь в глаза не кто не знает, а стало подтвердить твою августейшую особу, не может. Как ты намерен обосновать мне, что ты подлинный исполнитель воли короля? Вовсе не статус виконта меня гложет, это рефрен другого толка. Где шанс, что ты не шпик востока, кой прибыл сюда для диверсии?

Выслушав все вываленные на голову наветы, Джоаль было растерялся до потери краски холеных щек, роняя усы к подбородку, но тут же собрался, и уколом в память изыскал нить о самом дорогом, что у него обретается, и что он хранил у сердца. Робко доставая свиток пергаментной бумаги, он вмиг неприятно обескуражил барона, который тут же ухватился за уложенные волосы, что растрепались ворсом при касании.

Печать на застывшем сургуче, не могла его провести и при таком неявном освещении. Перст Сибульта, ему забыть было невмочь, так как распоряжение, и сборы с земель приходили со свитков, на которых был брат близнец этого воска и вдавленной в него метке печатки – Пронзенный череп, с гардой.

Барон чьи глаза, было полезли на лоб, а уста задергались

ветрогоном судороге мотая бороду, привстал на трясшихся поджилках и в силу гибкости спины почтенно откланялся.

– Право, сердечно прошу помиловать мою заносчивую глупость... Рассчитываю, что данное малодушие не понесло урона, вашей достопочтенной персоне, и благотворной миссии в целом. Нижайше прошу о снисхождении к моей поспешной осторожности, – он казалось, толком не переменялся, однако его лицо, осунувшись, сузилось, а глазницам были недалеки, дабы выпасть глазным яблокам прочь из орбит.

Джоаль так устал от его перепадов его непостоянного характера, что просто брезгливо махнул рукой на притворную куртуазность.

– Будем. Мне приелись ваши перескоки. Я уйду...

Он привстал, и деловито подхватил набившую оскомину сумку, схватив попутно взгляд особливо притаенной с боку Рыбы, полный толи гордости, а может и уважения.

– Прошу, повремените! У нас здесь сыщутся покои для почтенных гостей из столицы. Молю, дайте мне отпить свою поспешность, выказав вам достойный прием, – он был так жалок, что виконт даже испытал отвращение, к подобострастию такого рослого и могучего телом целого городничего.

– Извольте не унижаться. Мы уходим в гостиницу. А завтра с утра мы покинем ваш город. Буду уповать, новых зазвездок не возникнет? – попутно спросил он, с давящим на того взором, в тени свечей и желтеющей половины ради.

– Нет, помилуйте, что вы. Я даже...

– Благо демиургу. Большое спасибо, – перебил его виконт, явно не выражая благодарности. – Идем Риба.

Подхватив с пола меч, она хвостиком проследовала за ним, оставив Нуйда в неловком положении у свеч, и вставшей в бледнеющем положении наползающей ради, лоснящемся на кромку стола, где возлежали его взмокшие пальцы, вцепившиеся в дерево.

Когда скрипнувшая дверца в покои открылась, и Гайт в свете сиротливой разгоняющей полумрак свечи на ближайшей тумбе, увидел очертания своего – *Сира*, и впадающую тень острых ушей низкорослой спутнице, он, ещё сидел, упредев спину на кромку изголовья, но уже вскоре расторопно подпрыгнул, и метнулся к ним босиком, в одной камизе.

– Вас не было так долго, я зачал мыслить вы в беде! – он не сдерживался, и его рябое лицо, пылало, как рыжая и копна на голове, стирая крапинки.

Риба молча часто перестукивая подошвами, устало перевалилась до дальней кровати с широкими бурыми деревянными бортами с вырезанными посередине лианами, у бревенчатой на совесть законопаченной стены, броско сбросив одеяло, прыгнула на её мягкую подстилку опробовав мочи тюфяка, положив ножны обвязанные портупеей в ногах.

Пока Гайт расспрашивал Джоаяля о происходящем, тот заметил, что Риба готовится ко сну и тут же прервал тираду вопросов оруженосца, выставив перед его, не смыкающимся

ртом палец.

– Обожди тощий. Лучше для начала сообщи Калибу и другим о нашем прибытии, чтобы спали спокойно. Затем если у меня хватит сил, я поведаю тебе наш короткий и безвкусный разговор с бароном Нуйдом. – затем у него в животе страдательно пробурчало, и он помянул, что, питаясь исключительно впечатлениями, почти нечего не ел с утра, довольствуясь крохами. – И сыщи чего-нибудь пожамкать. Знаю, у тебя снедь припасена.

Тот, учтиво кивнув, не помня себя, стуча пятками выбежал без лишних уточнений, не притворив за собой дверь, а, Джоаль под одинокую свечу, и просвет, из пробивавшей себе путь дверного проема, сбросив давивший на лоб и взмокший затылок куаф, решил украдкой уточнить.

– Мне выйти, дабы ты переделась в интимной обстановке?

Риба кривя курносый нос, сбросила сапоги на половицы, сидя на борту, показывая свои крохотные стопы и четыре пальца свисающих с высокого для неё борта в сторону пола, а её ворсистые драпированные брюки уже были спущены до затертые зеленые колени, когда она раскусила суть вопроса, под полузадранными бровями.

– И ты что же то, изволишь водвориться, покамест я тут расчехляю своё не шибко привлекательное тельце? – она сузила веки, и глянцева от огонька свечи сапфировая полоса ещё долго не сходила с виконта, а её штаны так и остава-

лись полупущенными, показывая белесые панталоны.

– Если ты восхочешь, – растягивая пуговицу, окаймленного манжета уверяющее галантно отозвался Джоаль.

Мнительной Рибе понадобилось каких-то пять секунд, дабы насытиться небольшой искушающей долей власти.

– Не-а. Мне плевать, – она окончательно спустила брюки, и почти абсолютно нагая (если бы не шаровары на бедрах) забралась под широченное одеяло, переложив меч у стены, к которой и повернулась. Её правое ухо с серьгами торчала как флагшток с тиной червлёной копны, и она как маленький бугорок, невзрачно лежала, не подавая вида жизни.

Виконт, аналогично улегся, и тут же машинально проговорил.

– Мирной ночи Риба.

Спустя какое-то время, он услышал короткий скабрезный ответ.

– Все что попробуешь в меня пихнуть – откушу.

Закатив глаза, он отвернулся, и, подавив вспыхнувшую злость, почти тут же отдался сну, не дождавшись вестей и снеди.

10.

Клайд пробудился раньше Зибилы, и та поняла это не сразу. Она была укрыта, и как ни странно, чувствовала себя отлично. По-летнему занимающаяся анемая лучезарно брез-

жила, через небольшое разорённое от штор окно, и приятный протиснувшийся зной легкими покусываниями касался её утонченного сухощавого лица. Безродный одевал свои затертые каучуковые сапоги, и черную потрепанную куртку, которую было жизненно необходимо отмыть, от въевшейся сухой грязи, которая потрескалась, и отшелушившаяся стелилась на досках пола отлупливающейся скорлупой. Но он казалось, не замечал её. Так же она заметила, что его волосы, которые она раньше принимала за цвет воронёного крыла, были не в тон его одежде, и даже поблескивали от света.

– Не знала, что ты светлый шатен... хотя нет, ты русый, – сонно отозвалась она, жмурясь и потягиваясь субтильным телом.

Нацепив перевязь без меча, он, стоя к ней исполосованным рубцами открытым от рубахи боком спокойно ответил, по мере сил.

– Я тоже.

– Ты помыл ради меня голову? – она знала, что это не так, но хотела убедиться, теща себя кроткой грезой, неким поистине нелюбимой девушке. Жалкое и печальное зрелище.

– Ну, можно и так сказать, – развел он, руками нахлобучивая преподнесенные стираные вещи, скрывая испещренное сухопарое тело. Она присела, подобрав под себя тщедушные бедра, откинув покрывало, и посмотрела на него с подозрением, сощуриив изумрудно поблескивающие под человеческий разрез веки.

– Значит, до этого ты догадался, а рот вымыть, нет?

Клайд дыхнул на ладонь и втянул, широко растворяя крылья носа, оседающие миазмы. Скривив до неузнаваемости скуластое лицо, он понял её намек, и, кивнув насупив уста, разразился сухим откровением.

– Ну... так-то я пытался протрезветь, чтобы выбить пару монет...

– У кого? – подпирая коленями более заметно носившую пересекающий алый рубец плоскую грудь, заломила та, поправляя подсвеченную челку с нечеловеческих глаз.

– Об этом я тогда не размышлял, – опять, выдав показное раскаивание, Безродный свыкаясь с постиранными и накрахмаленными штанами, принялся отходить к выходу, подскрепучие отклики половиц.

– Вот так просто? – на ходу требовательно спросила Зибила, тяжелевшем с каждый словом голосом, и дергающейся индиговой жилкой на тонкой шее.

Он остановился и посмотрел на неё с высока, но без пренебрежения, и добавил, на прощание.

– Я мог бы уйти, сулясь, что ворочусь и заберу тебя к новой жизни, но этого не будет. Не из-за тебя, а потому как, я такой. Как ты канючила: нелюдимый и не ищущий привязанностей. И ты больше прочих, должна разуместь отчего. Сим, прощай.

Он выскользнул, неплотно прикрыв дверь, даже не столкнувшись взглядами напоследок. Зибила со щемящей обиды,

осевшей в сердце залившись стигмой по ввалившийся от досады щекам, взбеленившись, наскоро подняла с полу свой голенастый сапог и метнула его в дверь, в которой осталась щель разлуки. Дверь пришибленно затворилась, а она, откинувшись, ещё долго недвижимо пролежала слезоточиво лицезря оставшейся на столешницы у огарка мошну с монетами, со скорбной миной, и неизгладимой горестью на душе, которую не испытывала уже очень и очень давно...

Однако привыкшего к дворцовой ночной идиллии, Джоаля, пригожий сон миновал, и он просыпался в кромешной ночи с заядлой периодичностью. Но не бессонница неприятного места терзала его думы. А до неприличия раскатистый храп. Причем он то и дело в кромешной тьме, растерянно смотрел на мирно сопнувшего на боку Гайта, но тот подобно грызуну тишайше сопел через водораздел диастемы меж зубов и скривлённой носовой перегородкой, чей ансамбль на порядок уступал, тому, что он услышал с противоположного правого бока.

Риба скинув одеяла, распростершиеся на измятой простыне с набивкой соломы, выставив все открытые части тела, широко разинув клыкастый рот, храпела, как лошадь, и несколько не сбавляла темп. Ищущий исхода своей беде Джоаль пару раз, вставая напиваясь неотъемлемым духом бадьяна от неё, накрывал гоблинку, и слышал только нечленораздельное бурчание сквозь сильно затянувшийся сон,

а однажды даже осознанное сорвавшееся меж клыков слово, произнесенное с благоговейной интонацией – *Хозяин...*

Даже несмотря на то, что тот нашел это нюанс милым, дальнейший сотрясающий барабанные перепонки бравурный грохот, отскакивающей от стен, не мог его усладить, отчего он, порвав наволочку, запихнул в уши куски ткани, которые подавили половину концерта одной музыкантши, с избито зацикленным мотивом.

То-то было его удивление, когда первым, что он увидел поутру среди мириад, воспаривших во взвеси пылинок, подсвеченных лоснящимися прерывистыми брезжащими вторгнувшимися лучами, был вздернутый курносый нос Рыбы, иступлено уставившийся на него бездонно синими сапфирами. Она полностью облеченная в своё, стояла во весь свой малый рост, и пытливо наблюдала за его ушами почти лежа угловатый подбородок на деревянный свод у изножья. Когда он, слыша собственное учащенно забарабанившее сердцебиение в звоне ушей, начал доставать вытянутые лоскуты, пронизанные, янтарное бурой ушной серой она озарено догадалась.

– Эвоно что. Стало быть, опять штормлю, – она, повинно покачав головой с шапкой червлёной копны, расширяя веки, сведя губы под клыки, и отошла поодаль.

Джоаль с ломотой в заморенных членах, поднявшись на ломящих локтях упирая тяжёлую голову на изголовье делимое перилами, тут же бременился пустотой желудка,

и увидел Гайта, который тут же участливо вручил ему тарелку со сдобой, и плоску теплого настоя с курившейся в свету полосой утреней снеди.

– Гожее утро. Завтрак в постель сир, – весело отозвался тот, растягивая ухмылку, рябинки и конопатки, уже облеченный в краги, и поножи, с льняной рубашкой.

Без энтузиазма с замутненными не отпускавшим до конца сном глазами, виконт принял завтрак, и почти не глядя, проглотив его. С ещё набитым тот ртом спросил оруженосца.

– Остальные, накормлены, напоены? – его речь лишена мягкости, и невнятна от сухости горла, но достаточно понятной для верного оруженосца.

– Право так сир. Калиб всех насытил, ещё час назад, – довольный отозвался Гайт, точно заразившись командным духом.

– Ну, так изволь отрапортовать, отколе я все ещё прозябаю в постели? – недовольно бросил он, скриви брови, и да задрав тонкую серую полоску под гладким носом.

– Увольте. Так не положено нам смердам, расталкивать виконта, племянника королевы, – оторопело, обелялся Гайт, подкинув брови с рыжей не мытой копной.

– Глупый ты Тощий! Клайд же молвил – как только свет забрезжит. И давненько оно так? – указал тот на крохотное окно, вырезанное меж бревен у потолка не струганных досок, разделенного двумя обработанными дегтем прямоугольных брусьев, на которых распустили силки раскорм-

ленные пауки, на совесть собирающие мошкарку из щели.

– Рассвело, как два часа назад сир, – немного виновато объявил оруженосец, почесав мелкие налеты порыжелой щетины на подбородке, хмурился уста, и ища спасения взором на не предосудительном полу.

Побелевший Джоаль схватился за голову, впив в свисающие бурые пряди свои нежные пальцы, и ошалело вскочил, бросив кружку и несколько забытых в ней капель в свободный полет на пристанище простыни. Внезапно он с новым овладевшим испугом обнаружил, что на нем нанизана лишь камиза, и по голым голеням по колени прошелся игривый холодок, с низины половиц. Рыба стоя и подпирая проем плечом, оценивая его утлые колени и, шмыгнув, добавила с неким пиететом, выпятив телесные губы на клыки.

– Да ты не робей, я и не такое видала.

Сконфуженный виконт повернулся к ней согбенной спиной и насуплено брезгливым жестом указал удивляющемуся его выкачивающему краску с впалых щек нервозу Гайту подать сложенную одежду на комод.

Клайд брел по уже успевшей застыть за стылую ночь и подшучивающее утро почти терракотного оттенка земли, и жалел, что напился, на день раньше, и измазал и без того не новую, заскорузлую одежду, коя после разборчивого стирки, побуждала вымыться самому от режущего кожу крахма-

ла. Осенний внезапный прорезавшийся среди гуляющих облаков зной припекал ему слегка посвежевшие вившиеся волосы, и каждый шаг натягивал затвердевшую от высохшей грязи отлученную от мытья прореженную дырками куртку (она бы не пережила подобного), и осевшую одежду. Он погруженный в мысли, огибал упитанных дам, с гнетом коромысла и звонко плещущиеся водой в кадках, и просыпленный горохом пробегающих детей, которые при этом успевали клянчить у него денег. Но познавши, что не ввек не получают от него желаемого, опускались до ядовитой брани, которую, Клайд пропускал мимо ушей, как и их притворные просьбы и увещания.

Сквозь эпизодические растянутые отпавшие тени разношерстных домов и приосанившегося каменного столпа, с призором сигнального огня, чья тень так же маревом виднелась на отвердевшей земле, прореженной колеями обозов, он выходил в сторону затмившей границу зубцов гор, ратуши. Как и ожидалось, у неё никого не обреталось, вне новых ещё не отогнанных кликуш на паперти, и он, бескорыстно выкрав себе время, отлучился в Квелый лист, в которой давеча оставил Сайму (или она его). Втискиваясь в полутьму спертого духа, его ещё минуя липкий пол, гложило вчерашнее разнужданность ввиду хмеля. Хозяин встретил его не без язвительной улыбки поперх бороды, намекая на не отгёртую грязь, и с ходу корыстолюбиво заломив с него шесть монет за пропущенное по горлу вчера. Следопыт послушно опустошил

карман, и заказал подобие завтрака.

Усевший в тени закоулка корчмы, он взахлеб опустошал плошку, освобождая её от раскаленной снеди, украдкой поворачивая набитый рот к крохотному ромбо подобного окну, которое выходило на фасад ратуши, и спуск ступенек к лобному месту Ренокра. Согретое грудное молоко кентаврши, понемногу пробуждало его заморенное днем давеча тело, а миска желтоватой каши, обжигала небо, но он все так же пихал переваренную крупу в свой зев, успевая запить её чуть менее жгучей, но не более жидкой смеси.

В очередной поворот он задел деревянную кружка, что, покачнувшись, расплескала по промоинам высушенного временем накрённого на одну колченогую ногу стола густую сбегаящую прочь жидкость, ручьями стремившуюся обрыву. Так как накрапывающие капли плаксиво лились на пол, он спустился, чтобы как-то смягчить урон для того, кто станет прибираться за ним. Уже на полу, и не щадя и без того грязный рукав выдавшей виды куртки, он как губкой впитывал лужу белого хлюпающего состава, и с трудом отдирав ворсистую ткань от липко приставучего деревянного пола. Не шибко увлекательный процесс, разбавил, заинтересовавший его приглушенный на тона разговор за спиной, который не сразу, но заставил его ускориться в его тщание.

– Их пятеро. Один обряжен по пику моды из дворца, хотя я и смекаю, вам это не нечего существенного не привносит. Попросту зарубите на носу. Он в бордовом полосатом

в желтую полоску кафтане, и нелепой куафе, то бишь шляпе такой с подогнутым краем. С ним: дохлый оруженосец; старый солдат; дезертир и вор. Все до смехотворного допотопно. Необходимо обыграть это, под убийство нейкских лесных выродков. Как уяснили?

Говоривший очевидно был не из этих краев (все зубы были на месте, и в речи не прослеживалось гнусавости). Даже скорее из приближенных ко двору. Но простота речи, подчеркивала либо его спешку, либо необразованность. Когда Клайд неспешно поднимался, он, обострив слух, все же дождался ответа, тех, кто тайлся в тени, получая наказ.

– Мы вас поняли. Но не лишним стало бы, уточнить гонорар, за-скажем... услугу, – говорила женщина. Молодая? Старая? Ловивший слова как на удочку, следопыт, не понял, но голос определенно был сильным, как у заурядной жительницы севера познавший бремя сурового края. Ему представлялись по душе, девы с таким темпераментом.

– Верно. Могу разутешить, и не поскупиться. Шесть тысяч. За пять это более чем приемлемо, и щедро... – не успел вымученными словами договорить неизвестный, как его перебил довольно высокий почти певчий тенор.

– Подождика. Ты же токмо что втирал, какие они пусто-головые, и им проводник кровь из носу надобен? Это разве не надбавляет ещё одного в копилку жертв?

Говоривший был явно либо юношей, или человеком с очень высоким голосом от природы, от чего даже упрек,

ему приходилось пропевать. Клайд испытывал странную антипатию к таким мужским тембрам.

– Малой прав. Ты лепетал, они пожаловали седова за провожатым. Кто он? – заговорил глубокий, и по-своему грубый бас, судя по тучной интонации, не особо наделенного умом человека.

Повисла тишина, за которую Клайд, успел запихнуть ещё пару стынущих ложек в рот, но жевать он старался раз в три секунды, дабы не пропустить ответ, отчего его щеки раздулись, как от укусов пчел, желваки работали как при конвульсии, а выпученные глаза налились слезами, от жгучей температуры. Иногда приходится сносить форменные пытки с тем, чтобы избежать ещё больших напастей.

– Тут вы меня подловили, – как-то виновато и в тоже время прихотливо, полушутя отозвался наниматель, – я забыл о нем. Дело в том, что я не ведаю, кого они изберут, об этом мне лакей не донесли. Но тысяча с носу, разве не предел мечтаний, для людей вашего склада? – попытался ретироваться он под конец, новой фривольной вольностью. Напрасно.

– Ты нас не знаешь, так что не кидайся догадками, – слышался куда более серьезный женский голос. Какой он властный был, сразу оценили мурашки на холодеющих закорках, и отнимающиеся поджилки.

Однакож Клайд не стал дослушивать. Он с полу слова уловил суть. Его угораздило подрядиться к тем, за кого уже ведут торги с наемниками. Но учитывая, что по глупости их

вербуют, обольщая чеканкой в том, же месте, где они остановились, кто-то либо скрывает следы, либо действует от третьей стороны.

Уже расплачиваясь с корчмарём, он положил три лишние монеты, и выпросил услугу: рассмотреть тройку в тени, на которую сам не бросил ока, дабы не привлекать своего участия к неведомой тройке по душе его вверенных.

– Они здесь штаны протирают со вчерашней ночи. Оружие, к слову, отдали. Ведут себя благонаравно. Одним словом, на виду порядочные, хотя и кажутся бойкими. У верзилы красуется шрам на пол щеки, видно аж сквозь густейшую бороду по живот, а девица с крупным вырезом, все говорит за них. Последнего даже не разглядеть, тощий как игла, таится за ними, хотя ему давно впору бриться, – оценочно без пригляда, взвешенно отмочил тот.

– Видывал их раньше? – все так же, не отрываясь от стойки корчмаря, и не водя попросту глазами, напористо осведомлялся неутешный, похмуревший Клайд.

– Демиург не сводил. Они хоть и учтивы, но неблагоприятны. Особенно их странная манера речи. Изъясняется за всех в основном женщина, – хмуро почесал залысину хозяин.

– Ты, как помню, говорил девица? – скривил брови хватавшийся за каждое слово следопыт.

– Ну, таки, для меня-то она ещё молодка. А для тебя всецело женщина. Вот и объясняюсь и за себя и, чтобы тебе разжевать.

– Благодарствую. Что молвишь о четвертом? – продолжал тот, уже намечая палец в карман, если жадность хозяина возьмет вверх. Подвезло.

Кормчий, как бы почесываясь повернув головой, и украдкой пригляделся, и, после разведя руками, поджав губу с подобранной бородой, оговорился.

– Не, уволь, глаз он мне прежде не мозолил. Приспел спозаранок, матче молвить, прискакал на коне. Личный конь, – с завистью произнес хозяин лачуги, дернув прижатыми губами, – малой, то видно из знатной семьи. А так по себе, вполне обходителен, и запросил лишь, о том, может ли он отыскать тех, кто утрясает оказии всякие. Ну я в долгу за гульден не остался, увещевал, что они часто забиваются по углам. Вот он и кости обмывает этой троице, инда может, воркует о своем. О чем талдычат, доподлинно не взыщи, растрясывать не стану.

– Премного благодарен. Задержи их наёмного, если в мочь, – бесцветно произнес Клайд, разворачиваясь, чтобы вновь вернуться к зною дожидаемому за затхлою корчмы.

– Обожди, – рассыпов позвал хозяин корчмы, – отчего все эти доискивания, и одолжения? Коль прослышал, о чем, дай знать...

– Всенепременно, как удостоверюсь, – небрежно махнул ему Клайд, и покинул полу мрачное заведение, вытравляя себя на обжигающий макушку и склеры свет.

Когда Джоаль, Роба, Калиб, Моз, да Коуб спускались с скрипучей лестницы под призором сонмища ослабляющих голов на медальонах, их теперь уже за освещенной окнами стойкой приветствовала все та же долговязая кокетливая эльфийка, в темном корсаже под стать антрацитовым ниспадающим как на писанном холсте волосам. Она с почетом прощалась с каждым строя им лавово агатовые широкие глаза, покуда очередь не дошла до Рыбы. Пригвождённая улыбка тотчас сползла с её лица, и она промолчала вместо непреложного для её профессии притворства.

– Мы ещё не закончили, – бросила ей гоблинша перед тем, как выйти прочь, скосив бордовые брови. Девушка ответила ей лишь взаимным призрением, сочившимся исподлобья и метавшими молниями дикими точно извергающими лавой агатовыми очами.

Уже скоро все выдворившиеся наружу, на стылый воздух, минуя скопившую затхлость трактир, почти ослепли от вдарившего зноя, который теплым укусом усладился на их мурторных лицах. Особливо неладно стало Джоалю, не сроднившемуся за минувшие лета, к яркому свету, безвылазно осевшему на долгие годы в тених простирающихся залов замка. Кое-как переборов себя, он отправился со всеми по более приятной застывшей глине, при этом натянув козырёк кауфа поближе к глазам, отчего тень козырька, дошла до его утонченного носа, оставив на свету лишь темноватые усы, да выбивающиеся бурые пряди.

Они бодрой гурьбой наступали к ратуше по тверди глины, меж навалившейся тени сигнального столпа на оцепеневшей от пекущего света земле, как и обусловились, и там была довольно неожиданная картина. На крыльце закрытой террасы в качающемся кресле грузно сидел барон Нуйк. Его полнотелая осанистая жена под левую руку, не отрываясь, въедливо и спесиво надменно смотрела на свои владения, посреди грязевого колодца. Но как вопреки ожиданиям Клайда не обнаружилось. Джоаль поверх кауфа, повел головой, как и его верные ратники, но поблизости мимо домов и ослиной мельницы с навесом черепицы, с редкими фланирующими горожанами, было глухо, и не похоже, что он отлучился на светскую беседу. Но все их удивление, было пылью, супротив облака паники, нарастающего на округлом лице малютки Рибы. Та, уронив уши, буквально сделалась обескровлено фишашковой, от набежавшей краски, подлинной тревоги. Меч в её руках сжался, настолько, что он передавила себе вены, отчего те, взбучились на её крепких четырехпалых ручонках темно синей краской, словно ручьи под настом надтреснувшего льда.

Покамест они, озираясь изыскивая следопыта, подходили, грузный барон поднялся, и, оправляя зеленоватый камзол поцеловав руку сменившее свое синее платье на более свободный блеклый наряд жене, вышел им на встречу, вступая на ступени, отгоняя безликую стражу. По мере того, как он спускался по ступеням, и его нахлобученная улыбка при-

творства только росла и росла, растягивая берега бороды. Джоалья это взбеленило куда пуще, нежели Рибу, которая даже если и помнила его переменчивость, метая округленные сапфиры, тревожилось, только о судьбине запропавшего хозяина.

– Отрадно видеть отоспавших невзгоды достопочтенных гостей, а также их товарищей и спутников, – с наигранным добродушным хохотом отозвался ластящийся барон. Извечно хмурый как камень, мнительный Калиб, который стоял за Джоолям, хотел было шепнуть ему, что-то, но его сбил с мысли вопрос Нуйда.

– Прощу прощения за назойливость, но где же... следопыт Клайд? – то и дело метал он малые голубоватые глаза за их, вздергивая реденькими бровями.

Все огляделись, но вместо ответа, поступила странная тишина.

– Понимаю, – отозвался тот, и галантно кивнув, попробовал играть в учтивого хозяина и дальше, – вы голодны? Быть может, покуда вы ожидаете, я бы наказал слугам, предоставить вам отменнейший ... – но тут он, осекавшись, смолк, так как вдали меж перекошенных домов и испепеляющих лучей зноя, минуя сермяг показалась черная фигура.

Все остальные завлеченные его оцепенелой оторопью, меж резных брусьев поддерживающих крышу и крыльцо обернулись. Следопыт неспешно брел меж каменных домов, явно чувствуя дисбаланс, ввиду отсутствия меча и вещь

мешка за спиной, отчего его поступь была несобранной. Он был подсвечен анемаей, как крохотной щелью в невзрачной пещере, но уже от этого заблестали его русые очищенные от жира завихренные у концов пряди, куце состриженные по шею, а куртку он точно одолжил извалявшейся в грязи свинье. Или, отнял у неё эту прерогативу сам. Тем не менее, все окончательно затихли, даже шелест кольчуги ратников, что напоминала о себе при каждом их неловком движении под зелёными котами. Мимо него проторила слезно трескучая телега, с косматым седовласым стариком на козлах, что прежде была под завязку набита товарами, а теперь там, как и ранее дремала лишь его дочь, или внучка, коя при свете была уже более живой от легкого румянца.

Клайд уже уловил, что все ждут его и скривил скуластое лицо. Первой к нему подоспела рачительная слуга. Она тут же с почтением протянула ему схороненный меч, и он без долгих праздных слов подвязал ножны под правое бедро, и одобрительно кивнул ей щетинистым подбородком, а затем все же показал смятение своё гурьбе. Только тогда Джоаль понял, что немного немало за ночь, уже по привычке к горбу на спине, виде походного выюка следопыта, который ему надоумил взять собственный нетерпеж.

Подошедший Безродный, без лишних слов принял, свою ношу лишив бремени нанимателя, и, обернувшись к застывшему барону, и сделав нарочитый реверанс на его благоговейное ожидание, уже собирался уйти, когда проглотивший

было язык Нуйд запротестовал.

– Прощу, повремените! Уделите мне минутку, поколе солдатам вернут оружие, и компенсацию, в виде отборной походной снеди, – все это он говорил не титулованному Виконту Майзы, а именно следопыту, которому по хорошему было не до него, и тем более до оружия солдат. Но разумно рассудив, он, поскрипев зубами, вымученно кивнув, согласился.

В пору, как солдаты в черном и с синими плащами, растянута медленно приносили группе дары, Безродный уделил барону ровным счетом две минуты отделившись с ним на веранде, но тот будто засиял новыми красками с румянцем на круглых щеках. И казалось готов испустить поистине детский лепет, если бы Клайд, столковавшись, остался с ним на трапезу, продолжая расчехлять свои истории, многими искаженные в рассказы.

Но как не растягивай они момент как клубок, он все же истощился, и все было собранно и группа, подобрав поклажу и привнесенный провиант, начала исходить. Клайд откуда-то принес колчан и лук с небольшою пенулу, и тут же вручил все Рибе. Та как привыкшая к подобному оружию, спокойно подобрала его, и, стянув перевязь ремня колчана по выпирающую грудь, сделала крест, приложив к противоблошному плечу верхушку плеч лука, а натянутую тетиву пустила меж грудей, как и перевязь, поверх маленького плаща хламиды со свободным откидным капюшоном.

Группа была готова, и они по напутствию ведущего вы-

шли из западного исхода Ренкора, под чувственный провожающий взгляд благоговейного барона, оставшегося в тени. Но не только он следил за ними. С угла одного каменного здания робко выглянул русский Дориль, который тотчас скрыл низко посаженные глаза, дабы его никто не заметил и не запомнил. А его наемники, тоже отправляли их в путь пристальными взорами, особенно стараясь приметить их ведущего, но он постоянно был к ним спиной, отчего интрига их встречи на поле брани только росла. Время покажет, что за плеяда попалась им на зуб, и кто их таинственный путеводный коновод.

Часть вторая: Лесной брод

Обездоленные эльфы прокляли род людей после того, как те лишили их посконной земли. Но сим были лишь эфемерные, нечего не висевшие слова. Когда они отдали на заклания, свои души, дабы подпитать спящего Некроманта сделав его подлинно неуязвимым, этим сталось излияния их накопленных потуг к мести...

Дивелз. (Апокрифы полуэльфа)

Исход из Ренкора, оторвал Джоалья не только от привычного уклада, но и цивилизации как таковой. Дальнейший путь был подобен тем строкам, в виршах, которые он пропускал мимо восприятия, но тут они были единственной фабулой, коей нельзя пренебречь, перейдя к более значимым элементам произведения. Данное бытие, не терпит слабости и лени.

Вдали под макушками бурно обступивших их с краев деревьев были видны иглы простирающего горного хребта, чьи мглистые высоты закрывала, снежна поволока. Замок Антур, был едва приметен иглой верхушки его узловый башни, но, тем не менее, его синие вытянутые части рожков башен и уступы неприступных стен отчетливо виднелись сквозь марево пред отлогими растянувшимися редутом затмевавши-

ми горизонт горами, в которых он нашел себе обиталище.

Их каменистая тропа, вылощенная казалось для вида, давно сменила свой небрежный вид, на втоптаный заурядный глиняный тракт, с испещренным рытвинами, калий от колес и ухабов подков, редких лошадей, а может и кентавров исходя из ширины. Светивший выгоревшими волосами Клайд с поравнявшейся с ним семенящей шажками Рибой уверено шли впереди, минуя дрязг кольчюг, и редко оборачивались, дабы взглянуть на состояния врученной на поруки когорты. Преобразившейся относительно осоловелого вида пьяни следопыт двигался широкими шагами, а за ним шустро двигая ножками, прыгала копна червлёных волос девушки гоблина, которая все ещё казалась непреклонно оценивающих их неясно, чем сцепленную пару виконту каким-то несуразным элементом их похода. Хотя, беря в расчёт себя, она была как ступица в колесе, а Джоаль обретался ближе к беспомощному письму, которое везли в телеге.

По бокам за границей кювета и аметистового вереска, путь им преграждали, высокие многолетние густо озонирующие смолой и хвоей ели – Этон, с пышными ветвями, и наупленными шишками на них, которыми при неосторожности, малодушно встав под веками росшими стволами можно было проломить себе голову. Так как каждая была размером с хороший валун, да ещё и с острыми чешуйками, способными при желании быть легкими наконечниками стрел на дичь, для Тумерок.

Осень ветер играл на шушукующем дерне, который порос по бокам канав, будто скрывая в своих недрах мелких зверьков, от хищников с плохим обонянием. Мерзко бречащие в уши комары, быстро получали шлепок, и сдавленной вафлей, терялись на притоптанной мириадами ног земле. В какой-то момент высокие хвойные деревья бора стала, слишком масштабными, и в конец закрыли просвет, отчего они оказались в охватившей сени, под погожей лазурью, в редких рваных клочках облаков. Покуда многие напаялись осенней свежестью, конгломерата запахов не лишенной росы муравы, боровой мятно смолистой хвоей, и окучивающим шмелей и прочую мошкарку вереском с редким клевером, Клайд внезапно остановился на проселочную развилку пред стеной леса через кювет, и Роба, которая, не прекращая торить за ним, воспользовалась этим для передышки. А судя по прозрачному краю рубахе, лило с неё потом изрядно.

Бряцавший весь путь, обвешенный металлом Калиб с остальными, замер, в метре от ведущего, а Джоаль, аналогично гоблинше, переводил дух стираю испарину, и умиряя пожар закорок. То, как кауф Джоаля в одночасье стал опухлым, и говорить не приходилось. Безродный спустил свою котомку на взгретую глину, и, расторопно порывшись в ней нашел нечто напоминающее кожаную мошну, с золотым песком, которой пользовались в факториях или портах. Он сделал несколько размеренных шагов влево, затем вправо к иному пути, и стер за собой следы проведя, насыпав обычного

песка из мешка на шнурке, под собой, втерев его в землю, боком измызганного застывшей грязью сапога.

Когда он оказался на противоположной стороне дороги, на жухлой траве подпаленного дерна, с фоном границ леса, и покатом скатом оврага, то тут же непримиримо почти горланно отозвался вслух.

– Повторите ложные следы за мной и сотрите их за собой.

Первая свои усталые шаги лишённая вальяжности изобразила Роба, которая сделала, все как ей и велел хозяин, но когда она наклонилась чтобы стереть следы, то курьезно плюхнулась на карачки, отчего Моз и Коуб несдержанным выплеском посмеялись, над её неуклюжей скосившей усталостью. Она, отчего то оставила такой подначивающий момент вне едкого комментария, и, с натугой в коленях прирвстав, отряхнувши от пыли колени, с напоздней фрустрацией на круглощекий лик, повинно посмотрела на хозяина. Клайд держался хладнокровно покойно, или старался таковым казаться.

– Не взыщите хозяин. Уморилась, – виновато отошла под его левую руку, а он, поведя серыми невозмутимыми очами, оговорился, играясь желваками.

– Как токмо проделаете, что я велю, соорудим привал.

– Где с прощу на милость, вы его представляете? Не на обочье ли? – пылко объявил о себе прохрипевший, сдавленный в шлем колпак Калиб нахмуривший крупный нос, который начал сомневаться в избранном провожатом,

когда он взял мешок песка. По существу, как только тот прилюдно искупался в грязи.

– Если прогалина не усладит ваши запросы, разрешу уродиться к заводи, и обождать там, – не без скрытой иронии небрежно ответил Клайд. Далась она ему с трудом.

– Разрешите? – вновь вспыхнул тот.

– Ты вестимо служишь своему хозяину, но веду вас я. Твоя безопасность тоже моя забота. Вы пренебрегли моим советом приобрести неприметную одежду, так что будем исходить окольными путями, путая хвост.

– Хвост? – не сдержавшись, пропищал Гайт, вытаращив на него очи, покуда волосы его встопорщились. То бишь чуть вострее обычного.

– Сей видать не такой как у меня, а молва, о тех, кто пятки подгрызает, – зачем-то истолковала Риба, и все отчего-то смутились об обромненном факте, наличия у неё хвоста, которого доселе было не видно – может и к лучшему. Она уразумела свою ошибку, и, фантомно потрогав коротко остриженный затылок, выпучив губы на клыки, уронив взгляд оправдалась. – В смысле коса.

– Риба! – сверху вниз, гаркнул на неё следопыт, и та, как затушенная свеча замолкла.

Джоаль последним проделал обряд, и в обуздавшем замешательстве спросил для проформы у ведущего.

– Мы следуем по правой тропе, который переходит в лес?

– Не, верно, – хладно отрезал тот. – Мы следуем по пря-

мой, – указал он большим пальцем за собой.

– В лес?! – звонко прорезалась у Моза, который предпочитал обыкновенно молчать, и поправлять свой льняной подшлемник.

– Ты наблюдателен, – кисло ответил Клайд, и, пересекая овраг, перепрыгнул на другую сторону ближе к глуши не просветного леса. Проследившая его движения Риба недолго думая, сглотнув комок, заострив уши, нацелившись с разбегу, попыталась перепрыгнуть следом. Естественно, ей не хватило, каких-то сантиметров, и уже скоро она протянула по земле колею по пологому скату, чудом не прополов увядшую на открытом свету траву задраным носом. На сей раз это не воспринималась с усмешками, даже не смотря на её писклявые сочившиеся ругательства, и пререкания с хозяином, который слабо бранил её, за то, что она малахольно повторила за ним, а не перешла небольшую топь, по низине кювета. Всех единодушно страшила, евшая холодом поджилки мысль оказаться в лесах, которые до сих пор хранят дух былых безлюдных времен, и эльфы радикалы (Нейксы), не раз отправляли стрелу в незадачливого путника, решившего беспечно прогуляться по запретным лесам.

– Это самоубийство! – желчно пошел на склоку Калиб, когда с трезвоном перепрыгнул естественный ров, и, найдя твердь, воззрился на первые смолистые стволы, над сором пало стяженных у поросли подлеска игл.

– Если мы не будем плутать, нас как ягнят прирежут но-

чью, – уверенно без тени колебаний отозвался Клайд.

– Отчего же? – опять ворчливо хрипло буркнул Калиб изошедший на готовность вправить мозги навязанному коноводе. Кулаки в наручах так и чесались задеть его скулы или скрыть отеком эти пронзительные ртутные... обезоруживающие зеницы.

– За вашим виконтом затеялась охота. Я об этом подозревал, когда вы предложили мне работу. Ныне я в этом уверен, так как ухватил мельком разговор нанимателя и наймитов.

– Где? – оттолкнув плечом остолбеневшего Гайта, подскочил осунувшийся исходящий холодным потом Джоаль, буря челка которого налезла на вылупленный глаз, и он был почти слеп на левую сторону, но фарфоровая бледность испуга, сделала его выжидающее спокойным истуканом.

– Поколе я поедал горячую кашу в корчме, за которой вы меня нашли, позади меня некий господин, давал наказ троим неизвестным, убить вас всех. Предложил от шести тысяч с носу, – он облизнулся по не бритому подбородку, – должен доложить, ваши враги не шибко церемониться с растратами средств.

А опустошенный словами Джоаль уже не слушал его, он схватился за голову роняя кауф, и озноб, плеядой сороконожек пробежавшийся по всему сдавленному хладом субтильному телу, вынудил его замереть, посреди начала непроницаемого разухабистого леса с отдаленным прерывистым пе-

нием воркующих птиц. Калиб недобро переглянулся с Мозом и Коубом, который даже снял свой пресловутый шлем, выпустив завитые карамельные локоны, показав юное лицо, с малокровными впавшими щеками и выцветшими бровями.

– Нам нужно воротиться, – тут же заверенный в словах оговорился Сотник, побуждающее посмотрев на Гайта, который вырванный из пут оплетшего ужаса, с загоревшейся в округленных голубых зеницах надеждой часто закивал. Они уже единодушно смотрели на обратный путь, витиеватого тракта, ведущий к частоколу Ренкору. Клайд степенно ждал, и казалось, даже не тревожился о потере нанимателя. Семьсот с лишним монет, все ещё были у него.

Но тут в окружении сбившихся в кучу смолистых замшелых столов, опомнившийся Джоаль убрал гребенку кистей, с гудевшей головы, и, сглотнув комок навеянных бед, с заискиванием задал вопрос следопыту.

– Чтобы вы... посоветовали?

Тот повел темной бровью, под занавесом русой челки, что надуло ветром. Чуть позже, он, поживав губу не очень уверенно, и с каким-то лежавшим на душе сомнением прорезался на ответ.

– Здесь виконт загвоздок с целый воз. Ежели мы встретим их на тракте по возвращению в город, они без соблазна могут лихо прошить вас из лука. Если же, пустимся вперед, можем выиграть время, и оторваться. Но не то, ни это не обеспечит вам должной защиты. Я не ведаю, кто они, но судя по крохам

из услышанного, и того довода, что их не заметил хозяин корчмы, группа скрытная, и их услугами пользуются те, кто приучен не сыпать слухами. И уж как пить дать, они не хотят прослыть бандой, дабы их узнавали издалека.

– Значит, торим вперед? – заискивающе отозвался Калиб, забыв о скептике в себе.

– Решать вам. Я отведу вас, по всем скрытым маршрутам, коими располагаю, если пожелаете.

Недолго ломаясь, спрыском слюны отозвался захваченный ужасами, пронзившими все фибры не меньше Сира, Гайт, – Я согласен пойти за ним.

– Тебя кто спрашивал? – едко прорычал на него осерчавший Калиб.

– Идем с ним. Король уповает на меня. А по сему, мне надлежит доказать свою преданность, – высоко поднял голову смевавший сосавшие чувство под ложечкой Джоаль.

От всего этого подступившего и повисшего в лесном воздухе пафоса, Роба не привыкшая к нему, лопнув терпением, начала посмеиваться, и прежде, чем Клайд успел ей указать, на смирение, она прородилась, на одну из своих не произвольных скабранных шуток.

– Их троя. Вас шестеро. А страшитесь так, будто в жизни не подымали нечего тяжелее...

– Роба! – прикрикнул на неё Клайд. Та понурилась и насуплено отвернулась к лесу.

Всех мало по малому устроил такой расклад, и они начали

удаляться в неведомую чащу за ведущим.

Мимо мшистого рассыпанного тлетворного валежника, и высветившихся на сколах зубов пней рассады грибов, весь звучавший на обертона отряд, пробирался по неровному вздутиям корней и грунта, очень бережно, ступая по устланному волнами мху, и веткам, что подобно струнам, хрустко отзывались скрипом при каждом прикосновении. Всюду с ног сгибающие благоухало еловыми иголками, присовокупленными смолой, и различными дикими травами, и гроздьями ягод, с пробегающим отдаленным привкусом кисловатой трясины местечкового болота. Настырно прорезающие просветы анемай струились чрез только нависшие, словно шторы растопыренные ветви, идущие вплоть до необозримых верхушек, отчего земля под ними протянулась непрогретая, и отдавала холодком, и вязкостью росы и квашни хляби. Но возалканной прогалины так воочию и не объявилось, отчего их блуждания меж могучих скучившихся стволов и их вспучивших жилы корней затаилось. Незлобивый дрок, что урывками рос под ногами, уже начинал казаться чем-то спасительным от овладевшего уныния, благодаря своим желтым лепесткам, которые привносили хоть какой-то приток оптимизма, в воцарившемся хвойном бору, где не было ни открытых мест, а лишь тонкие ветки с острыми иглами, то и дело нежданно цепляли по лицу. Перебираясь через очередной сколотый буреломом пень, задравшим щупальца облупившихся от земли корней, юлившая меж крепнувшего подлес-

ка Рибa сорвала сероватый гриб с крупной навесной шляпкой, и тут же не глядя на наличие обжившихся червей, проглотила его, почти не жуя. Это подметил, скучающий и изголодавшийся Гайт, и тут же сорвал такой же.

– Э брат, не советую, – качнула она головой в гримасе, цепляя грёбшими веслами ушей море растопыренных веток, – а то гадить, будешь дальше, чем зришь, а зреть в мочь статьeя лишь минуя декаду.

Гриб был тотчас брезгливо брошен на пожелтую влажную траву, а рука была обтерта об штанину. Гоблинка после того, как он, заручившись новой фобией, мнительно сплевывая прошел дальше, переступая набухшие корни, подняла именно этот гриб, и надкусила его. На её лице озарилась довольная улыбка. Она провела его, без усилий.

Когда Джоаль в своих пожуренных серой грязью дегтярных сапогах наступил в болотистую жижу, и его нога увязла в трясине по голенище, он невольно прикрикнул. Раньше Калиба, примчался Клайд, что, не щадя лица, ловил оплеухи от каждой паутиной разведённые ветки, что оставляли розовые полосы, от стёганных скул до носа. Но уведя его вырвавшую вопль напасть, он отнял левую руку с эфеса, и качнул увещеванной тонкими розгами головой.

– Вы мой виконт, излишне и не по делу драматизируйте, – стравив желчь, упрекнул он его, отчего титулованный горлан зарделся, и прижал усы к носу в пристыженной понуренной гримасе, нагнавшей кровь и к ушам.

Когда путь по застывшему течению лесных пиков продолжился, Калиб решил расспросить ведущего, театральным шепотом, который аннулировался гулками шагами трезвонящих ратников, по спрессованным ветвям и траве, что радостно хлопала, приветствуя их, подобно отдаленным трелям раскатистыми отголосками, скачавшим со всех сторон.

– Сир... – неожиданно его ударила, по крупному носу ветка, которую ранее оттянул перед собой следопыт. Лицо старшего ратника курьезно сконфузилось, и, прикрыв широко расставленные глаза в этой скроенной гримасе, он вызвал слабый смешок у проводника, когда тот обернулся к нему проведать, отчего он хлопнул ноздрями и наловчился обратиться к нему с куртуазными позовами вкрадчивости. – Я хотел спросить... были ли вы вхожи в сем лесу прежде?

– Не доверяешь мне оттого, что желанный отдых никак не придет? – как-то плачевно улыбнулся Клайд, и пошел себе дальше, мимо небольших кустов смородины, которые внезапно приметил изголодавшийся от дороги, облизнувший струящийся под шлемом соленый пот, накрапавший на уста Калиб.

– Это ягода? – указал на очевидное насаждение ратник.

– Наглядно сударь, – брюзгливо произнес Безродный вперед себя, и последовал дальше вглубь дышащей елью чащобы к новому, выкорчеванному буреломом задравшему плеяду обломанных угрей корней, жуткому ощетинившемуся сваленному дереву.

Риба же тем часом, в тени от всех, заела очередной гриб, и почувствовала первые признаки возобладавшей дурноты, когда перепрыгнула очередной выпирающий набухший корень, обтянутый мхом. Она тщила угомонить себя, что придел все ещё не перейден, и она себя просто накручивает, но уже вскоре первые не здоровые клекотавшие побулькивания в её круглом животе заявили о себе. Ей было невообразимо совестно признаться, особенно хозяину, что с ней опять приключился казус, на фоне её безответной любви к сорту «Рядовок», которые она не раз путала с «Паутиниками», и, если бы не количество, инда она бы спокойно переварила два три даже ядовитых гриба, но последний замыкал уже дюжину.

Моз хлестко прихлопнув очередную мошкару, липнущую на открытые части сально взмокшей шеи, зажмурившись, наступил на ветку, и когда ему привиделось, что земля под ним слегка рыхлая, он обратил к ней оторванный взгляд и приметил ловушку. Колья торчали не совсем приметно, но достаточно, чтобы беглого осмотра хватило, дабы увидеть шапку иголок, испод искусственной пеленой травы и мха с прорехами.

– Следопыт Клайд? – глупо подозвал он того, оробевшим голосом и посиневшими устами.

Безродный, осторожно проходя мимо заставы докучающих веток, пуская правую руку в перчатки вперед для защиты уязвимых глаз, нехотя двигался к нему.

– Осторожно! – возопил тот белугой, когда тот был почти в упор. – Здесь ловушка...

Клайд, недолго думая одним рывком извлек меч. Полоторное лезвие с двумя продольными долами, звякнуло, когда коснулось веток, а гравировка на серой полосе посередине напоминала руны дворфов. Он ткнул невзрачную пелену, и когда та поддалась, и была откинута в сторону, небольшая яма, щедро нашпигованная кольями, фраппирующее представилась им обоим.

– Эльфы погань! – хриплым тенором выругался Моз. Но следопыт воспринял его претензию безмятежно, и, опустившись на корточки, приложил колено к веткам, с усилием выдернул один из зубоскалящих кольев. Он был не длиннее арбалетного болта, и таким собирались не убить, а лишь покалечить.

– Это не для нас. Для дичи, – сентенциозно прокомментировал следопыт, а затем, обернувшись ко всем, огласил хорошим басом. – Пошли ловушки! Смотрите под ноги в оба, и ежели ощутите рыхлость под собой, замрите, хватайтесь за ближайшие стволы, и ждите меня.

Все восприняли совет, как аксиому, и большую часть пути, поглядывали под еле плетшиеся ноги на застывшем в волнении устланные корни и устланные широкие чешуйки шишек, пропуская порой случайную ветку, распростершую свои объятия для невнимательного лица путника. Первый, снося испарину и градом сбегаящие соленые капли с носа

и по шеи, заморился Джоаль. Он отродясь, никогда так долго не смотрел вниз, и когда его открытую на сибаритствования холку донельзя искусила обольщённая его кровью мошкара, тот взвыл. Его раскатистое эхо обошло весь благоухающий бор, затмив кваканье отдаленных лягушек, обжившихся в заводях, и спугнула несколько птиц с высоких ветвей пустивших им на память лишнее перо, но на этом эффект не прошел.

Издали уже вскоре послышался, ответный клич. Не человеческий. Ни призыв эльфов к бою. Даже не оркский. Это были – *Куины* – древняя порода хищников, похожих на помесь волков и шакалов, если бы те увеличились до размера медведей, и видели в инфракрасном диапазоне красок, особенно подмечая теплокровных жертв.

Калиб, Моз и Коуб тотчас обомлевши, застыли. Гайт чьи мышцы сделались свинцовым, судорожно потянулся к ножнам. И только Безродный замер без лишних эмоций. Он положительно помнил, что они так же располагают и потрясающим слухом, и им будет впору отступить, если посеют отскоки частот от ближайших объектов. Вся надежда была на его отряд, который не сдрейфит. Увы, зряшная надежда.

– Что это Клайд? – стуча зубами, в охватившей лихорадке затрясся белее полотна виконт.

Следопыт безмолвствовал, и уповал на сознательность сановника. Опять-таки тщетно.

– Кто это?! – не улавливал сути, человек привыкший по-

лучать ответы немедля, коего кряду обуяла сверлившая его нутро паника, в стукотне молотков по вискам.

Внезапно, почти пожелтевшая Риба, реявшая бадьяном, которая сидела под очередным пнем вблизи виконта, обхватив разбухший живот, щурив зеленые веки и болезненно выпуская клыки умеренно дыша и пуская по шеи следы струй пота, чежено и лаконично шепнула ему.

– Заткнись...

Её хриплый голос был пред рвотным, а уши, и вовсе будто стали прижиматься и тлеть, но, тем не менее, она знала, о чем лопочет. Обидно, было ей чуть позже, что эффекта это, по сути, не дало.

Отдаленно слышались отклики увесистых прыжков через сокрушающиеся ветки чащи, и рев взбеленившихся оскалов. Клайд вновь выхватил меч, и, перебросив вес, уминая рыхлость, встал в боевую стойку. Впереди за завесой непроглядной чащобы, и преград выдернутых букетов корневищ деревьев, то и дело отголосками доносился вой отдающийся перекастистым отзвуком. У всех неприятно затряслись сробевшие поджилки, особенно у воском бледнеющего остолбеневшего Джоаля. Риба подавляя неминуемое извержения несварения, стянула лук, а в её сапфировых глазах, через усиленную синеву набухших вен проглядывал угнездившийся страх.

– Всем сгрудиться по двоя, и рубить рядом с собой ветки! – гаркнул искоса им Клайд, остававшись на передовой

в гордом одиночестве.

– А ты?! – расхоложенный боязнь, искренен рассеянно, зыкнул Калиб, заноса на уровни плеч свою секиру. Увесистую и выедающую силы на излете.

– Встречу в лоб, – брыкнул он, не оборачивая русового затылка, – а вам держать оплот возле «королька», – впервые обозначил он свое подлинное отношение к виконту.

Поодаль в сердцевине чащобы, то и дело рокотали собачьи тьяканья, сопровождаясь одичалым лаем. Они безжалостно к себе рвали морды, об ветки раззадоривая себя все пуще. Изголодавшие и нетерпеливые, они бросились бездумно, не щадя ни окружения, ни себя. В их почти прозрачных в сторону бельма ониковых очах, белесые капилляры, покрылись желтеющей частью, что для их физиологии было сродни приливу ярости.

Кряжистый Калиб и щуплый Гайт встали с левого фланга, прорубая себе простор для маневров от насаждений тонкого подлеска, и рослых не знавших беды стволов. Моз и Коуб, тоже облагораживали себе сцену для пируэтов мечей, уже с правого края. И только Риба с Джоалям, остались вне всего этого в арьергарде. Но она быстро сообразила. Пень, под которым она сидела, стал отличным постаментом для баллистического превосходства, и она, недолго думая шепнула Джоалю, бойко одёрнув того за рукав окаймлённого жёлтыми полосами тесьмы.

– Подкинь меня бестолочь, – один жестом короткого,

но налитого указательного синими жилами пальца указала она, на двухметровый столб дерева, что сорвало во время беснующих гроз. И пока он стужёвано решался найтись из пленившего беспамятства, она быстро сложила ему одеревеневшие ладони, создав из них челн трамплина. Он не одномоментно, но обуздав своё нерадение поднял её достаточно высоко, чтобы та, ухватившись за оттопыренную часть уступа скола, подергивая мелкими сапожками, забралась на вершину, ободрив фаланги пальцев у начала ладони, задев и стенающий живот. Но гоблинка тут же гаркнув, поняла свою опрометчивость.

– Эй Джо? – она намеренно сократило его имя.

– Да? – совершенно забыв о статусе, и непреклонно стуча зубами, отозвался тот с синими устами на осунувшемся снежном лице с двумя серыми отметинами усов и клочка бородке, заискивая даже перед такой маленькой волевой персоной как Роба.

– Лови, – чуть левее его ушедшего в еловую хлябь сапога, по рукоять в мягкую землю воткнулся её нож, которым она намеревалась проучить эльфийку в гостиничном доме (в другой раз). – Меть в буркалы, и выю, – посоветовала она, и, стянув лук с пышного лона, внесла первую стрелу под свой большой палец левой руки, которой держала длинноватую для неё рукоять свода дерева, и плечи, почти упиравшиеся ей в мыски сапог.

Наскоро, точно сквалыжный старец, уронивший золотую

чеканку, вынув нож, и забыв о тщеславии вытерев грязь, об незапятнанный рукав, Джоаль робко держал его к сдавленной взмокшей холодным потом груди, согнув локоть. И пока подмоченная челка стелилась у его вылупленного глаза, наступающее преодолели последний рубеж.

Одно из масштабных скоплений препоны ветвей дать трещину, и из-за него пробилась огромная вытянутая пасть, и широченные ониксовые глаза, пропитанные желтыми вздутиями повисшему в них голоду. Их вздыбленная шерсть была необычного пестрого цвета, чем-то напоминающую сизо-зеркальную поверхность, и даже не смотря на примесь вьёвшейся грязи и слизанных ужимками игл, она все ещё приметно выделялась, среди ссохшихся ветвей, и разлапистых иголок, что налетом облепили им хребет на широкие спины, на котором от возбуждения поднялось встопорщенное плато шерсти. Их мутные глаза, в природной оправе капле подобной формы, темного цвета границы века, уже ухватились за их единодушно учащенное сердцебиение, которое они слышали, так же отчетливо как отражение переливы трелей птиц, отскакивающие от противоположных стволов деревьев, упираясь в кору и ветви. Лица, застывшего истуканами скопища, были для них почти полностью залиты красной краской, с редкими белыми прожилками костей и желтой окаемкой. Все вокруг буквально блекло в сироте рельефа, пока теплокровные перекрикивались между собой, расширяя свои легкие, и грудную клетку, повышая температуру

тела, выделяясь для куйнов все сочнее и обворожительнее.

Первый из проявившихся куйнов прельщенной лакомой добычей, сиганул, конечно же, на стоявшего, в авангарде Клайда. Несмотря на полное внешнее хладнокровие, тот окунулся в пробирающий ужас, так как всегда уходил от прямого контакта, с этой породой бедствий в такой численности. Широкие угловатые сизые уши с кистями, на крупной вытянутой голове, прижались при прорезавшемся оскале, и когда широкие лапы, с тремя черными когтям прянули к нему в одном прыжке, тот сделал выработанный шаг влево, и замахом палача саданул того по голове. Вот только поспешно был его финт. Всполох рун меча, ушел острием в землю, зацепив широкий пень, а вертлявый куйн, вмиг потерял часть удлиненного синеватого языка и передних клыков. Остатками купированного источавшего окропляющие желтые потоки языка тварь жалко взвизгнула, смежившись от невыносимой тукнувшей боли, и не успела податься на попятную, поджав хвост и уши, как следующий замах вырванного лезвия, свистнувшего по воздуху, обрушился ей на сжатую в мешковину шерсти шкуру. Фатальный удар прибил зверя, и его сизая шерсть, пропитанная грязью, залилась желтоватой густой кровью, что уже успела бурно стечь под мехом обколотой морды, в небольшую лужу, что смешалась с созревшей ливниной под свисшими ветками, и уже отдавала солено острыми каперсами.

Мельком орошённый брызнувшей желтой капелью Клайд,

не сильно радуясь, напавшая густым привкусом их терпкой крови, наскоро обернулся с огнем в зеницах, так как меж барьера веток с бравурным хрустом прорвались ещё четверо, и взрывая землю поднимая в воздух взвесь игл, понеслись в сторону остатков отряда, щеря жуткие пасти и бельма белых очей в сетях капилляров. Среди них без затруднений с диким хрустом снеся обступившие непролазные ветви, объявился и особо крупный, который гордо скопил в своей коренастой спине отголоски отломанных прутьев стрел, что с наконечником ушли далеко в толстокожую плоть поверх сизой грязной шерсти. Он, повинувшись возобладавшим инстинктам, наметился на самого слабого. Им оказался Гайт. Стушеванный белее полотна оруженосец, заметив выросшего из неоткуда громадного восьмифутового зверя, успел лишь с вырванной испугом испод ног твердью присесть, вытянув лезвие, на которое и наткнулся безумный затмевавшей проблески ясности тучу хищника. Вспоротое мякоть заросшего брюха, тем не менее, до поры не остановило его прыть, и, встав на дыбы, сколько хватало длины лап, он отправил их к квелому юноше, который бросив увязший меч в грудной клетке зверя, не помня себя, помчался прочь. От подоспевшей вскоре разразившейся изнутри боли громада подкошено осела с дыбов на брюхо, и растрavляющий меч подтолкнуто ушел глубже, пробираясь могучим легким. Зверь вымученно первобытно взвыл, и тогда его заметил Калиб, который переступая игрался в гляделки, с одной из вырвавшейся к нему

из чащи самки, которая крутила виражи мимо крепнувшего стволами подлеска, выбирая момент для атаки. Все ужимками высовывая удлинённый синеватый язык из плутовской длинной морды с малиновым ромбическим носом в пушке, стреляя пустыми ониксовыми глазами, на черной оправе века. Альфа-самец, был столь огромен, что вызвал у него потерю контроля над самим собой, и неожиданного не своевременного затекания членов. Его секира повисла в одеревеневших руках, и если бы не свистнувшая стрела, пущенная Рибой, подкравшаяся самка куйнов, растерзала бы его со исподтишка. Тем не менее, та, получив ранение на сжавшихся в пружину закорках, сложившись гармошкой, поджав острую сметку хвоста, жалобно заскулив, поджав кисти ушей, сробев, отступила. Калиб очнувшись из беспамятства обуявшего страха, влив в стывшие жилы горячей крови, замахнулся и что было силы, вогнал топор, к изливающейся кровью из-за зева сизошёрстой дюжей твари, коя будь целее, лихо закусила бы таким сотником на пол клыка.

Подкошенный зверь пал ниц, изливаясь потоками желтой крови из некогда крупной вытянутой жуткой морды, и взведенный адреналином Калиб тут же басом окликнул Гайта, – Тоций! – но тот будто растворился в густом боре.

Крывшие правый фланг Моз и Коуб сообща, с трудом, конечно, но повалили незадачливо нападающего, который нацелил клыки, в спину Моза, пока тот мельком следил за сиром Джоалем. Коуб который без отброшенного в сторону

неподгонного шлема, стал в разы эффективнее, полоснул зверя по когтистой лапе, и тот от пульсирующей боли, судорожно прижал культ к себе, виновато опустив уши. Мозг откликнувшийся на визг, тотчас как подогретый каленым железом по шею, расторопно вогнал меч, по самую рукоятку, в расширившийся оникс глаза, испуганного хищника.

И только не вовлечённый, всеми фибрами ощущающий снедающий страх грудь Джоаль, у которого пересохло в горле, и сокрушались боем осатаневши стучавшего сердца виски, истуканом слыша своё раскатистое дыхание стояла за пнем, с которого разила отдаленные цели бойкая как игла Роба. Стрела за стрелой соскальзывали с её толстеньких пальцев, и, шерстя по воздуху плюмажами, достигали точки, и когда после можно было слышать щенячий визг, Джоаль урывками вытесняя сознания из пленившего ужаса понимал – *Попала*.

Занявший передовую Клайд тем временем, растерялся, так как счел, что прореженные ряды животных, обошли их с тыла. Он не успел среагировать, вернув себе обзор разухабистой чащи, как следующий, раззявивший пасть затмившей все куйн, прыгнул в его сторону. Меч подвел его, и он ускользнул из левой кисти, когда тот с неприятным ударом по лопаткам оказался на земле прибитым навзничь, среди покрывала веток и мшистых корней, и влажной подстилки, впившейся в затылок и токмо отстиранные штаны. Остервенело накинувшийся хищник, обдавший его каперсовым вя-

жушим духом, впил в его широко разверзнутые руки свои черные когти, и с упорством вдавливал их в лесную выстилку и выпирающие жилы корней, меж которых словно в паз упала его левая рука. Широко разинув, крупную пасть, он, истекая желчью показал свой двойной синий язык, и ряд совершенно безобразных зубов, которые будто истлели, отчего были желтоваты, и каждая щербинка на эмали, бросалась в ему глаза. Не успел Клайд насладиться всей прелестью тлетворного смрада из оскобленной пасти животного, как чудом выдрал правую руку из плена веса животного, прокатив ту по траве и мягкой грязи с впивающимися в рукав иглами. Недолго думая, он направил её в пасть животного, опережая его прыть.

Это узрела Рыба и тревожно вскрикнула, когда ей точно защемило сердце. Тотчас её заметил очередной пробегающий хищник, и, навалившись на рослый облезлый до обзола пень, сбил его трухлявую основу всем своим весом, вложенным в передние лапы, и она, утратив под собой устойчивость повалилась наземь рядом с цепеневшим Джоалем, который аналогично поддался упору падающего пня.

Как только расправленная ладонь Безродного посетила растворенную пасть зверя, тот насилу схлопнул широкую челюсть. Но вместо пиршества победы, и привкуса желанной теплой крови заструившийся из культи в недра зева, хищник, болезненно ошалело разинул белесо ониксовые зеницы, с черными границами обводов капель вокруг, вытянув

черты морды и обескураженно прижал острые уши. Он казалась, схватил ртом булыжник, и сжал, чтобы сил челюсть. Опрямительно сдавленная пасть быстро со скулежом разжалась, и этого мгновения Клайду более чем хватило. Он воротил к себе нетронутую кроме облюбованную до слюны целую правую в перчатке, и, опустив её за пазуху, и резво вынул кинжал с инкрустированной чешуей рукоятью. И вогнал его в грудь животному по рукоять, которое все ещё чувствовало неизгладимую пронзившую боль по всей ротовой точно обожжённой полости. Оказавшись между сосков (предположительно самки), следопыт потянул ставшее плугом лезвие вниз, вспарывая брюхо дальше, пока хватала, длинны руки. Остановился он у границ таза, и его и без того вновь заляпанную грязью одежду, обкатило потоками горячей желтоватой крови, и мгновенно вырывающимися из прорези внутренними амниотически-осклизшими органами в общей гаме нависшего каперского амбре.

Зарумянившейся пылом схватки пускавший с лица декалитры пота Калиб вонзил секиру в очередного хищника, и довольно заметил, что их ряды неустанно редуют, и тут же как обухом по голове опомнился, – Сир! – утробно вскрикнул он, и его слабо приметная затесавшая у желтых бусин облюбовавших нос и щетину ухмылка, воина стосковавшегося по хорошим битвам, исчезла, отдав эстафету обуявшему страху перед гильотиной, за не сохранность жизни своего вверенного. Его шрам с левой скулы, что стал явнее, когда

кожа стала краснеть от натуг, вновь пропал за алебастровой бледностью холодившего жилы испуга.

Ретировавшись к тылу, он, спровоцировав к действию расторопных Моза и Коуба, которые аналогично вдоволь перепачканные желтой кровью, инициативно бежали за ним, опять найдясь из куража схватки, помянув о дальнейшей судьбе за несохраненную жизнь патрона. Они пересекли павшее плашмя громоздкое тело альфа-самца, у которого из спины поверх слипшейся шерсти со следами извержения желтой крови и обломанных пик стрел, торчал проклюнувшийся зуб лезвия меча, что прошёлся через все не дюжие тело, и вышел из сизой шерсти у хребта блестящим огоньком. Его крупная морда кой впору откусывать людям мыслительные темницы по шеи, была рассорена на две части, и с перекошенным синим языком, иступленная тварь смотрела в разные стороны своей раздвоенной головой, выпуская из прорези раструба неистощимый желтый сток орошающей утоптанную лапами мураву.

Подбежав к пню, они узрели непредвиденное. Последний из куйнов, лежал возле виконта, а тот иступлено замеривший и обездоленный на присутствие духа, сидевший на земле расставив ноги, не мог вынуть руку, что впритык вошла в пасть зверя, по локоть. Ратники, выдохнув опадения, скопом сбросили со спины возросшие горы страха, сменив их на лощину устоявшегося успокоения – *отбились*. Они бережно вынули оловянную руку сира судорожно непреклонно

сжимающую кинжал, из горнила со стенками зубов, попутно удостоверились, что ран нет, и кафтан даже не прокушен, и все вместе подняли его на ноги, и пока тот сконфужено одушевленно находясь гусиной кожей, дрожал всем согбенно согнутым телом, вкрадчиво отмечали вслух.

– Все позади Сир. Вы живы...

Но тот все ещё до конца был не с ними. Он уже мысленно попрощался с миром. С возрастными познавшими варикоз графинями и нажившими брылы баронессами, которых любил больше всего на свете, как и слащавые сонеты.

Но Калиб тут же протрезвел, и, ухватив секиру, вспылчиво заворчал, дребезжа сведенным лицом, – Как токмо попадётся мне на глаз этот костлявый ублюдок, я ему тотчас голову от шеи отхерачу! Сучонок малодушный, слинял, покинув строй!

Все его бухтение ушло в молоко, так как белее мела, забывший себя Джоаль все ещё был вне себя и держался лишь на руках подчиненных, и усадившие его как из воды сухие лишь брызгами капель потрафленные Моз с Коубом дабы тот не рухнул с ватных ног, учтиво дали ему отпить из кожаной фляги, напоминающую грушу. Калиб утирающей испарину с пропитанного брызгами приторной крови лица, заметя закономерную заботу о господине и целость младших, подбочившись оправив измызганную коту и бренчашую колючку, и перехватив древко секиры, пошел искать остальных. Ему встречались обступившие скоропостижное поприще брани

желтоватые потеки, что забредали под одеяла из осыпавших иголок елей, и палых чешуи распавшихся шишек. Он с опасливой поступью брел мимо испутивших дух сизых жилистых тел в промоинах желтых потеков в воцарившемся каперсовом горько соленом благоухании, крепко сжимая рукоять, пока не обнаружил меч с долговязой рукоятью, и расписным эфесом, и изящные руны в сердцевине невыразительной полосы двойного окропленного дола. Ратник тотчас стал метаться по сторонам взмокшей головой, но видел только сгруженные тела куинов, да поваленные трухлявые стволы в оцепления чащобы смолистых елей.

Наконец он нашел его. Левая рука торчала испод трехпалой лапы, что даже после смерти тяжело продавливала её чудовищными когтями, от которых его упас не иначе как демиург. Не став дожидаться очевидного, он, напрягая мышцы сбросил тело пахучей каперсами самки куйна, и обнаружил скуластое лицо Клайда. Оно было цело, если не брать в расчет слюни и затекшую желтую кровь, что потопом нашла себя пристанище в его сведенных веждах. Он, распластавшись на земле, размеренно дышал, но молчал, так как губы тоже покрывал сгусток желтоватой жидкости. Калиб уронив секиру, тотчас расторопно припал к нему и начал обрывисто приговаривать, словно суетливая повитуха.

– Сейчас... Не шевелись, – он с прямою стер все своей перчаткой, и невольно усмехнулся, каким чудом он избежал судьбины быть съеденным куйном, будучи без меча и в его

полном расположении хищника – а вернее её.

После малой толики помощи, весь и полностью горько надушенный Клайд без лишних слов, убрал расписной скрытый из виду ратника кинжал в небольшие ножны, что были сокрыты внутри его выдавшего виды облачения. Затем он встал на придавленные рани ноги, и молчаливо добрел до меча, и вернув его в ножны под правое бедро, да взыскательно осмотрел чащобы, пробившимися от клейкой крови серыми очами. Среди окопов трупов зверей, все так же уверенно истекающие желтой кровью в пересмешку с пробившей себе путь сукровицей, он окинул все ещё мокрым лицом в как в конфетти, занесенным иглами и мелкой крошкой трухлей с перчатки Калиба, ширь.

– Все целы? – голос был таким необычайно хладнокровным, точно баланс жизни и смерти для него докучливая прозаичность как закат.

– Да-а, – выронив, выпуская усталость полным выдохом, присаживаясь на поваленное древо, ложа окровененную желтизной секиру себе на колени, и вытирая новую испарину со лба, все так же прикрытого шлемом-колпаком, полухрепя отвечал стоявшему к нему с заляпанной спиной Клайду, – только сучок Тощий, деру дал.

– Один из мечников? – с сомнением поинтересовался измазанный с головы до ног следопыт, повернувшись к нему, не менее, очищенным фасадом лицом все ещё держащим следы румянца остывающей схватки.

– Оруженосец... Но поверь на слово после такого позорного побега, я его сам линчую, – сердито заверил тот, желчно сплюнув в сторону, неустанно насыщая легкие лестным духом, с не осевшем царящими у ноздрей и округи каперсами.

– Быть посему, – небрежно махнул Клайд правой рукой облепленной грязью и иголками по перчатке, – где Риба?

Тут пасмурное лицо Калиба сделалось неожиданно отрешённым. Он напрочь забыл о ней.

Клайд, поняв суть его запинки, сразу уверенно пошел по следам сам, не дожидаясь пустого мямлящего ответа. Он украдкой помнил, что она заняла высоту поверх пня, и вполне могла схорониться в укрытие недалече. Перепрыгивая поваленные деревья, и задевая плечами крепкие стволы, вкушая гниловатый приторно горький привкус устающей крови, в пересмешку со вездесущей смолой и раздавленными лапами листьями дикой смородины, он добрался до Моза и Коуба, которые участливо успокаивали Джоалья.

– Где Риба? – взыскательно заломил он у троицы. Светловолосые ратники пожалы плечами изгрязненных котт, а Джоаль будто вышел из тяжелой формы транса, и указал на лук, что беспредметно лежал, чуть дальше поваленного пня, с которого она вела стрельбу.

Следопыт стал дотошно рассматривать тропинку, по которой два широких обвала будто плугом, проделанной борозды с наметками малого сапожек. Он тут же обуреваемый неладными думами измыслил, что её могли схватить и уне-

сти в широкой пасти, как ребенка, пока та истошно болтала ногами, оставляя эти следы. Он уверенными шагами затопал далее, не щадя ни лица, ни шеи, что бились об жадно пропускающие просветы встречные как кордон ветки. Когда следы исчезли у шелковистых куп зеленоватых кустов, он стал буравящие обследовать беспросветную чашу. Клайд доподлинно знал, что отсутствия следов куйнов, ещё не означало, что те, не унесли его слугу, поэтому крикнул вдаль леса, не страшась второй волны проворных хищников. Стая была мала и голодна, в логове остались лишь единицы.

– Рибо! – повторил он кличь, а эхо развеяло его тревожный голос по сбившимся чащобам леса. Он стоял меж стволов и кустов, не трогаясь с места, как истукан, лишь усиленно надувая грудную клетку готовясь к следующему выкрику, как тут...

С угла повеяло чем-то настолько смердящим, и режущим обоняние, что даже встревоженному человеку удалось отвлечься от своих невзгод и выйти из состояния аффекта. Он, скривив мину, повел головой, и потянул левую к черену меча. Но перед ним нечего не объявилось, окромя чащи и отдаленных певчих птиц, и шепотов гурьбы солдат.

Он ещё долго бы сверлил густой безответный к его чаяньям лес, своим зардевшимся от напряжения и следов веток лицом, если бы не догадался опустить голову к прорезавшемуся знакомому аромату. Под самым пнем, у небольшого куста ягоды, притаилась почти фисташковая Рибо, мельком

пропуская свой неизбывный следующей за ней по пятам бадьян. Она, спустив свои драпированные штаны по мыски сапог, зажавши рот, сидела, прижавши уши, но густое амбре её выдало.

Клайд скривил пуще прежнего скуластое лицо, и та, отпустив широкие зеленные ладони ото рта с клыками, опустивши синие глаза, просыпала.

– Рядовки были такими скусными, – оправдывалась она, все так же, не вставая с корточек, стараясь не смотреть ему в глаза, уминая траву, и ища пятый угол, не сходя с места.

– Мелочь пузатая... – сердито бросил Клайд, и, отодвигая меч за спину, пошел прочь, оставив Рибу с её расстроенным её прожорливостью кишечником.

1.

Стоило всей группе оторваться от ратуши Ренкора, как наемники высунулись из-за угла укрывшего их любопытство каменного здания, за которым им велел ждать Дориль. Клайд не смог избежать, их любопытного внимания полностью, и перед тем, как покинуть город ненароком встал перед ними в профиль. Наниматель после указаний поспешил вернуться в столицу, а тройка, получила заказ, и предоплату в две тысячи, потерю которых мог пережить Дориль, так как его всецело спонсировал Зигав.

Канна была долговязой девушкой, которая давно разме-

няла второй десяток, и отметка тридцати лет была не за горами, если бы она знала, когда родилась. В ней было шесть с половиной футов роста, и она могла побахвальствоваться хорошей рельефной мускулатурой, среди не только женщин, и мужчин, но и молодых самок орков. Её почти черная вороненная тугая коса тянулась малость растрепанной сороконожкой по спине и заканчивалась секущимися концами у крестца, а раздвоенная на пробор челка со лба не доставала и до редких бесцветных бровей. Она была одета в зеленую с коричневым, ушитую по талию и плечи, утепленную робу с мехом куйнов на крепких плечах, которая подчеркивала её формы шнурками на груди. На спине пересекая грудь ремнем, у неё весьма заметно гнезвился колчан с задубленной кожей и тесьмой. Лицо обладало острыми скулами, и гладким задраным носом, поверх утопленных выразительных ореховых глаз, переданных ей от отца, и узкий подбородок, навязанный родством с матерью. Её приметный шрам у правого уголка губ тонких уст, добавлял её образу вечную скорбь. Мать оставила его ей, когда та вопреки запрету ребячески смеялась с соседским мальчишкой вовремя панихиды её бабушки, которую та и не помнила. Она была старшей в их семье, и самолично руководила своим покладистыми братьями опуская связки почти что контральта, волю судьбы оставшихся ей на попечение и не только...

Старшего сына из их семьи величали Вайтом. Этот крижистый и невероятно высокий человек одетый как монах

во власяницу, был не только могуч как орк, но и вынослив как кентавр. Не смотря на то, с его макушки облетела чащоба прядей, оставив телесную позже буро загорелую на анемай прогалину ещё в двадцать пять, его пышная и длинная тянувшаяся шлейфом по развитую грудь борода с заметным шрамом на левой щеке, что была связанна в косы искусной к плетенью Канной, пугала в разы лучше, чем его жиденькие затесавшиеся как рогоз над прудом волосы, что то и дело отрастали торчком. Ему по наследству от матери досталось треугольное лицо, зеленые глубоко утопленные в череп очи, и вздернутый круглый нос. Единственное, в чем судьба его обделила, это в достатке ума. Его мать сильно приложила к элю, на назревшем празднике урожая, и разрешила мужу удостоить себя вниманием, а злосчастному элю она доставляла внимание ещё многие месяцы вперед. Отчего Вайт и стал немного глуповат и тучен, но со своим родом деятельности справлялся на отлично. Его ослоп с шипами и металлическим набалдашником, не раз взметаясь и разрезая воздух, вдавливал череп в грудную клетку, а манера речи и низкий голос мог стать жупелом на всю округу, когда он издали, начинал в своем спокойном тоне обязываться выдрать им ноги, и забить ими же. Он был первым, кто без обиняков поведал младшему о том, что стряслось с их отцом.

Младшего отпрыска в их когорте звали Слизел. Он был не глуп, но не гениален. Умел, но не чересчур. Умело владел мечом, но до королевской стражи ему было далече. Ростом

был не мал, но до остальных ему было недоставать, вне вставания на мыски. Но что касалось стряпни, он был даровит, и на порядок обскакивал остальных. Канна часто уламывала его сготовить любую пустяк, лишь бы не глодать суп из постных шкварок, который она варила от бездарности своих кулинарных навыков. Он был в этом такой мастак оттого, что часто оставался с отцом, а тот, будучи в прошлом досточтимым корчмарём в одной из таверн, дотошно готовил его как приемника, и оставлял подолгу на кухне, выдавливая из него толк. Малыш Слизел быстро преуспел, и даже порывался приготовить, что-либо дома, но мать железной рукой не позволила затмить себя. А однажды так сильно огрела его скалкой по брови, в знак ответных действий на ущемления своего авторитета, что у того, левая бровь так нормально и не заросла, отчего он надолго стал почти недотрогой. А шрам, напоминающей крылья ласточки, всегда оставался в памяти у тех, кто его видел несмотря на то, что он скрывал его спущенными до шеи темными волосами, на вытянутом смазливом лице с оливковыми глазами, да с правильными чертами и пропорциями, которые терялись из-за приметного изъяна.

Они не были известны в широких кругах, но некоторые графы Лирры, не раз прибегали к их услугам, убирая неугодных наследников, или зазнавшихся детей. Отчего их репутация и росла из уст в уста, лишь у высших чинов, а солидный приток медяков за выполненное поручение, обеспечивал их до следующего сезона с достатком порой, окупая их запро-

сы сторицей. Не раз им поручали убить и других наёмников. С неохотой, но они выполняли поручения, без особых изгибаний.

Но нынешнего субъекта они в лицо не знали, отчего с ходу и завязались споры. Всей тройкой они стояли под тенистым отлогим навесом деревянной крыше за публичным домом с обзором на весь ренкор, и спорили на повышенных тонах. Но на деле прекословили между собой только Канна и Слизел, Вайт, лишь тучно кивал, и соглашался, не поспевая порой за их изливающим потоком скоротечной мысли.

– Я тебе зуб даю, надобно выходить сейчас. Убьем их со спины, и дело с концом, – настаивал стравленным тенором Слизел, подпирая плечом начинавшую от влаги покрываться лишаем у подножья каменную стену здания, с частыми точно кистью нанизанными мазками побелки извести, скрепив руки, и поглядывающей через тонкий тын, обрамляющий полупустое стойбище бочек для стока вод из желоба, за скорым отступлением своры через западные ворота частокола. И то дело, отдувая от лица масляную не мытую челку, что спадала под легким порывом ветра, затмевая зоркий глаз, и рубцовый след на брови.

– Согласен, – скудоумно кивал басовитый Вайт, что без сомнений, был самым приметным, и стоял подальше заднего фасада, но все слышал и рисовал в своем скупом умишке целые картины из их скупого описания, и примеров расправы с назначенными врагами.

– Но он нас услышал. Это как пить дать. Отчего и решил поторопиться. Бьюсь об заклад, сей плут пронюхал и поспешил оторваться от нас. Они могут быть предостережены, – вносила толику разума в их спор свинцовыми нотками Канна, опасливо выглядывая из-за угла здания, вместе с братом, только чуток нависая над ним.

– Согласен, звучит здраво, – опять заладил Вайт, отчужденно кивая подкидывая щупальца плетеной бороды, как и прежде.

– Авось, я один все исполню? Ты мне всего-навсего лук подай, я так и быть вам две тысячи, по родственным связям отсыплю, – мерзко, скалясь неровными передними зубами хихикнул Слизел.

– Согласен. Чем шибче, тем гоже, – опять-таки аляповато мутно закивал Вайт, смотревший на погожую просинь лазурного неба, кое пересекало плеяда уносившихся в теплые участки птиц.

– Да помолчи ты! – источая разбавленный водой яд, буркнула на него стяжавшая морщинку на ровное чело Канна, и Вайт слегка пристыженно повесил нос. – Не лишне попервой справиться об этом страннике, – менторски продолжила она, украдкой касаясь своего шрама на краю губы идущего от разреза. Чем-то его аура сразу побудила её интуицию опасаться.

– У кого же? Может того верзилу, заправлявшего корчмой, кой все допытывал нас о графе занудство? – пред-

ложил младший, искоса глянув на виснувшую на его голове узким подбородком сестру.

– Он с ним заодно. И денегат может не принять. Мне пытать сейчас не с руки. Мы здесь до поры чисты, а залечь после где-то надо, – покачала головой Канна, пока ветер прошелся по её бледной коже, теребя короткую высунувшуюся на блеклые брови челку.

Повисло муторное молчание, а прошедшая мимо светло-волосая девушка в сероватом чепце на жеванный выцветший домотканый сарафан зелено-болотистого цвета, уведя их павшую ей на вид компанию, вначале намеревалась вдоволь посмеяться, над тем, как выглядывают из-за угла Канна, будто покрывалом ложась на младшего, разбавив свою кислую мину лучиком жизни. Но заметя при свете из-за тени нависшего и облачённого в рубище Вайта, она ойкнула, сузив круглые черты лица, и поспешила удалиться, теряя цвет лица сильнее, чем было, становясь снежной девой средь застывшей тверди терракотовой глины.

– А что, ежели попусту спросить с городничего? – внезапно прорезалось у Вайта.

– Городничего? – в унисон произнесли оба посмотрев вначале на друг друга, столкнувшись вытарашенными зеницами.

– Ну... – осекаясь, подергал тот порыжелую густую бороду, завязанную в несколько кос с блестящими клипсами на сёкшихся концах, как и обычно, когда думал. – Я приме-

тил, он очень хотел потолковать с человеком покрытой сохлой грязью, и был счастлив, как дитя, когда тот уделил ему время.

При слове «дитя» Канна вздрогнула всем охладевшем телом, покрывшимся гусиной кожей, что ощутил спиной Слизел, на которого она облокотилась, но после вне лишних паник они, кивнув друг другу, дали добро идеи тугодумного и обычно косноязычного брата.

Озаренный благоговением Барон все не сходил с крыльца ратуши, попивая из фужера с филигранью, смотря вдаль через ограду резных свай веранды к облезлым от зноя столпам редута частокола, неотрывно наблюдая, как просветившиеся меж убористых ветвей игольных еловых деревьев путники исходят по ещё мощеному тракту вглубь извилистой испещренной рытвинами глиняной стези. Он восседающей на качающемся кресле был все ещё переполнен эмоциями от встречи с Клайдом, и казалось, светился рвущейся наружу экзальтацией. Его бокал, на половину наполненный красным вином ошалело прыгал в неуклюжих кистях, и он спасительно поставил тот на коленку. Когда, стараясь миновать черных солдат, на паркет взошел щуплый и молодцеватый Слизел, барон его ещё не видел, зато слышал, звон метала, освобожденного из ножен.

Молодого парня, лет двадцати, приложили к искусно обструганному брусу, и уже намеривались вспороть брюхо, ко-

гда нашедшийся из обуявших наваждений, привнесенных в его рутинную жизнь следопытом Нуйд, оборвал их початие. Он не без труда привстал и грузно подошел к жмущемуся человеку обложенным двумя на умеренно пробивающимся за границу веранды светом, блестящими клинками мечей, напрямки к прижатому к расписному и выделанному брусу. Тот был облечен, как странник со всеми чертами: изношенной кожаной бурой куртке с прорехами у подолов и груди; накинута на неё зеленоватой хламиде; выпускал мятую бледно желтую потную рубаху у шеи; и имел подогнутые голенищем грязные истоптанные по глине дегтярные сапоги, и держал подпоясанную под левое бедро перевязь без меча. Не чем он не вызвал у него нареканий в не отступившем ожоге впечатлений, и подобравший пояс зеленого кафтана барон учтиво запросил.

– Отчего же ты любезнейший, так резво рвешься, на беседу со мной?

– Помилуйте, я право хотел лишь потолковать о человеке, что ушел с группой ратников. Мне кажется, именно он спас мне жизнь, два года назад. Но я так и не возмесил ему долг, – искусно и выразительно врал осунувшийся subtilный Слизел, но как не странно скептик в бароне, принялся таить, и он велел расторопной стражи отпустить молодого человека. Мечи с тонкого горла Слизела отстранились, и он надул гортань, выпустив кадык и медленно распрямляясь. Ухмылка плута все ещё таилась в его нутре.

– Ах, чем только Клайд не оставил неизгладимый след в наших сердцах. От Майзы до Лирры, его имя бродит как блаженный ветер, под зноем. О чем именно ты хотел расспросить меня? – умиротворенно говорил барон, стоя на веранде ратуши на ватных ногах опьянённых желанной встречей с живой легендой здешних земель.

– Это Клайд Безродный? – искреннее удивившись, разинув оливковые очи, разволновался Слизел, задрав одну бровь и шрам ласточку. – Тот, что был при битве за Антур? – не унимался тот, едва не срывая тонкий голос.

– Именно он, – довольно растёкся в улыбке круглолицей барон, отчего его щеки стали столь крупны и округлы, что он стал походить на бурундука с пущенной бородой.

– Ох, благодарствую вас от всего нутра, – с напускным перевалившим чувством ухватил увесистую руку барона Слизел, и пожал как можно более нарочито признательно. Стража, было, дернулась, но Нуйд усмирил их одним мимолетным взглядом сгущенных редких бровей.

Тот благословенно кивнул, и, похлопав его по слабому плечу, добавив напутствие на дорогу.

– Поспеши. Он ни в жизнь не останавливается на лежку, дольше, чем на сон. У тебя есть шанс перехватить его. Передай ему, что барон Нуйд Гум ему очень признателен, за ту историю, и не применено ждет его назад в Ренкоре.

– Всенепременно. Ещё раз несказанно благодарю вас сир Гум.

Лживо раскланявшийся Слизел спрыгнул и побежал прочь, а Нуйд, усмехнувшись, опять приложил к густым усам бокал, и, вернувшись на террасу, ещё долго покачивался в скрипучем кресле качалке тупо лицезря просторы леса, в которых уже растворился хвост гурьбы солдат и значимого для него следопыта.

День занимался погожий, и лучи заведшего под занавес осени бабьего лета, теплили округу, доводя каждого изголодавшегося по летней поре человека, в экстаз. Редкие облака курсировали под вялым ветром, а мелкая мошкара почти не одолевала люд, смиренно приступающий к своим делам. И вроде бы все шло своим чередом, и припекающая анемая, да люди, вклинивающиеся в русло дел, и только один человек с куражом в зияющих глазах, вносил толику горечи в мирный уклад, несясь и сбивая с ног старушек, и отвешивая затрещины детворе, даже не желая слышать их просьбы.

Канна перехватила весело мчавшегося брата и подтащила его к себе, видя его лучившийся азарт. Вайт, просто пучил зеленые глаза, и ждал ответа, прислонившись к белоснежной извести на каменной, кладке пожелтевшей стены из проклюнувшегося ряда треснувших кирпичей. Отдышавшись, и поправив темную челку и искрившегося испариной лба, тот пересохшим горлом проговорил, с малой хрипотцой.

– Все будьте покойны. Это обычный плут.

– С чего взял? – осанисто приподнявшись поинтересо-

валась Канна, отпустив дрожащие плечи брата, стрельнув в него своими ореховыми глазами исподлобья.

– Он кличет себя Клайдом Безродным, – усмехнулся он, – тем, что пал в битве за Антур кто уши себе просвистел чем-то другим.

Канна расслабилась, опустив натяжение мускулов скуластого лица, а Вайт видя их единодушное спокойствие, тоже сбросил груз осторожности. Ему проще повторить их личину, чем признать, что это имя затерялось или вовсе не обитало в его закромах памяти.

– Выходит обычный пройдоха, но в кой веки опасливый, – хихикнула Канна, что с её рубцом у губы смотрелось несколько неестественно, – тогда отходим немедля.

– Слушай, – резко вставил Слезил со странным выражением.

– Ну? – прислонилась она локтем к стене, натянув скулы выделив свой узкий подбородок, в саркастичной невозмутимости.

– А что ежели мы мол, поначалу убьем всех прочих, а лжеца оставим напоследок? Подпалим ему пятки, выпытаем, с чегой-то он прозывается Клайдом чьи кости землю держат, и откуда в нем столько нахальства. Что скажешь?

Он плутовски смотрел на неё, отпуская румянец впалых щек, а она утомленно повела глазами по оси век, приоткрыв рот от недовольства. Бугор Вайт со спины терпеливо ждал её решения, сдавив уста, утопив их во всепоглощающий те-

лесный цвет бороде.

– Будет тебе. Но на сей раз, без перегибов. Не переходи черты, как с той лучницей. А то будешь спать отдельно.

– Заметано, – он приблизился и поцеловал её во впалую розоватую обветренную щеку. Та брезгливо отпихнулась от его фривольности, и, наскоро обтерев слюнявое место рукавов, не смотря на него, пасмурно прошла прочь по затвердевшей глине на простор захолустного городка.

– Что с ней? – озадаченно и муторно спросил у Вайта Слизел. Но тот лишь помяв холмы плеч, отбрехался безмолвием. – Может течка? – продолжал тот, но старший брат будто принял обед молчание, заделавший немым с не совсем осмысленным выражением лица с лианами кос, падающими на развитую грудь.

– Нечего не мыслишь мне сказать? – с подозрением выказал сомнения в искренности ответов Слизел, сдвину рубец, сощуренно изнизу приглядываясь к осветленному треугольному лика брата, со спущенной по его шею бороде с клипсами.

– Течка, – басовито кивнул Вайт, уходя от ответа, как опаляющие лучи за набежавшие облака. Их недомолвка казалась имела почву, которую в кой веки не смышлённый брат таит.

– Ладно, черт молчаливый. Но помни, я все ровно дорожусь до правды, ведь я умнее тебя, – усмехнулся тот, с изминая свою мордашку в хорька.

Вайт сблизил крупные брови, и бойко толкнул брата в грудь и тот, распластавшись плашмя, повалился на спину, поверх застывшей грязи. Ещё не успев опомниться, видя просинь бескрайнего неба в порезах облаков с анемаей забежавшей в зенит, он услышал раскатистый братский дурной смех, который обычно до стянувшей крови страшил их недругов, на расстояние.

– Ты умнее. Я сильнее. А она красивая, – после этого, не подавая руки брату, он грузными шагами пошел за плутающей удаляющейся фигурой Канны по натопанной тропинке в высушенной потоками света глине меж лачуг с крышами из сена. Слизел непонятливо покосился на отдаляющуюся широкую спину брата, укрытой пенулой, и, отряхнувшись от пыли и мелких камней, впившихся в плоские чресла, подскочив с положения лежа, проследовал вслед за ними, за сданным оружием. В этом они были равны друг другу – *В навыках хладнокровного убийства.*

2.

Команда бравых борцов с куйнами, не стала уходить далеко, и, въедливо исследовав округность лесного бора на припасенные подлые ловушки, расположившись на бивак, чуть дальше места сечи, распаковав выюки со снедью. Моз и Коб, развели костер, и на двух крепких рогатинах, что нашли в окрестностях, сорганизовали котелок, в котором полага-

лось варить похлебку. На опушке в непрогретом лесу погода ощущалось все же погожей, и то и дело можно было слышать клекот, сквозь затмевавшие свет верхушки обступивших препоной, недоброжелательно ошестинившихся ветвями и шишками елей.

За все невзгоды преподнесенная прогалина, была очевидным местом лежки стаи куйнов, и то и дело на просторах образовавшегося в омуте древостоя пустыря, встречались обглоданные кости, гоблинов, коренастых дворфов, и незадачливых эльфов, а подчас и особые крупны жилистое лакомство – *орков*. Смешавшаяся Рыба прижала уши, будто входя с ними в симбиоз, отвращения и неприятия этого неприятного места. Она сидела с краю поваленного мшистого дерева, ободраным когтями от коры давешними хозяевами, и, суетливо обтирая рукоять лука, что промокла в смоле и пахучей крови, когда она откинула его. И пока все медленно высушивали выжатый сальный пот с разогретых тел, Калиб эмоционально рассказывал Джоалу, о своей лепте по защите Сира. И тот хоть до конца не отошел от зацепившего потрясения, чутко вкушал, и даже слабо улыбался, замечая нотку жизни на обветренном лице железного характерного солдата, ведь шрам на скуле гулял по возбужденному лику рассказчика, эмоционально воскресшего за любимым делом.

Тишину разбавили трели птиц, и слабый ветер, раскачивающий мачты древ, с парусами разлапистых шуршавших веток, а также трескотня сухих веток кои поначалу жертвопри-

ношения долго слезоточиво выпаривали влагу, присовокупляя сие заклятие страдания дымом стяженной влаги, а после ко всему примкнуло рокотавшая кипень воды в чугунном котелке. Почистившие овощи, и намеревавшиеся бросить в клокотавший котел порубленные грибы, Моз и Коуб, услышали тонкий писк встрепенувшейся Рыбы, которая тут же смягчилась, опуская стоймя повисшие уши и червлёную копну, расслабляя мускулы стянутого в кулак лицо, одушевленно поминая, что она скорее всего не получит ни ложки из этой похлёбки. Она в кой веки приятно ошиблась.

Коуб, попридержал смахивающую руку, и тут же обернув к ней отзывчивость, спросил с неё, ясным и почему-то весьма лояльно вкрадчивым голосом.

– Не любишь грибы? – его карамельные кудри слабо трепыхались по забредшему ветру, а и без того малокровное лицо сузилось в вопросительной гримасе, выделив тонкий прижатый нос, на желтоватых от пламени светлых глазах, изредка отражающих лопающиеся столпы искр от марева огня.

– В том то и закавыка, что излишне люблю. Вот и несет меня от них, как лавину со снежных гор...

Оба ратника невольно посмеялись, от её произвольной сорвавшейся с уст метафоры, но она сохранила застенчивое спокойствие, то и дело, сидя на обзоле, исподволь поглядывая на хозяина. Её хозяин, сохнувший на квелом ветру от залившей его и без того выдававшей невзгоды одежду, неотвязной пахуче каперсовой кровью, стоял поодаль от лагеря и, держа

правую руку на эфесе, то и дело буравящее осматривал, границы, меж столпотворения вековых сосен, ища запропастившегося Гайта. О нем казалось, все позабыли, окромя него.

Когда дивный аромат, расцветающий в ворчливо булькающем котле, дошел до ноздрей Рыбы, она почувствовала очередной вяжущий приступ урчания в животе. Бросив лук, обхватив его осемью крупными пальцами, та выпучив густо синие сапфировые глаза под бордовыми бровями, сделавшись салатовой на ныне снулом округлом лице, боявшись до отнимания языка, как вот-вот начнётся вторая порция несварения. Но сквозь жалобное потрескивания веток от поднаживающего их истлевания ветра и общего бича костра на земле, да трели птиц с отдаленным кваканьем, Коуб, расслышав зудешь кишечника, дал самую верную оценку.

– Кто-то проголодался, – он тепло улыбнулся ей и вернулся к вареву. Моз не поняв её лояльности, подавил свои недвусмысленные намеки, и, повернувшись с слабым лязгом кольчуги в сторону виконта своей челкой, выбивающейся испод съехавшего льняного чепчика, покашляв в кулак, учтиво спросил своего сира.

– Виконт Джоаль... инда как быть с Гайтом, коли тот не воротится до ночи?

– Бросить паскуду, – вскинувшись, огрызнулся сквозь зубы Калиб, который растерял весь перелечивай настрой своего воодушевлённого рассказа, сощуриив широко расставленные серые глаза, поверх незнаемого шлема колпака.

– Если позволите решения приму я, – упираясь головой в наклоненный ствол облезлого дерева, который куйны выбрали для точения когтей, будто себе под нос мычащее произнес Джоаль.

– Право, и вы помилуете эту сыкливую собаку, которая бросила нас... вас, и удрала сверкая своей трусостью? – разочаровался Калиб осев краями квадратного дубленого лика.

– Вестимо – нет! – оживился тот, оправив кауф не отрываясь от испещренной колеями когтей заболони, однакож умяв тон в патетическое русло. – Но, и вышибать не стану. Тощий, как и я, большую часть жизни провел в стенах замка, его смятение вполне закономерно. Не скажу, чтобы я поступил лучше, случайно зарубив жадного зверя.

– Но, он жалкий трус и дезертир! – не унимался исходящий желчью Калиб, а Джоаль украдкой заметил, как при резком слове «дезертир» Моз, помрачнев, скрыл натянутое на череп лицо к мареву дыма от костра, возвратившись обратно к стряпне ища в нем спасение.

– Я сам разберусь с ним. Требую воздержаться от самосуда!

Бывший сотник, получив прямой указ, притворно примерившись, отвернулся и принялся насуплено всматриваться в чашу. Он скрепя зубами долго въедливо вглядывался, игнорируя затмевавшие гнус и редких цикад, бульканья навару в омуте котла поверх взбаламученной ряби над ним, клетота хищных птиц, шуршания Рыбы, что все так же с прямотой

настырно старалась стереть смолу с рукоятки темного лука. Он даже не заметил, как виконт оторвался от плавной заболони и пошел через валежник в сторону от него. А все оттого, что среди нависших паутиной ветвей впереди, он казалась, приметил чей-то отрывистый как наваждение силуэт.

Он не сразу постиг захваченное глазами, но отчетливо приметил две вещи. Это плотно прилегающей черный плащ, идущий от головы, закрывающей почти все тело, и голову остроконечным башлыком, (отчего лица было не разобрать) и как не странно, (он посчитал, что ему сие аналогично привиделось) босые до бедер белесые ноги с умеренной мускулатурой, что небрежно возвышались, пока некто перешагивал поваленные деревья в глуши. Калиб был не шибко зрячим, но отчего-то счел, что бледная кожа ног, определенно принадлежит молодой девушке. Он поглотился проплывшим образом, и окружность для него растворилась...

Джоаль уминая ветви с аккомпанементом хором хрустящих игл, подступил к муторной и в тоже время старательной Рыбе, что истово скрывала опальный стыд, за скрупулёзной и не плодотворной работой. Та все так же груздём восседая на пне отдавая от себя бадьяном, не поведя на него взглядом, продолжала упористо стесывать салатовыми ногтями смолу, которая заходила за вытянутые в когти ногти, а под ними уже вскоре устроился липкий спрессованный янтарный налет. Виконт сел рядом, отчего бревно качнулось, и гоблинка вместе с ним.

– Будь покойна, я попусту хотел вернуть твоё оружие, и сказать важную вещь, – он протянул ей нож, на котором застыла желтая кровь, что стала походить на стылый оттенок халвы, мельком все ещё отдающей солоноватыми каперсами.

– Если тебя надобно поднатаскать мыть за собой тарелки и ножи, то ты не по адресу, – как обычно хрипловато и брезгливо ответила Рыба, без тени лояльности, даже не подняв на него спущенный взгляд, продолжая жмуриться и треть согнутый черный прут, отчего у неё тряслись концы ушей, и серьги в правом ухе, вместе с неладно повисшей миной.

– Нет. Твой нож уберег меня. Спасибо, что не забыла обо мне, – он спустился коленом на спрессованную массу кластера веток и палых иголок, и низко поклонился, опуская бурую челку и честолюбивые манеры. Рыба заметя этот галантный жест, как от огня отвратилась, и влилась сведенными щеками в более темной оттенок относительно её обычного зеленого.

– Перестань! – тихо пискнула она, дрожа как при припадке. – Хозяин меня отругает...

– Пусть сперва выговорит мне, – величаво, задрал нос виконт, заверяя её в своей непогрешимости. Но ей это не на толику помогло.

Джоаль выдержал должную патетическую паузу и вернулся на пень, который опять покачнулся, и едва не повалил приземистую девушку, чья напыленная гримаса опять была близка к падению за борт лодки при болтанке. Рыба насилу удержалась от качки, и, переменив орудие своей деятельно-

сти, сбегая от овладевающих дум, стала усердно сдирать налипшие остатки въевшейся липкой зуды остриём вороченного ножа.

– Твой хозяин, славный воин. Выступил один, и повалил двоих. Не зря по нему щебечут в этих краях, – не замечая особой заинтересованности в её унылой мордашке, он решил развить эту мысль, играясь на её чувствах надеясь отлучить от терзавших бед. Тщетно.

– Если Уика будет нам благоволить, и мы все доберемся в сохранности, хотела бы ты попасть на прием в столице Майзы? – совсем уж издали повернул он, намереваясь пробудить её чувства. Его ждало не совсем желанная реакция.

Риба недобро хихикнула, ощерив острые зубы и отверзавшуюся как навесной мост челюсть с клыками, собрав щеки в волны складок с двумя ямками, но почти тут же вернула прежние выражения гладкого округлого лица, и тихо отзывалась, пока в стороне трещал костер и перешептывались ратники под зов легкого ветра.

– У вас сир, явно прохудилась память. В Майзе негоже показываться нелюдям, вне двора. Это непопираемое правило ввел Сибульт первый, опосля посягательства на свою жизнь. Один скудоумный эльф сделал все, дабы подорвать к нам последние нити доверия, которое отчего-то ещё нужно защищать у тех, кто бесстыже отымают наши земли...

Она поумолкла, и, приведя лук в должный вид, поняла, что больше её нечем занять дрожащие руки, отчего она впе-

рилась на Моза с Коубом своими бездонными, как океан синими зеницами в опахалах бордовых ресниц. Джоаль поняв небольшую печаль в её вечно отдающем хрипотцой голосе, решил развить наболевшую тему малой девушки.

– А что станется, коли племянник королевы, известит весь свет про милость со стороны девушки, которая имеет природу гоблина, но, тем не менее, спасла мне жизнь?

– То ему молвят – она, дескать, молодец, но коли надвинется к воротам замка, ближе, чем на лигу, её трупец наспигут соломой, и, посадив на кол, поставят на пашни, отгонять бажуров.

– Кого? – не смотря на обиженный тон, девушки с жаром спросил тот. Она, метнув на него свою голову, отчего затряслись серьги в правом ухе, и взметнулась копна червлёных волос, лишь чмокнула выпяченной губой, опуская разъявленные от век сапфиры, имитируя невероятное разочарование.

– Ты поведаешь мне кто они, или сия сакральная тайна? – ухищрением решил обыграть вопрос виконт, поглядывая на ствол дерева, по которому пробежалась хвостатая белка, в очах которых блеснул лучик отражения костра, покуда в зубах у неё почивал жук так же отражающей в амниотической оболочке все те же языки полымя.

– Ну как мне тебе их обрисовать? – опав плечами, развела она короткими наработанными руками. – Вострый крючковатый клюв больше шлемов ваших служивых, да крылья зеленого окраса, что помогают прятаться в кустах. А ещё эти,

златенькие когти на розовых лапах, на которых они легко кожу с тебя сдерут, и бзднуть не успеешь.

Безродный, который как раз проходил рядом, остановил на неё колющий взгляд, и та опять опально ежившись, сморщилась, как обожжённый цветок усиленно заблагоухавший своим мускусом. Следопыт, отвязав от неё недовольный грозно укоризненный взор, ушел по делам дальше, а Джоаль, смотревший, как усталый Клайд оседает возле других ратников в пределах марева костра, раскрывая свой мешок, заговорщицким шепотом разузнал у смявшейся пожухлой Рыбы.

– Слушай, а отчего наш провожатый, так лют... или дело во мне?

– Да кому ты нужен, – ворчливо испустила она, и как-то по-идиотски высунула острый темно-синий язык, меж башенкыков, скорее всего стараясь выразить ребячеством, суть нелепицы его запроса. – Он мной, конечно же, недоволен, оттого и кислый как моча.

– Чем же? – стремительным выстрелившим вопросом, попытался отогнать, мысль о кислинке виконт, остро коснувшейся его языка – она умела усиливать воображение. – Я видел, ты недурно разила их. Ну, вернее слышал.

– Разила да, но мне живот поджимал, как капкан...

– Ты больна? – тут же тревогой отреагировал виконт, забыв о прошлых скабрёзностях, перебивая её своей прямо-той. Сыграла вымуштрованная куртуазность, по отношению, пускай и к сумасбродной, но все же... леди.

– Не совсем. Такое случается, когда я лопаю грибы, – зачесала она шею, косясь в розовеющее небо, странной гримасой.

– У тебя на них аллергия?

– Аллергия? – свалила она брови обратившись к нему с нависшем на посмурневшей мордашке вопросом.

– Ну, нестерпимость, как если отчего-то тотчас неумогу. Горящие пятна на теле, вздутия лица. Несварение...

– Эвона как зовётся, – уловила она очевидно доселе неизвестный термин, обретя новое слово в запасе не родного языка. – Не то, чтобы на сами грибы, а на количество... – после этих слов она замолкла, и, наострив лопухи зеленых ушей прислушалась. Джоаль заметя её реакцию, так же повел головой. За их спинами с вороватым треском гнулись ветки. Щebetавшие Моз с Коубом, получив тычок и соответствующий знак пальца к устам, от Клайда смокли, а тщетно изыскивающий образ Калиб отставши вниманием не смигивающих век, от неизвестного ему силуэта, расторопно схватился за секиру. В их лагере все обмерло, кроме побулькиваний начинки черного котелка, и легких потрескиваний тлеющий углей в жевавшем их огнive.

Последняя граничащая с их биваком ветка надломилась, и пре все ещё алом свете бьющим через щербины пышных сросшихся ветвей, к ним протиснулась замызганная всем чем придется рябая кожа снулого Гайта. Он был с мелкими подтеками засохшей желтоватой и не только крови на пуль-

сирующем краской краплёном лице, и пальцах, а краги убергли локти, пока он бежал прочь, терзая свою тунику, рвав герб дома Джоаля от возобладавшего страха. Он был, как и прежде застращан, и крайне встревожен не отпускавшим чувством, и лишь когда рыскающее проедая их лагерь увидел своего виконта целым, слегка расслабился спуская одну гору с тонкой спины, но лишь за тем, чтобы вскоре подкошенным пасть на колени, уперев чело в устеленную шалупонью землю.

– Милостивый сир. Мне нет прощения, – глухо и истошно, жалобно канючил он в рыхлую землю, чем потешил Рыбу, хотя это и не должно было вызвать и налета улыбки. У неё было скверное чувство юмора.

– Дезертира надлежит обезглавить, за столь низменное предательство, – окончательно вставая со своего пригретого места, ядовито отозвался хмурый как туча Калиб.

Все прочие выжидательное немотствовали, а раболепно челобитствующий Гайт не поднимался, ревностно вдавливая иглы в пересмешку с гнилушками коры выстеленных на земле себе в лоб. Гоблинка спрыгнула с заваленного вытянутого мшистого бревна, обрамлённого соблазняющими её нутро трутовиками, и осторожно обошла ветки, оставив их наедине с журьбой. Она опасалась гнева хозяина, но тревожить приватную канитель оруженосца, и его сира, она тоже не намеривалась.

Она плутовато подкралась к Мозу и Коубу, избегая пе-

ресечения взглядов с хозяином, который полностью невозмутимый внешне жевал вяленый окорок. Присев и сложив под себя короткие ноги, она кротко дернула за рукав рубахи звякнувшего кольчугой Коуба, и тот без каких-либо задержек, достал ей небольшую плошку, и сбыл туда порцию горячего варева сочного бульона, с разваренным мясом. Когда ей дали жалкий ломтик хлеба, она почтенно кивнула, чуть не расплескав все густое содержимое миски, змеившейся дымком, упоенным пряностями, на свои изрядно испачканные кровью и смолой льняные штаны.

– Что надлежит выделять стоящему оруженосцу? – почти без надменности в тоне, произнес искоса косившийся Джоаль, не подымая Гайта, что резал себе лицо новой порцией иголок и пупыристых веток елe, выпирающих из цапучей к нему земли.

– Беспрекословно служить своего господину, – приподнялся он, чтобы его ввалившиеся щеки, прикрашенные в грязи, да редких следах выцветших игл были видны, как и понимание на осевшем лице.

– И? – продолжил тот, не смягчаясь в корящих интонациях и унижительной патетике.

Поразмыслив под стук собственных зубов, и скривив не находящее себе место лицо, он искал в памяти самое важное, и тут же уразумел.

– Всегда держать под рукой меч, сира! – спохватившись, озарился его лик увещеванный ссадинами, улыбкой, спав-

ший на него пронизательности.

– Так и... – просто сделал явный эзотерический обиняк Джоаль, разведя руки и вопрошающе задрав темные брови.

Опальный Гайт лихорадочно озираясь по сторонам чувствуя покрывающий согбенную спину холодный пот, припомнил, где оставил меч, и бездумно вскочив, ветром сдутый унесся обратно к месту сечи. Виконт хотел его окликать, но подоспевший Калиб дал ему консультацию по острастке, нависая как вездесущие, укрывающие ощетинившимися колючками ветви деревьев.

– Для исправления своего проступка, ему следует дать полную отдачу в своих промыслах.

Приняв совет, проглотивший зов Джоаль, муторно развернулся и, привстав и в уставном порядке справился. – Как там твои люди? Мы можем бросить в наши рты, нечто съестное, или для начала надобно прервать жизни, ещё несколькими сказочным тварям?

Калиб оценил юмор, который нечасто использовал сам, и утвердительно кивнув, растянув свинцовые черты лица в несвойственной ухмылке, потянул его жестом за собой к огниву и зачавшейся трапезе.

Доподлинно неведомо, сколько времени потребовалось Гайту, дабы перекувырнуть коченеющую уже тленно смердевшую тушу мертвого зверя с раззявленной вдоль мордой, тянувшую, на семь оруженосцев с помощью подвернувшие

гося рычага наиболее крепкого шершавого бревна, воткнув все оставшиеся отголоски стрел глубоко по хребту сизой спины в землю. Но когда он, насилу снося подкашивающую поджилки, вонь каперсов с уже зачавшейся гнилью, ухватился, за обмотанный кожей черен, стараясь вытянуть дол меча, что ревниво ушел по самую крестовину, он почувствовал, что удача все же не на его стороне. Клинок настолько увяз в жилистой плоти, что даже не шевелился, а звук хлюпанья тормошенных в нутре прервавших движения кишкков и то и дело, обороняющееся вызволяющие пахучие ароматы разлагающейся плоти с мутной желтоватой кровью из лопнувшего струпа окоченевшего тела, то и дело заставлял его содрогаться и ощутить приспевшие рвотные позывы. Которые и так неотвязно, зрели в нем, от всеобщих ополчившихся терпких миазмов, и ненасытных копошащихся мух, облепивших открытые раны павших хищников. Он, задержав дыхание, уперся в крепкие ребра ногой, и слыша битья по вискам молотков, тянул изо всех сил, но тот зацепил дол между хребтом и ребрами, и застрял насмерть.

Дернув рывком раз, потом и два для надежности, он, выпуская столб блеклого пара из рта, сделал передышку, убирая выросшую из бусин полосу испарины со наморщенного и горевшего лба, и небольшую морось на пульсирующем горле с выпучившийся жилкой на шеи. Алый свет анемаи, медленно, но уверенно сблизился с манящем горизонтом, постепенно передавая бразды правления сумеркам вестнику ночи,

так как осень все ещё неуклонно сокращала день, и не далек был момент, когда легкая тень сумрака делается глубоким беспросветным мороком застывшей ночи. Пока он не крепко стоял, в окружение казалась издевательски возвышающихся над ним деревьев, что сбитыми рядами, под дуновения, развернувшегося под вечер ветра, шептались иглами, напоминая приглушенный смех, то мельком заметил небольшую промелькнувшую поблизости тень.

А потом ещё одну. И ещё с десятков. Со всех сторон обильных смолистых стволов, пробегали небольшие тени, чуть меньше Рыбы. Застывший с неприятным холодом на закорках, после града горячего пота оруженосец, уже хотел поверить, что группа гоблинов, улюлюкает над ним, пока не разглядел одного из них, медлительно высунувшегося из-за толстого ствола дерева при стекающем за небосклон свете.

Крупная круглая голова, относительно цилиндрического дородного тела, с ворсистым подшерстком, поднимала ввысь несколько травянисто подобных ленточных локонов, что произвольно реяли, как если бы находились под бурным потоком воды, в море. Их проникновенно прозрачные глаза, имели небольшой флуоресцентный красный огонек посередине, что, то расширялся, то увядал, когда нечто игриво любопытно отводила голову в другую сторону. Широкий свод рта, доставал бы до ушей, если бы те у него водились, но разрез не высвобождал зубов, лишь пелену беззубого мрака, на подобия глубоких недр не просветных пещер через

грот. Кисть, которой нечто держалось за ствол, имела всего три кругловатых пальца, но столь коротких, что сразу было понятно, они не приспособлены, на тяжелый рутинный ручной труд. Внезапно задранные копошащиеся колоски на макушке скрылись за стволом, как и флуоресцентный огонек в пустых глазницах ворсяного пушистого создания.

Гайт быть статья и не паниковал, если бы дюжина подобных вспыхивающих лучинами красных огней не выглядывала из-за каждого сбитого ствола, и тут же скрывались, как только он въедливо вытарашенными зеницами не смигивающие смотрел на них дольше пары секунд. А звуки шелеста, которые они издавали, либо ртом, либо ноздрями (которые он не заметил в постепенно нависающей тьме), заставляли его бросить меч, и самозабвенно вновь бежать прочь, как он и рассчитывал прежде. Цвета их он так и не распознал, так как они околачивались в призрачно навеянной точно из не откуда мгле, словно призванной проявлением их ненасытного любопытства, оставляя вскоре лишь шорохи и знакомые огни.

В смятении обливаясь стылым потом (страха), с кочевшей кровью в жилах, судорожно ухватившись за эфес, он, стиснув зубы, чувствуя непреклонно облепивший озноб и шевелившиеся волосы на затылке, дернул что было силы, с поворотом на сто восемьдесят, дабы поддеть непокорный меч, расширяя облепленных жужжащими мухами раструб. Он, минуя новые вызволенные потоки и каперсового злово-

нья, милосердно к его беде поддался, и через чмокающие звуки, податливо рвущейся мякоти плоти, и заляпанной жёлтой кровью брюха, меч вырвался как выстрелившая винная пробка.

Огорошено осев наземь, с задранном перед собой окроплённым и пахучем лезвием, Гайт не успел нарадоваться, осветив сумерки затесавшейся на его рябые щеки улыбкой, как тут же подобрившись и вострепнувшись, бросился во весь опор, прочь, от обступающей теней за завесой подернутой поволоки промеж деревьев. Во время оседлавшего ветер бега, он не произвольно с жуткой миной обернулся в застилавши место сечи маревом сгущено опавшего тумана, и любопытствующие горевшие красные огни больших голов, то и дело выглядывали промеж растворяющихся в призрачном дымке стволов, издавая свой излюбленный шелест, для общения.

В полностью опавшем сумраке, сокрушаясь сердцебиением, добежав до подсвеченного лагеря, он как раз застал байку скопившего к себе внимание латунного от отражения огня Калиба. Тот увлеченно и в который раз, пересказывал, как вогнал топор в щетинистую сизо шёрстную морду зверя, и как его безумные ониковые бельма, разъехались в разные стороны, будто избегая прямого взгляда с одичалым воином, разевая простор меж черепа. Затем он украдкой поведал, как его спасла прошелестевшая стрела Рыбы, и та, сощурившись, хлопнув себя по зеленому челу, неясно выказала ему, свое

«не за что» и именно в этот момент, в их идиллию, ворвался Гайт.

На фоне разошедшегося полымя единственного светила в померкшем лесе, он был выжито, бледен с лоснящейся пепельной кожей, даже сильнее чем обычно, а растрепанные стоймя включенные рыжие волосы, и краснота у разрытых юностью щек, заставила воспринять её неоднозначно. Мозг и Коуб, повели носом. Рыба косо бросив взгляд на меч, заласканный выуженной кровью, сочла, что тот страшится вида крови. Калиб с Джоалям, единодушно перебросились обременяющими взглядами сомнений. Только Клайд проигнорировал его, так как уже сидел в сторонке, и ел в надменном одиночестве, пропуская байки, отчего-то минуя жизнь устремляясь в сокрытую от ясности чащобу таившую каверзную неизвестность.

– Там среди деревьев! – утробно возопил тот, но голос тут же сел вместе с паром из рта. Он, не унимая пронзившую все фибры панику, неистово обернулся и, маша лезвием, глухо прорезал воздух, резкими махами, с последующими шорохами.

– Кого ты там увидел? – первым нехотя поднялся хмурящийся и брюзжащий Калиб, который меньше всего собирался реагировать на панику Гайта.

– Большеголовые! У них глаза светятся! А ещё они цокают, как...

– Как шелест листвы, – слышалось тихое бормотания

следопыта, что запил порцию снеди из личной кожаной фляги, словно в прострации наблюдая танцующий взмывающий к веткам огонь, незаметно для всех обернувшись к ним, пуская на скулы и опущенные веки тени от перетекающего костра.

– Да! – ухватившись, прикрикнул тот, но тут же изменился в осунувшемся лице, так как Клайд, сидел неподвижно, и, вскинувшись к нему, был до омерзения хладнокровен. Сотник же умял свой интерес, и отмахнувшись, обмякши, уселся обратно к виконту.

– Отдыхай оруженосец. Они не причинят тебе зла. Им свойственна лишь любознательность.

Безродный опять невозмутимо замолк, погрузившись в свои думы, скинув отсвет с томного лица под спавшие пряди, а Гайт стал постепенно отходить от трепещущегося в буйном колотуне сердца потрясения, отдающего постоянными постукиваниями в его налитые жилами взмокших висках. Первым, что он сделал, это воровато на подкашивающихся поджилках, трясущимися руками протянул рукоятью вперед именной меч своему виконту, но тот брезгливо отрёкся, ссылаясь на один не непреложный факт, лукаво косясь на него бронзовым от костра ликом.

– За мой меч отвечает оруженосец. Носит, кстати, тоже.

Покорно кивнув, он тут же нашел ножны, что порожним балластом болтались на последних нитках на его левом бедре, и с вибрацией на вспотевших кистях внедрил в них

острие, которое предварительно обтер об штанину. Залипшую пахучую кровь у перекрестья и кромки острия, ещё необходимо было тщательно отмочить. Преодолев охватившую с головой лихорадку, и с приглашения, присоединившись к поеданию снеди, и теплой наваристой похлебке, он был все так же, как каленым железом ща шею, пристыжен, за свой малодушный побег. И Калиб то и дело водил по нему гадливо сверлящее царапающим взглядом, будто не понимая, отчего он посмел покуситься на еду, а не на кору деревьев, или чешуйки шишек с ладонь, что возлежали рядом, как разбросанные выпуклые следы чьих-то лап.

Риба причмокивая, доела и, напасшись в сытной трапезе смелости, приподнялась на едва ли доходивший до их лбов рост, отошла от всеобщего восседающего сборища, вокруг озаряющего и гонящего обступившие сумерки костра. Никто не помешал ей и не спросил куда она. Каждый свыкнулся, к её чудаковатым отношениям с тем, кого она звала «хозяином» и даже оком не повел за ней. Нелюдимо обособленный Клайд вычищал застрявшую прожилку из неровных и даже со щербинами, желтоватых зубов на нижней челюсти на слабых отсветах огня, когда к нему подседа опальная Риба. Она долго молчала, смотря скорее на его котомку, которая разделяла их ложбинкой, раскрыто лежавшей под сложенными ногами Безродного.

– Я тута хотела сказать, что... я же невольню, – обрывисто начала она, но томный следопыт и бровью не повел, все

так же неотрывно ковыряя зуб, ногтем безымянного пальца левой руки, устремивши взор в сгущающее краски, обступившие непролазной чащобой пространство. – Сжальтесь хозяин! Право, я больше не буду.

Тот просто вынул прожилку сухожилия, и, неприхотливо выплюнув её в сторону, поведя языком по полости, сведя брови, прокомментировал её оправдания, исподлобья смотря в нависающий покрывалом морок, разгоняющей его вымоченные желтой кровью слипшиеся на скулах пряди, отдающие легкими каперсами.

– Третий раз, ты объедаешься ими при мне. И всякий раз, следом замедляешь мой путь. Я могу мириться с течкой, или несварением от отравленной воды, но это делаешь последовательно, и сознательно...

– Не правда! – пылко прикрикнула она на его свинцовую тираду полную умеренного яда, чем привлекла остальную часть группы своей решимостью. – Я не могу остановиться. Это как вы лепечите... пороки.

– Это пароксизм, – отозвался уловивший часть беседы Джоаль, но поняв, что его не слышат как передавленную колесом лягушку, воротился своим вниманием к новому рассказу Калиба, что в очередной раз на словах разделявал успешного в третий раз умереть за этот час, альфа самца куйнов. Очевидно, его ошалелость этим примечательным событием положительно ещё долго не оставит его собеседников.

Клайд опять медленно отрезал ломтик походного прови-

анта, и с ленцой положил ленту куска себе в рот с ножа. Он долго жевал его, неспешно работая желваками, пока Роба жалобно смотрела на него снизу вверх, развесив свои длинные уши, как завядающее листы цветов, с раскрытыми как полная радия синими глазами, под опавшими бровями. Почти минуту Клайд безразлично неспешно мучил зубами кусок вяленого мяса, а потом, не поднимая на неё серый как ртуть глаз с малым отражением огонька, смотря четко на холодную и мягкую от не вытравливаемой влажности землю, передал ей вяленную культу и столовый нож с доморощенной рукоятью из стесанного сучка. Та чуть просветлевшая слуга задрала уши, как стяги пре приветствие короля, и почти с одухотворением приняла часть его доверия.

– Спасибо, – как обычно низким тембром произнесла она.

– Точи, не переедаая, – намекнул тот. Гоблинка понимающе долю доверия кивнула и, ухватив отрезанный кусок, долго терзала его зубами, покуда не заметила своим слегка подсвеченным зеленовато-матовым лицом, прибившиеся внимание от остальных у мерцания столпов искр среди высокого задиравшихся в танце языков пламени, восходящих маревом к разухабистым ветвям вековых елей.

Не выпуская полоски мяса свиньи, она сдвинула свои темно-бордовые брови, и ворчливо чавкая, насуплено отмочила.

– На что пырите?

– Роба... – очень мягко намекнул ей хозяин, уставший, чтобы полноценно прищикнуть на её самость. Она безропот-

но доела в тишине, не замечая нечего, окромя профиля хозяина. Но кто знает, что творилось в её умыслах.

Стан куйнов, стал благоволящее удачным местом для коротко временного ночлега – учитывая, что детёнышей и прочих сторожил на лежанке, не сыскалось. И когда уважаемый жертвой стопки подлеска потрескивающий костер, изливаясь красками, пылал, чадя в небо, и щелкая сухими стелющимися ветками под короткие вспышки стреляющих углей, Клайд как самый уморившийся расстелил плотную черную подстилку изо льна. Коя часто болталась у него под котомкой, занимая много места, но имея сем оным недурную ширину и длину, как и слой, не отказывающий полноценно озябнуть.

Он улегся, как обычно на спину, положим меч под правую руку, и, заготовив кинжал, что сжал левой, позарившись на густое полотно ночи, с острым месяцем ради, зашедшим на источенное поблескивающими звездами небо. Рыба, которая долго мялась, попросилась прильнуть рядом, и он нехотя распахнул покрывало, давая ей пядь, для её мелкого тельца под левой рукой.

– Ну, хотя бы день без твоего храпа отжил, – муторно пробубнил он, когда смыкал веки, отдаваясь силе усталости.

Канна разверзла вежды затемно, в почти, сгущенное поволокой, снежно мглистое утро, обволакивающее их стан с тесниной не просвечиваемых недюжинных елей, меж приземистых опоясавших листьев близлежащих куп, покрытых волдырями капелек росы. Она подняла свою свинцовую от перепада давления голову с подстилки, и растрепанная войлочная вороненная коса, саданула её по оголенной налитой белесой груди забугрившейся гусиной кожей. Покрывало лавиной спало на второй прильнувший кулек, вблизи с которым она муторно покоилась. Первая разрезающая покров тьмы полоска зарева намечающегося зноя анемаи пробивавшая заслон беспроглядных дебрей, заставил её сморщить задранный нос, и рефлекторно курьезно зажмуриться, но уже вскоре ухватившая её рука, без особой силы притянула её сонливость ближе к пленяющему ложу.

Слизел, что возлежал рядом с ней, получил свою порцию прорезавшихся, забрезживших реденьких косых лучей по обветренной за ночь коже, и предпочел закрыться от них, нежели печься, от них, без видимой на то причины. Канна, которая на поверку не шибко хотела бодрствовать, решилась, протянув ноги, коснувшись пальцами росистой муравы, подождать ещё какое-то время. Но, с другой стороны, она немного ярилась на Слизела, отчего её фибры неприятно будоражило, и та не могла достойно усладиться глубоким сном, когда было невмочь выкинуть каверзные мысли, царапающие нутро, и до белых костяшек сведенные кулаки.

Недалече от неё обрушился почитай целый воз хвороста. Вайт привнес ещё заправки для костра, который не нуждался поутру, но, тем не менее, он как минимум справился с главным – поднял сестру из пут источавшегося сна.

Та недовольно привстала сызнова, опять обронив теплое покрывало с нагого тела. Слизел который как дымом потянул к ней руку, был тотчас одарен пощечиной, и, получив разящей заряд, разинул свои оливковые зрачки поверх белка, от выуживающего из сна, остро пробежавшегося по нему искрами недоумению. Она сжалась долговязой струной, подбрав колени, и по её согбенной мускулистой спине с выделяющимися бугорками хребта, прошла новая кавалькада мурашек, которую она все ещё не замечала, устремив свой томный взгляд в густую чащу леса, в который окончательно опал и растекся налет молочной мглы.

Они не сразу смекнули до сути обманного маневра Клайда ввиду песка, над которым им пришлось поломать голову, но уже скоро они, порыскав по распутью проселочной дороги, изыскали отпечаток сапога, который воткнулся в плато меж обрыва в ложбинку квашни трясины кювета. Проколовший землю носок был маленьким, и одаривающий вниманием пустыки Вайт припомнил, что среди группы, назначенной на свиданья с роком, промелькнула приземистая зеленокожая девушка, которую он вначале признал за уродливого ушастого ребенка. Но уйти по пятам далеко им не уродилось. Они заплутали по тесной глуши, и искусанные гнусом и сте-

ганные окружением, остановились на полпути, к ним, выморившись на столько, что их не держали ломившиеся ноги.

Правда это не остановило похоть Слизела, который, уломал Канну лечь с ним, хотя та остро была не в расположение духа. Вайт покорно ждал в сторонке, хотя и сам не раз помышлял тем же, так как и сама Канна, не желала никого другого кроме братьев. Их отношения зиждились и жили в подобном ключе много лет, и никто уже не считал это зазорным, отчего юродивость их семейства, с линии матери, только возрастало.

– Ты чего? – насуплено поднялся на локтях Слизел, испытывающие рассматривая сгорбившуюся витком сестру, и ощупывая горящую трепещущую правую щеку, с очертанием жилистых розоватых фаланг пальцев, и крепкой дланью поверх бледной пульсирующей щеки.

– Будто самому невдомек... – огрызнулась она, прижимая колени к острому подбородку, а вскоре и опуская ореховые глаза к ним, отчего отведенная сплетенная, но растрепанная вороненная коса, вновь спала через жилистые плечи.

– Я бы не спрашивал, коли бы знал, – все так же недовольно ждал он, постепенно отнимая руки, от набухшего отпечатка на смазливом лице, с задранном рубцом у левой брови.

– А то, что спускать надо на живот, мудозвон чертов! – отводя душу в сердцах проговорила она, посмотрев на него со своими пылающими матово ореховыми глазами на сведен-

ных искрящейся злостью скулах, и особо подчёркнутым рубцом на губе.

Вайт уловив крупницу беседы, даже со своим, не блещущим остроумием умом, понял суть, и сидя на сваленном трухлявом пне, под нависшим широким деревом у ещё пепельно непчатого огнива с вчера, закрытым шелестящей на квелом ветру сенью разлапистых ветвей, излил свои доводы вслух.

– Значит не течка, – он, тучно сидя на коряге, был заверен, что ответный взор сестры, который обращен на него, скорее обидчивый, чем ненавидящий, но, тем не менее, был смущен своим прорезавшемся перлом.

Слизел замолк, и, откинув руки за голову, смотря на лазурь слегка хмурого по окаемки безоблачного неба сквозь пики зеленоватых иглистых верхушек, заготовивших футовые шишки, точил ступы мыслей, выделяя муку на дальнейшую выпечку слов. Сготовленный ответ подступил скоро, и не лучшей фигурой речи – улащающей слобы не вышло.

– А может статья сие и не я. Инда Вайт то, куда чаще тупит, вот к нему и спрос.

Он был готов дать зарок, что в его голове, данный тезис звучал разумно, но её пророкотавшая реакция заставила усомниться в остроте его самоуверенных утешений. Прямо, скажем, дал он маху в своей учтивости.

– Да не одна ли малина, кто из вас одним миром мазанных имбецилов отец – мне то, что делать?! – она пыталась сочитать

укоряющим ядом, но слезы все же задушили.

Она пустила по щекам слезоточивые потоки, и по её вечно огорченному лицу, они смотрелись особенно не сносимо печалью. Закусивший губу Слизел стал немым, и как только через некоторое время, в полной тишине, булькающий под спадающей порыжелыми лианами бородой Вайт хотел отчеканить глупость, он пошел на опережение.

– А что ладить? Заграбастать денег, и уйти в подполье. Ты останешься с чадом, а мы сыщем обиходную для края работу или будем обустривать дом.

Она жалко хихикнула, на распушем от слез розоватом лице, чувствуя как солоно в гортани, и не сносимо холодно на сердце.

– Ты фермер? – сощурила она влажные розоватые склеры, в нестерпимо саркастической улыбке сочившейся боли. – Не, недурнее мне тяпнуть трав у ворожеи, и как должно поднатужиться?

– Нет, – внезапно уверенно отпустил Вайт сидя поодаль от них, возле потухшего огнива, со сваленного трухлявого пня, сдавив свои треугольные черты лица в суровой мине, от которой коченели члены, а тон заставлял чувствовать, как встают волоски на руках и затылке.

Канна и Слизел одновременно вскинулись на него, как если бы у того и взаправду план был на степень пригоднее пустой околесицы.

– Вы будете обитать душа в душу, а я удамся в мечники,

как рассчитывал раньше. Войн всегда много, а без жалованья солдаты не остаются. Пусть один из нас, станет достоин этого мира.

Канна внезапно обожглась его рассыпавшимся великодушием, и, посвежев зардевшимися чертами, жестом, подозвала к себе. Вайт смяв пенулу под власяницей, присел на колени перед ней, и она, смахнув слезный остаток, одарила его поцелуем в широкий лоб, затем и в губы сокрытые в чаще бороды. Слизел, что лежал с боку, нарочито поперхнулся, и хотел, что-то добавить, но сестра его оборвала, чуть повысив тон.

– Имей совесть мозгляк! Аль у него план гоже твоего, – младший вышел из согревающей темной прослойки кокона, одеться, покуда Вайт заслуженно, получал ласки, за своё сердобольное отношения к ещё нарождённому ребенку их омерзительного порока.

Покамест он сердито не пойми на что, натягивал обветренные брюки, и сапоги, бережно сложенные стопкой у капающего на него смолой дерева с положенным на кипу мечом в качестве груза, он скрепя зубами, уловил вдали чей-то истошный крик. И тут же раззадоренные всполохи дюжин плескавшихся перьями крыльев птиц, что взметнулись ввысь, чураясь, источника человеческих надсадных воплей. Стянув на поясе перевязь, и нацепив свою прогорклую от частой готовки рубаху, чей ворот на шнуровки, часто вбирал в себя листья, и насекомых, он, махнув длинной чел-

кой, обернувшись к родне, увлеченным скоропалительным плотским позывом, с надменной гримасой решился их прервать. Дух соперничества с братом сыграл как-никак своевременно.

– Поколе вы обжимаетесь, их могут уже перебить и растащить по кускам. И первые вклады в будущее пупса сторят.

Заарканенная Канна, высунувшаяся испод размашистой спины Вайта, явственно выразив повисшее опасливое негодование в опавших реденьких бровях, и, выскользнув, отпихнув его нависшую груду мышц с себя, отбежала наскоро облечься. В пору как Слизел праздную малую победу, недобро усмехался, Вайт поднял среднего размера опавшую на устланной иглами и колючими прутьями земле шишку, и метнул её в нахальную смазливую физиономию брата. Повисшие негодование сменил гнев, и, сощутив веки пряча оливковые зеницы, уронив бровь ласточку, младший неспешно вынул из ножен меч. Вайт проворно натянув спешенные до колен подштанники, и искря зелеными очами, ухватил деревянную палицу с металлическими колючками, и только Канна, что уже успела нацепить половину своего наряда, успокоила их один горячим басовитым выкриком.

– А ну прекратить! Нахватало вам шалопаям ещё себя перебить! – она уже натянула высокие сапоги, и подобрала свисающую помятую, тунику, которую следовало бы постирать, а лучше выкинуть. Меч и ослоп неспешно опустились, а выпячивающие губы братья смиренно вняли её укорам, кив-

нув друг другу, обозначая временное примирение обменом нерадивых кивков.

Слабо поднявшейся ветер поддувал с севера, а хорошая, для осени безоблачная погода, быстро с ясности, сменялась заступившими серыми гнетущими тучами, что выходили от верхушек отдаленных растянувшихся зубчатых отрог. Слизел, собрав остатки снеди, да скрутив одеяло, вскинул на плечо половину их вещей, передав остальное брату. И кинув в рот черствую булку, запивая её холодной водой из одной кожаной фляги, они начали преследования по тесному сбитому лесу, полному непредвиденных опасностей, к которым они по привычки были готовы, если не умением, то импровизацией устрашения. Ибо не было той силы, которую они боялись, и казалась целой армии мало, чтобы пошатнуть их бесшабашность и задор...

Ночь у отряда виконта прошла неважно. Следопыт, который казалось, беспамятно провалился в сон, не удосужился оставить дозорного, и инициативу на себя перенял Калиб, кой считал себя более подготовленным, в таких вопросах, как бывший сотник и закоренелый вояка, чтивший муштру. Тут, то он и вдоволь отыгрался на Гайте, все ещё ощущая признаки безутешной чесотки в ладонях, при мысли о несостоявшейся казни дезертира. Когда смаянный расхолаживающим на события днем Джоаль улегся в подкосившей истоме, почти на голую землю, а Моз и Коуб, почетно опоя-

сав, заняли место у огня, придерживая обмотанные кожей рукояти штампованных мечей готовые вздернуться при пенке под зад, Калиб все ещё недоверчиво смотрел на рябые щеки оруженосца, по которым бегал тлеющий огонек от постреливающих углей из огня, слизывающий конопатки. Тот мнительно, по стойке стоял, придерживаясь за меч, и поколе все последовательно смолкли в спущенной покрывалом ночи, предаваясь блаженному сну, он, пуская пары пара из ноздрей, постановил каждые тридцать ударов сердца вертеть сдавленной страхами головой в разные стороны света, с каждой из сторон которых стоял обвод недоброжелательных темных стволов деревьев, скалящих свои ветви, и редко пронося в своих стойбищах отголоски борьбы ночных хищников с их добычей.

И первый час с последовательно спадающего на колевшие плечи хлада, нечего окромя отдаленного шороха, мелких зверей, что охотились на своих малых соседей, да докучающих комариных облюбованных, он не примечал. Только осерчавший ветер смиловствовавшись стих, а небо окончательно заволокло бескрайним покрывалом приветливо смигивающих звезд со скосом белесого серпа ради и иссиня-голубой путеводной Уике, которые все в равной доле заставляли бы его умилиться сему празднеству белых отдаленных сотней тысяч световых лет вспышек, если бы камнем на сердце не возложенная, ответственная задача. В качестве безобидного развлечения он решил считать прихлопнутых

им напористых самок комаров, что почти осадой туч напустились с наступательным воем, ложась на его испещренные щеки и открытые участки обдуваемой шеи.

Но ближе к половине полутораста хлопков, когда казалось, он уже не в силах был держать ломившие веки поднятыми, а Калиб, обязывавшийся встать его на смену, то и дело бурно гулко сопел, будто соревнуясь Рибой, в раскатистости храпа, у него заныли поджилки, ладонь готовилась стать горячей мухобойкой, а шея отбивной. Стоило продутому и невпример своему быту зябнувшему Гайту спасительно присесть на сваленные пни, с ободранной зверями корой, и опереться на доверенный меч в ножнах, возложив подбородок с порыжевшим пушком на оледеневшие краги, как он чмокнув сонно наблюдал полу слипавшимися веками отдаленную тень. Он все ещё был вял, но как с искрой за шиворот насторожился. Когда точно гаркнувший треск костра позади, отвлёк его, он увел взгляд с растерянной сонливостью, и, воротившись, на точку, столь сильно приковавшее его оживленное внимание, обнаружил пучину пустоты, западающую между сбившимися слабо озаряемыми их костром стволами, где только, что мелькнул призрак. Его тяжелые веки, тут же получили новую силу, и он от отгоняющего желанную дрему испуга, стал выпрямляться из пружины, и даже крепче захватил рукоять, пока участившиеся пары воздуха высвободились из его ноздрей, на свежесть ночной стужи.

Когда он урвал движение вновь, то не поверил своим вы-

дулленным очам. Перед ним посреди убористой чащи вальяжной поступью блуждала фигура, укрытая с головы до бедер, темным плащом, а ниже та была боса, и, не робея ни пред иголками не редкими острыми валунами, да выпирающих корней с сокрытыми ловушками, уверенно брела в его сторону. Он был готов побожиться, что она будто озаряла себе путь, при том, что была покрыта сплошь черной, словно антрацит мантией, коя с каждым её новым размеренным шагом, обретала новые очертания. Наконец, он, чувствуя, как зачала стечь кровь в жилах и прерываться горячее дыхания, возмог узреть, по кромкам облачения зазубрены, и постиг, что накидка скрадывающее её черты, всецело состоит, из перьев. То, что это была аккурат «она», выдали её тонкие голенастые босые ноги, и сублистная фигура, что, несмотря на плотное перистое одеяние под стать хламиды, все же была женственной.

Когда она беззвучной поступью по ветвям и иглам приспела почти в упор, бархатными движениями перешагивая спавшие или наклоненные набекрень деревья с остатками сколов пней, и бугры, он все ещё с замиранием сердца, обмершее духом, с ошалелостью буравя, смотрел на неё, не решаясь, даже моргнуть, сам став подобием белой кости. Воочию представшая бледная кожа, словно откликом от радиисветилась в ауре ряби, отчего упомраченный Гайт с посиневшими губами и перебравшейся в пятки душой, даже начал отчетливо видеть её бледные ногти на босых стопах, и прита-

ленные тонкие пальцы, выпирающие из широких перистых рукавов. Когда она, не роняя не звука в тиши подступила, почти в упор, он слыша лишь звон в ушах с бесновато колотившемся сердцебиением затрясся в оцепившей холодным потом лихорадке, и хотел было крикнуть, но та беззвучно поднесла и приложила бледный и тонкий истощающей белое сияние палец к черному ничему, где должен был обретаться рот. Только тогда он заметил манжеты, имитирующие полноценные крылья, черного ворона следующие при её неспешных движениях. Тут же онемевший оруженосец, мог долго вглядываться в её необычную фигуру на фоне тлеющих углей пробивающихся за ним блеклым заревом, и загадочную пустоту на месте лица, или острый башлык с толстыми краями, кой скрывал голову так прилежно, что не оставлял шанса, узреть очертания ни уст, не ответ глаз, что могли отразить если не его испуг, то хотя бы редкие искры углей, что постреливали за его спиной, пока она деловито любопытствуя обходила его.

Но все огни, как небесные, так и отдаленные, с неясной ему антипатией не косались её как прокаженной. Она точно отреклась от мирских заурядностей, став самолично величаво излучать свет, и небольшую дымку, подобно слабым эфирным лучам исходила от её неясной оболочки, очевидно скрывая, загадочную ауру нутра. Она, опасливо шагая обошла дальше, а закоченевший истуканом Гайт, только и мог, что следить за ней склерами, даже не способный проглотить

упиравшийся комок в горле, то и дело, рассчитывая поперхнуться чем разбудит сопевшего Калиба. Который, заметя обстановку уж точно, утолит свою недовольство им, разрубив его пополам за такую халатность.

Босая девушка в вороненном оперенье, не опускаясь до шороха, пристала к огню даже не отпустив тени, и нависая над ним, долго метила в него клоакой за место лица, покуда Моз и Коуб, не шевелясь, лежа на боках, грели себе спины от последних отголосков затухающих сиплым пеплом углей. Гайт, все же решился, и, набрав воздуха, собираясь ей, что-то вымолвить. Но тут все же точно воскресший, чмокнув, поднялся Калиб. Оруженосец с пеной у рта, прожужжал об этом поутру почитай всем, ещё не раз, но то, как девушка распалась на перья, и беззвучно растворилась в чаше свернув отблеск, никого не убедило, инда Сотника, который тоже украдкой заметил её.

Ворча себе под мясистый нос, день ото дня стареющий ратник, поднялся на затекшие колени звонко пошамкав не снятой кольчугой, и, с лентой почесывая заднюю часть тела, обнаружил закостеневшего меловокожего Гайта, который зависнув в иступленном выражение, все ещё неотрывно смотрел на опустевшее место под сложенными в полукруг камнями, где только, что стояла незнаемая кудесница, пришедшая как ветер, из непроглядных толщ леса.

– Ты москита проглотил, иль чай на колючку сел? – небрежно поинтересовался сотник, выпуская клубы обледе-

невшего в миг пара, но видя молчаливое помутнее в его выпяленных до предела глазах, лишь пошловато усмехнулся, добавив. – Тощий, дуй спать, на сегодня с тебя остратки хватит.

Так дозор сменился, но не ночные странности. Хоть Калиб был великовозрастным и тертым, он иногда сам себе не мог сознаться, как он нестерпимо боится темноты и дежурства в беспроглядной опавшей на его плечи ночи. Он часто предпочитал иметь под боком компаньона, даже если тот и безмолвствовал, он всячески уводил желание: рефлексировать экзентициальности бытия; о подкравшейся старости; трепете неизвестности, аль о возвращении жупела всей мирадении Некроманта.

И в эту неладную, не по-осеннему студеную ночь его грызущие за пятки страхи подтвердились. Знакомая особа, ещё по дневной передышке, крадучись высунулась из-перекошенного и надломившегося в середине ствола, подкошенного в уверенности сильными ветровалами дерева. На внезапно проклюнувшемся из-за отмежеванной тучи свету месяца радики неизвестная особенно, запала ему в зачавшую терять остроту память. Её размеренные, почитай опасливые движения, и мосласто утонченная фигура, с непонятно отчего, отдающее белизной в ночи босыми ногами, и голыми малокровными бедрами, то и дело отдалялись короткими шашками от деревьев, направляясь к нему. Он не мог поверить и как очарованный, неподвластно себе встал с поваленного

дерева. И тут же неизвестная застопорилась меж обрубленных веток. Она, долго одревенев стояла, задрвав блистающее мглой молочно белое колено над поваленным деревом, пытливо наблюдая за ним из черни накидки, пока тот на оловянных ногах не сделал шаг к ней, а та от него. Секира, что задержалась в рукавицах у Калиба, опустилась, в знак доброй воли, но от этого её расположение, не смягчилось.

– Подожди... – робко растерял шепот он с новым клубом пара, до последней клеточки тела замороженный её манящим образом, но она, уже ретируясь, зашла за очередной толстый ствол отдающего смолой древа, и улетучилась, словно пар. Он долго не смыкал вежд, часто работая легкими напаиваясь духом хвойного леса, безутешно наблюдая за тем местом, где потерял её из виду, но не пёрышка, с её одеяния, не высунулось назад к его ненасытному ожиданию. Он был невпри- мер обижен и форменно разочарован, отчего скривив мину отбросив секиру на землю, у лагеря, чуть с размаху отводя душу, не пнул Моза, кой так сладко почивал, не думаю ни о чем, погруженный миролюбивым сном, что ни мог не вызвать поползновений зависти старого вояки, увлекшегося загадочной кокеткой.

– Подъем! – гаркнул он, вместо отправки сапога в ребра, и Моз хоть и, не совсем понимая, происходящего, вынул меч, и как умалишённый на ватных ногах отошел, от сотлевшего огнища, для ведения дозора, со слегка сонным и отечным лицом.

Пока раздосадованный вновь ощущающий ночной холод сотник выгружался на подстилке и укутывался в кокон одеяла, он услышал вновь усилившийся храп Рыбы, что ворочаясь вновь опала на спину, и спустя какое-то время, он из-за наплывших раззадоривающих эмоций, не смог смириться с этим и с возроптавшим отвращением пробурчал вслух.

– Ну как можно так бесстыже храпеть? – вскоре он заснул глубоким сном, и все вышесказанное к гоблинке, как-то неожиданно перекачивало на него.

4.

Подменивший Моза Коуб продрал слепленные сном веки в положении сидя. Он непростительно проспал свой дозор, и, если бы Калиб не дрыхнул, как вымотанный конь, получил бы тыльной стороной его рапиры по курчавому затылку. Но Сотник все ещё невозмутимо дрых, а нависший бич обуха его топора возлежал под левой ногой, и отдыхал сообщая с хозяином. Первое, что заметил в забрезжившем алым светом во все ещё спящем лесе Коуб, был Клайд. Что, стоя примкнув к стволу, дотошно обозревал лесные уголья, утопленные в, словно сдуваемом новым днем дымчатом тумане, и каждое дерево по отдельности сваей выплывало из власти густой и молочной поволоки. Кого именно выискивал меж сбившихся нерушимым редутом деревьев и мелких свежих кустов с налетом росы следопыт, или стоит ли готовить-

ся к бою, Коуб, не ведал, но растрепав волнистые волосы, сгоняя осоловелость сонливости, он с хрипотцой холодного утра заломил.

– Не спится? – он тут же кашлянул, так как за ночь, его горло немного промерзло, а дыхание свело, от легкой утренней осенней стыни. Клайд не сразу ответил, а лишь тогда, когда оторвался плечом от коры, освобожденной от веток, круговоротом обернулся.

– Я не сплю, – на его муторном скуластом лице было столько твердости, что прекословить с ним не хотелось, хотя тот отчетливо припоминал, как следопыт, лег и, закатив веки, неподвижно пролежал на покрывале, не делая поползновений чихнуть или лишний раз встать по нужде. Будто услышав мысли ратника, Безродный вызволив из буреющей стылой челки яркие серые зеницы, разъяснительно нашел, что добавить. – Снов, во всяком случае, я не вижу, покудова захожусь в походах.

– Но иной раз, как возвращаетесь домой? – незадачливо все ещё хрипло поинтересовался кривившийся Коуб, растирая своё горло, которое с садней, зудело.

– Мне нет приюта. Путь странника этакое и не подразумевает, – на ходу бесцветно отчеканил он и вернулся к своей поклаже, которая была рядом с его черной подстилкой, и слугой, что, не прекращая сопеть, была укутана по горло, покрывалом, дабы стравить её гам.

Приметивший сие ратник, отметил эту просквозившую

небольшую заботу, оказанную хозяином, и решил вновь рас-
трясти его просквозившую крупницами общительность, если
тот невзначай вернется к нему. Вынув пару стрел из кол-
чана, и взяв свой захудалый черный лук с натянутой узла-
ми через мелкое игольное ушко у концов прута, Клайд вер-
нулся к огниву, и, взяв рукоять, правой рукой подложив ту-
та же запасную, он вложил перья в пальцы левой, и присев
на колени долго вглядывался в плотный утрачивающий об-
лачность неизвестности бор. Повисший на устах вопрос Ко-
уба растворился сам собой, и тот, почесав свои карамельные
кудри, втянув впалые щеки, лишь с замиранием духа наблю-
дал за малословным следопытом.

С повадками хищника, Безродный в своих каучуковых
сапогах, осторожно ступая по некрепкой росистой земле,
и устланными веткам, двигался с грацией, и уже вскоре оття-
гивал тетиву с плюмажем, пока наконечник не приблизился
к его выпавшему из перчатки перстню. Что приветливо блес-
нул от серебристой гравированной оправы вокруг и самого
овального гагата, и бликом попал в созерцающее око Коуба.
Плечи лука, изогнулись до предела, и только тогда, заряжен-
ная стерла, была испущена на волю. Прошелестев по лесу,
разрезая стылый воздух и пространство меж мелких кустов
и подлеска, что единодушно раболепно приклонялись пред
разящей иглой в волнении, она достигла избранной жертвы,
отчего следом раздался истошный визг мелкого ужаленного
сталью животного. Он был столь невзрачен, что явного эха

по рассеивающейся мути не пошло.

Поколе ратник тщетно исследовал ареал жертвы, он видел лишь окаймляющий туман, что все ещё упрямо гнезвился над соснами, и покуда, было ещё ранее протачивающее себе путь утро, и первые алеющие просветы зарева анемаи сквозь ерши веток, он имел полное право, застояться в своем обреченном упорстве. Редкие утренние трели птиц, только начали наполнять прорезаемое отливами лучей пространство сгрудившегося леса, и кратковременный ветер, что покачивал колючки с крупными шишками, то и дело прерывал это тихое, разумеется однообразное, но бесспорно красивое пение животной фауны, свистом в уши.

Не проронивший ни слова следопыт, ушедший вглубь постепенно колыями света озаряемой чащобы, уже воротился. В спущенной руке у хладнокровного Клайда, болталась странная на внешний вид тварь. Габаритами чуть больше куницы, зверек имел все шансы считаться и крупным грызуном, и одновременно с этим, попыткой изобразить из себя подобие дикого и агрессивного зверя, с которым шутки плохи. Широкие когти завито свисали из обмякших передних широко расплюснутых лап, а их длинна, спокойно позволяла впиться таким в глазницы, и вырвать кадык, незадачливому путнику, если у существа появиться на то острая необходимость обороняться, сиганув с ветки. Вытянутая морда с черным пятном носа и щелевидным разрезом у вытянутых желтоватых сцепленных зубов, очевидно нужна

была для разрыхления почвы – *может они были норными жителями* – мельком посчитал Коуб. Зверь был не шибко крупный, но следопыт нес его за шкуру, а не за лапу, так как задние были довольно мускулистыми, а передние длинные, и под движением раскачивали тушку столь сильно, что та била бы Клайда выше кален. Цвет шерсти зверька напоминал собой, бурый с пропалёнными, и порыжелыми проблесками пучков, длинных локонов на его сглаженной макушке. На которой к слову была пышная шапка копны, скрывающая отверстия для ушей. А вокруг мелких сжатых после скоропостижной смерти глаз, были черные обводы в форме овального листа лимона, напоминавшие мешковатые синяки после схватки. В шеи зверька, зияла сквозная рана, из которой текла темно зеленая кровь, оставляющая окропляющий след, по пути из глуши. У животного были, окоченело, стиснутых желтоватые зубы, и два передних, что особенно выделялись на его застывшей гримасе со смежёнными веждами, как если бы он съел чего-то нестерпимо кислого или горького, и, скривив лицо, шел вымыть на водопои этот докучающий саднящий привкус.

Клайд донес его ближе к огниву, и, достав из-за пазухи свой кинжал, чья рукоятка была инкрустирована имитацией панциря, а тыльник при долгом пригляде напоминал угловатую голову кентавра. Он без церемоний расположился на земли, и, бросив тушку навзничь, принялся освежевать непропорциональное тельце, без малой толики сожаления,

как если бы частил луковицу. Пока зеленая тягучая кровь облепляла его руки, и, без того запачканную различной субстанцией одежду, он через плечо, совершенно бесстрастно, произнес с указом.

– Разведи костер, и поставь на огонь котел, с водой.

Без каких-либо запинок, нашедшийся Коуб подпрыгнул, и метнулся к перевёрнутому котлу, на котором оставил свой полуполезный остроконечный шлем с не подогнутым под разрез глаз наместником.

В мгновения ока, котел был воздвигнут на двух рогатинах, а закипающая вода от облизывающих лижущих языков потягивающегося пламени, приняла в свои бушующие бульканья, нарезку некогда живого и прыткого зверька, которому не повезло встретиться с Безродным. От воды отчего-то повеяло ореховым привкусом. Следопыт велел бросить в воду травы, и даже не много эля, что притаил Калиб, для дня завершения похода.

Все оказалось в беснующейся кипенью воде, и уже скоро аромат странного сочетания, взмывал, ввысь оседая на ближайших нависающих ветвях, зачатками нежданного собранного из чего попало блюда. На приятный запах, подневольной поднялась и Риба. Шаткой походкой она добрела до них, и пока Клайд с головой был захвачен помешиванием питательного бульона, она решилась на жест, и поздоровалась с Коубом.

– Гожее утро, и здоровья тебе, воин людей, – наиболее ис-

кренне для своего тембра сказала она то, что посчитала наиболее, аутентичным для его рода ремесла. А он лишь лучезарно улыбнулся и ответил в схожей манере малорослой девушки с вздыбленными червлёными прядями и опухшим зелеными щекам с глазницами.

– Гожее, лучница гоблинов.

Она уселась на поляну подогнув под себя ноги, и пока вычищала серу, из длинных полупрозрачных в ложе ушей, хозяин, резко вставая, минуя приветствия, дал ей деревянную ложку и строгий наказ.

– Последи за похлёбкой.

Без нареканий, она встала и во весь малый рост, у клоко-тавшего котла, и то и дело помешивала содержимое чугу-ного казанка, что отдавала зеленыю и необычным благоуханием, что испарением оседало на её курносом носу орехами со сладким елеем. Пока Коуб смотрел в постепенно проявляющееся от сдавшегося на притязания тумана захоlustье леса, он начал слышать брюзгливое недовольство тех, кого насильно расталкивал ставший более расторопным следопыт.

– Подъем. Вам пара исходить в путь. Вороги не дремлют, – довольно грубой манерой гаркал тот, то и дело, опускаясь до посыпания лиц не пробуждающейся группы зачерпнутой с земли влажной еловой шелухой и корой.

– Но мы, то не вороги! – заносчиво огрызнулся плевавший Моз, который спал плохо, из-за того, что Калиб умыкнул его покрывало.

– Замолкни! Он дело говорит, – тоже нехотя поднимался опухший до вздутия рубца на левой скуле Калиб, что снял на время свой шлем, показав уложенные короткие седовласы волосы, не заходившие дальше начала полосы роста волос на лбу. Джоаль поднялся сам, ещё до того, как обретший образ зазывалы Клайд его окликал (на него пробуждающую шелуху следопыт, отчего то не заготовил). Он спал очень чутко, из-за случившегося давеча потрясения, и все не мог отогнать витавшего в думах момента, когда ему на руку бросился остервенелый зверь, который заглотил лезвие, что неожиданно для смерти подобного куйна стало его роком.

Гайт когда до него до еле коснулся Клайд, начисто вскрикнул белугой, как если бы ладонь в перчатке без пальцев, была раскалена или обвита колючим дерном режущим плоть, иль покрыта зубцами полотна лучковой пилы. От разверзающего утреню тишь фальцетного вопля взвевались, расположившиеся поблизости тускло мурлыкавшие на свой лад птицы, что спугнуто взметнувшись, низвергнулись ввысь, с удобных пригретых веток. Близлежащие пение стихло, и лишь ветер, теперь оставался в этом опостылевшем окружении деревьев, облепляя пышные ветви, опустевшие от трехпалых когтей лесных пернатых.

– Ещё раз так завоеешь, забью рот грязью с иголками! – сердито отозвался нахмуривший брови Безродный, уже вскоре возвращаясь к Рыбе. Опомнившийся Гайт пристыженно зардевшись испещренными щеками вжал шею

в плечи, и, поднимаясь, разминал затекшую спину, так как при ворочаньях во сне, он уперся в корень, и так на нем скривлено и спал вплоть до самого с холодным потом поднявшего утра.

Когда все постепенно скопились у котла, уже давно прерывисто через естественные шторы всецело просияло золотыми, всюду проторившими себе путь лучами, и следопыт, перед началом трапезы с прелюдией томно огласил.

– Ешьте сытно. Сегодня не мешало бы выйти к притокам нагия, а лучше и вовсе пересечь его вброд.

– Отчего спешка? – звонко поинтересовался Моз, которому по-хорошему нужно было помалкивать.

– Ответ станется не замысловатым, – небрежно качнул головой Клайд, – коли я хочу, истрать гроши, что мне причитаются, мне не мешало бы остаться живым. А те, что идут у нас по пятам, могут оказаться чуть умнее, чем мешок зерна.

Коуб украдкой ухмыльнулся, остальные невозмутимо молчали, и только Риба уразумела, что за сим высказыванием крылась шутка, из уст того, кто никогда не умел подлинно шутить. Собравшись с силами, и несколько томительных минут, переваривая варево необычной, но увы не кем должно не оценённой стряпни, их путь продолжился.

Всю дорогу по проселкам встречного, взрытого с землей корнями зачастившего бурелома, следопыт проторивая путь, справился вперед, и пребывал предельно малоречивым, зато Гайт, словоохотливо пытался поведать незамысловатую ис-

торию, о вчерашнем дежурстве, и о девушке в накидки из перьев. Многие, включая Калиба, пред кем он рассыпал горох, позубоскалили над его сказом, полушутя единодушно изрекая – *Что от одиночества не предвидеться.*

Покамест они с головой углублялись и, форсируя тернии отдающих в ноздри лесной смолистой еловой глуши, да колючие пни с шапками грибниц, им на глаза стал встречаться густо растущие желто цветные лепестки дрока уютно расстилавшегося мимо налитых свежестью куп пахучих ещё не высохших от росы листьями кустов, покрытых свежей паутиной с первым жирным уловом куколок слепней пожаловавших на трапезу к пауку. Чуть далее под подолом огарков послевкусия вдарившей молнии пней выросли и плодовые кусты с алеющими ягодами со сладковатым ароматом, которые Роба со знанием отрекомендовала, не есть, и в кой веки сама воздерживалась, что было сил, дабы не сорвать пленяющую её синий язык горсть. Столпившиеся деревья поределли до широких освещенных приятной глазу лазурью прогалин с редкими осокорями и березиной, и теперь, лавируя через пологие спады и отлогие возвышенности прогретых ложин, они вдруг остолбенели. А все дело в том, что Клайд, что не слабо отдалился в происках ловушек, застыл в исступлении у отвесного обрыва на открытый пустырь.

Через бреши в зачавшейся рedeющей желтой кроне и просветам над ними, по пышно усеянных ковром жухлых иголок со свертками листьев, усланных инородных бору листьев,

Риба спешно перебирая ногами плавая в палой желтеющей листве брезин, расторопно подбежала по крутому подъему к хозяину. Когда она, форсируя заводь ссыпавшейся кущи, застыла, он, будто все ещё не видел её, неотвязно концентрируясь на содранной до камбия коре, на нескольких искореженных стволах деревьев. Гоблинка долго ждала, пока позади неё оставшаяся группа, бередила скопившуюся насыпь отмерших частиц деревьев, легко поддающейся легкому ветру и перекатываясь, в едком привкусе перегноя с разбегающимися жуками и мышами ищущих взаимопонимания на тленом поприще.

Внезапно Клайд, не отводя взгляда с раззадорившей насечки, сообщил слуге.

– Попридержи всех. У меня не хорошее предчувствие...

Но стоило обуреваемой легкой тревогой Рибе развернуться, как все в два шага были тут как тут, и встревоженно замороженные во всю гурьбу буркал глядели на неё, а затем в то место, что так пристально изучал их нелюдимый проводник.

– Поздно хозяин, – виновато отозвалась гоблинка за его спиной, насупив губы под клыками.

Безродный не успел к ним обернуться, как стрела свистом, режущим воздух беззвучно вонзилась в почву, под ногой Гайта. Тот, взвизгнув, став белее полотна, стушёвано попятился, назад скользя по вспученным утопленным в златой палой листве корням, и, если бы не встречный Калиб, попробовал бы бежать вновь. Вся группа не на шутку смешалась,

а коновода, тотчас расторопно обернулся и с пылающими серыми глазами приказал. – Назад за подъем! И не двигаться!

Все безропотно повиновались, не задерживая внимания на стреле, с лязгом кольчуг и мелкой поклаже, стекая по шуршащему покрывалу, а Рибо будто не воспринимая его наказ, подобравшимся истуканом стояла под его правой рукой, и тоже наблюдая густые заросли терновника посередине сосен поодаль через открытую от деревьев засеянную листьями лощину, куда так умалишённо буравя, заглядывался хозяин, стоя на возвышенности, пред оврагом широкой, щербатой на деревья просеки.

– Я имел в виду всех, – свирепо посмотрев на гоблиншу, процедил следопыт, и слуга, шмыгая вздернутым носом, понурено отошла, но не на значительное расстояние. Самость претила ей оставлять его. А ещё она украдкой хотела прибрать в колчан разбазаренную кем-то стрелу – не пропадать же добру?

Клайд, вынув расписной на лезвии меч, и задрав его блестящий всполох над головой, стал идти по покатоному спуску к открытому на свету месту переливающимся по границам волнам некогда главенствующими здесь иголками с мелкими ветками с граничащими у обрыва кустами и преддверья моря желтой листвы. Он размеренной поступью шел по отлогому скату, пока не дошел до освещенной середины впадины, меж редких пней и нескольких вязов, что чудом затесались в бору. Но, тем не менее, сезонно оголяясь, сбросили листву,

что, жухло шерстя под ним, то и дело взмывала золотистой стружкой, оседая на корни и увядший на пылающем свету лета дерн с боков невольной просеки лощины. Недолго ожидая, он, все так же заноса искру стали над головой, приосанившись, решил провещать пару слов, по окрестностям леса, не сводя бокового зрения с терновника меж передних могучих вязов с коих, была спущена раззадорившая всех неладная стрела.

– Я Клайд Безродный! Друг нелюдей, и провожатый достойных людей! Прибыл с миром, и прощу взамен лишь обоюдно того же! – зазвенела его раскатистая декламация, осевшая отголосками в пределах лесного конгломерата открытой границы меж бором и рубежами нараставшей дубравы.

Как долго он стоял, как на ладони не известно, так как воцарившиеся безмолвие с перекликиванием клетота и усталое шуршания листьев, вынудила всех начать нервничать сильнее обычного. Темная стрела с сивым опереньем все так же на половину торчала, из земли ската обрыва, где относительно недавно проходился Гайт, и это был отнюдь не промах, а красноречивый предостерегающий жест. Безоговорочно убеждающий повернуть вспять.

Спустя какое-то время как следопыт уже был закрыт набегающими время от времени тучами, тернистый куст меж граничащих вязов зашевелился, и из-за его дебрей вырос некто, со слабо блеснувшей натянутой зеркальной тетивой угловатого лука, и черный одеянием, под стать самому Клай-

ду. У него были длинные и прямые свисающие до широкой груди волосы, густо смоляного цвета, но меж ними пробивались заостренные малокровные уши эльфа. Тот был долговяз, и его заметили и все воровато приблизившиеся остальные, что куча малой стояли, издали выглядывая из-за среднего холма во озолоченную в пробившем себе волю свету впадину. Он был одет в облегающее одеяние, будто сотканное из чешуи рептилии с лёгкими проблесками янтаря смолы, закрывающее большую часть тела сковывающими полосами, по огражденную шарфом шею. Битая летами куртка и потертые сапоги с ворсистыми брюками были скроено, ушиты, и обличали его подобием коры ствола, а древесного отлива хламида за спиной (явно не лишённая зачарованности), могла с лихвой сокрыть его, как только он запахнет её, и натянет спасительный капюшон. Скошенный гладким углом колчан был примощен у его бедра, и целая горсть сивых перьев, наизготовку выпирала под его правую длинную руку на тонких дегтярно черных прутьях.

Эльф в черном облачении, долго пытливо осматривал следопыта, не спуская напряжения с зеркальной тетивы и натяжения плеч свода лука, пока с укором не провещал, ещё издали обитая в укрывающей сени вязов.

– Здесь нет переправы для солдат, и лжецов, загребающих имена достойнейших! – голос, молвивший на чистом всесветном, был высоким и певчим, но на лице издали, несмотря на скошенную гладкость, и правильность черт,

с гладким вытянутым носом и ямкой на подбородке без тени серости щетины, можно было прочувствовать сочившиеся недовольство.

– Мы очутились в твоих владениях, не по своей воле! За ними в след гоняться убийцы, и единственный путь к отступлению пролегает токмо, через твой лес Ливелз!

Только непреклоннее палача эльф будто оторопел, и сбавил натяжение отражающий вездесущие краски тетивы, что все ещё была задрана до надлома плеч. Но позже найдясь, опять вытянул, что было мочи, да ещё с такой загоревшей злобой, что его черты лица сведённые судорогой злобы вытянулись, и стали походить на снуло змеиные, а завитые плечи лука сдавались в предельном натяжении на луке в янтарном отсвете цедящего лучи покрывала дерева.

– Кто посмел тебе рассвистеть, как меня величают? – тенором прикрикнул он с другого конца, сгрубив свой высокий голос до неузнаваемости язвительной желчью.

Клайд отбросил всполохом по округе, разносящим зайчики меч, и пока тот подбросил вал игл с под омлетом листьев, устало отпустил, понутив голову с витой русой челкой по подбородок.

– Черный Эльф привечает, лишь тех, кто чтит его традиции. А имена лесных эльфов ведают единственно их друзья, – после этих томных слов Безродный, задрав перчатку, без пальцев, на правой руке, и указал блеснувшие кольцо, с овальным гагатовым камнем выбившиеся из порванно-

го шва.

Эльф, тотчас спустив вожжи, разжал зеркальную тетиву и, отводя, опустил янтарный лук, а его искрящаяся злость растаяла, как и стянутые в узел лицевые мышцы. Он стал на-двигаться, вылезая саженью роста из укрытия, сокращая дистанцию до метров размашисто широкими шагами, и когда добрел до преподнесённого меча, с изящными рунами на серой полосе, меж двух долов, и длинной рукояти, то усмехнулся, сощурился веки на перламутровые зеницы, и разгладив ямку на гладком подбородке, как и подобает признавшему другу.

– А плутали слуги, Клайд пал у стен Антура... – после этих сорвавшихся слов он прынул и нежданно для того в обуявшей экзальтации обхватил следопыта за стан, под-няв, его в объятьях, как если бы тот весел не больше вьюка муки. И дав ему напиться стравленной на себе лавандой, немедля поставил обратно с удивлением, как если бы под-нял лишь половину, к чему готовился. Смущенно собрав-ший уста в узел Безродный отходивший от такого рода теп-лых ласк, только отбрехался.

– Брешут. Клайд и не жил.

Вернув черную стрелу, в кожаную обитель сивых плюма-жей, приткнутую у бедра, алебастрово светлокожий эльф, ставший вблизи отдавать знакомым для лесных эльфов терп-ким майораном, в темных одеяниях, смягчился, до шепота, покуда все остальные сгрудившейся гурьбой молча ждали

за возвышением бугра у двух полутьмы облезлой кроны.

– Твои спутники, явно не шибко воинственные, раз не рванули на заведомо гиблую сечу. Ручаешься за них? – сдвинув антрацитовые брови, заломил эльф, поморщив тонкие уста.

– За большую долю. Прочие несут ложку в ухо, я бы не будоражился, хоть они и пережили встречу с куйнами, – дружески свыкался с встречей обыденно не словоохотливый следопыт.

– Ну, что ж, показывай, – прямодушно махнул рукой в крагах у тонких пальцев Ливез, – только по одному...

Учтиво кивнув, следопыт через плечо с бугром котомки, начал пересчет на высь отвесного обрыва в золотую заводь, – По одному спускайтесь. Начиная с Рыбы.

Гоблинка буквально скатилось с горки, не щадя мягкие ткани и льняную ткань, ворсисто обтягивающую её крепенькие бедра об иглы, камни и выпирающие концы корней, бьющих словно ручьи. Она, не выпуская, из-за спины лук с колчаном, крест-накрест пересекающих её выпирающую грудь давящими ремнями, темнее на свету бутылочным отливом круглого лица, подбежала к хозяину, пока Эльф смотрел на неё с искренним удивлением, выпученных губ и опавшего подбородка с ямкой, впустив в ноздри её мускус бадьяна.

– Да неужели? – разочарованно кинул жемчужные очи тот на Клайда, вытянув лицо от чего острые скулы отдалили ниспадающие пряди.

– Не мели чушь, это не она, – брезгливо фыркнул следопыт, – данная особа мне в довесок выпала, за одно поручение.

– Это Рок, а не вознаграждение, – с огнем в широких глазах патетично произнесла Риба, сведя бордовые брови на все ещё матовой краске затопившей круглые щеки и ямки.

– С Роком, не играют, – учтиво кивнул эльф, и, сводя свои жемчужные глаза с чудаковато обряженной гоблинки мирно борясь своим приторным майораном с её пахучем бадьяном, посмотрел на Клайда с некой благодатью. – Вот, а ты не уверовал в законы нашего мира...

– Инда единственная, правда о Роке, зиждиться на том, что у его последователей, есть устойчивый ответ на все невзгоды, – насупленно качнул он головой, и басовито позвал следующего. – Джоаль!

Подавшийся виконт через хватку упрямо отговорившего Калиба и Гайта брезгливо вырвался и, курьезно спустившись, едва ли не уронив свою августейшую особу, показал эльфю свою необычную мешковатый кауф с подвернутым боком через гримасу, которую сочинил зацепившись за корень. И щегольски пышный бордовый наряд с желтыми отороченный полосатыми полосками по швам, у которого правый рукав был заляпан истаявшей попутно с тканью желтой жидкостью.

– Ты значица в свою очередь, тоже избавил мир от одного из куйнов? – обмеривая виконта с головы до ног перламутро-

выми зрачками, снисходительно прокомментировал Ливез, как только тот на голову ниже предстал подле него, приталив ёрзающие и взмокшие кисти.

– Положим, он скорее сгорал от желания, очистить свою карму, и жертвенно прыгнул на мой кинжал, – лоснясь испариной по полу крытому лбу и запавшим щекам, и подтянув усы, отмочил тот нежданную шутку. Удачную.

Эльф сдержанно хихикнул, ослабив острые свойственные его роду белоснежные зубы, а Роба и вовсе избоченившись, выпячивая губу, загордилась, поминая, кто именно выдал ему оружие на борьбу с недругами.

Моз и Коуб вышли по очереди, но эльф лишь кивнул, заметя их смиряющим взором исподлобья, не приметя в их лицах не крупницы угрозы. Когда показался Гайт, он покачал головой и шорами прядей, окрестив его на месте – *Морный*. И когда приспела очередь Калиба, тот явившись на свет и всем своим видом на растянувшейся золотистой лощине прогалины выказал, свое расположение к эльфу. Он до белых костяшек под перчатками сжимал секиру, и готов был обрушить её, в любой момент на голову долговязого обитателя леса. Ливелз, почуяв в вяжущем напоенным лесным духом воздухе недоброе, отклонился назад, и стремительно вернул стрелу одним движением назад в изящную выбоину у рукояти янтарного дерева, не дрогнув не одним мускулом на угловатом лице. Джоаль не видел Калиба, и, обливаясь холодным, потом счел, что сим являлась долго выстрада-

ная ловушка, отчего стущёвано ретировался. И лишь когда Клайд расторопно загородил жердь Ливелза, он понял, в чем истинная причина враждебности нелюдя.

– Все, что ты возжелал спросить с него, сначала взыщи с меня, – Безродный все ещё был без меча, но всем было очевидно, что он и без него, сможет отправить старого воина к про-отцам, если не свинцовым тембром или аурой, так руками. Исказивший черты пламенно зардевший на пробившем себе дорогу зное Сотник ещё немного колебался, впуская в ноздри вяжущий привкус лесного эльфа, и когда увидел всех со стороны, и их остро негодования, спустил блеснувшую секиру, ближе к ногам.

– Битва при Антуре, забрала моего отца, – смотря в землю, опосля всплывшие, цежено пробурчал он.

– А у меня обоих братьев, – ответно скрепя острыми зубами отозвался нахмурившийся Эльф, когда Безродный перестал его загоразивать. – А то бесчинство, что вы творили после, и лояльного взора в вашу сторону не заслуживает! – свирепо огрызнулся он, грубив гневом голос до неузнаваемости. – Но... – будто протрезвев от внезапной обуявшей злости, мягко протянул он. – Клайд мой друг, и я приму вас здесь, доколе он с вами. Идемте.

Покуда все немо задавались вопросом – *куда?* Шестифутовый с половиной эльф (возвышающийся и над следопытом) поднял меч, и вручил его следопыту и, улыбнувшись, сверкнув жемчужными глазами, вновь располагающее уби-

рая стрелу в колчан, почти пропел.

– Сегодня мой друг возвратился, и пир следом случился.

Безродный же в отместку, заметил не свою стрелу с сильным опереньем, жуком в муравейнике затесавшуюся в колчан к слуге, и, выдернув её, отдал эльфу. Тот был признателен, а вот она... впрочем, её мину передать не возможно...

Увлечший за собой когорту лесной житель, быстро спустил их от обступившего дышащего свежестью подлеска и могучими обсыпаящими золотом стволами в русло впадины пластов. И всю дорогу, через теснины желоба взявших с обоих краем скал, и прочих углубленных каменистых рвов, Клайд шел впереди, о чем-то не свойственно себе открыто толкуя с эльфом, пока даже насупленная Рибка плелась в хвосте, что говорить о других. Эльф, в черном облачении плутая, вел их окольными путями, твердо на развилки сообщил им, что они и без того запомнят об этих тропах, так как здесь с людьми случаются приступы беспамятства. Никто не воспринял это всерьез, хотя начало пути, уже выпало, они помнили только урывками перебранку, а вот отчего она выросла, уже нет.

Следопыт редко оборачивался, проверяя все ли на месте в желобе пластов в обомшелости мха и приживалах личинок с увертками, и когда замечал Рибку меж мельтешащих свай ног, что будто надеялась на шепотку его внимания, тут же на подобие фигуральной пощечиной хладнокровно поворачи-

чивался к ней спиной.

– Тебя у меня давненько не объявлялось, – себе под нос проговаривал Эльф, поколе они, поравнявшись, шли по неведомо кем выложенному извилистому рву с холодным подножьем, в котором они буквально тонули, и любовались гладкими стенками скошенного вафли подобно пласта грунта. Уступчатые откосы свыше, не сильно помогли бы вылезти, а протянутые арки руин сверху, казались опасно ненадежными, когда мшистые трещины с изредка курсирующими маслянистыми жуками, так нарочито въедаясь, нависали над их головами с зеленоватыми дохленькими путами, просвечивающимися под неустанно борющейся с пасмурностью анемаей.

– Однако, что не лепечи, я отчетливо помню это место, – огласил Клайд, замечая сквозь пробелы в сводах над ними, переливающейся зеленою крону долголетних осокорей, что грозно громоздились в глубине возвещающего леса, вотчина которой принадлежала черному эльфю.

Скоро каменистый продольный путь со стекающими разводьями слоев рельефа, на стенах нагоняющих дрожь от угнездившегося в низине почвы хлада с приживалами гнуса, довел ораву к нужному осветленному выходу, меж двух скосов стен. Они перестали гнуть шеи, от пробивающих себе путь корней, что порой проходили сверху через ров каменных стен, свисая над их головами, как лиана, для сушки белья пуская за шиворот ищущего новые места жука. Из-

голодавшимися по приволью членам группы, в лоб встретилась широкая открытая лощина, устланная полевыми цветами и с ответвлёнными яблонями, с сиротливым домом в центре, что был пристроен к исполинскому дереву. Лужайка, ведущая к нему, была усеяна вереском с клевером, и высокой травой с точечными насаждениями разухабистых яблоней, постепенно растеривающих осенний урожай. Вместо охватывающих стен, дом, примостившийся к величественному исполину дереву, оберегали иные дубы, что срослись стволами обхватив друг друга ветвями, став единым целым, преобразовавшись в живую изгородь, не пропускающих своим ореолом крон хребты отлогих гор, намечая над собой лишь небосклон с неизменно наступающими издали тучами. Черный эльф, убрал янтарный лук за спину, и, подхватив губу, тихо попросил Клайда, изъять оружие у своих приближённых. Когда незамысловатые клинки Моза и Коуба, включили в себя семейный меч Джоалья, пришло время Калиба. Но тот точно за жизнь вцепился в свою секиру, с неотлучной мнительностью поглядывая на эльфа свирепыми серыми очами.

– Либо сдай подобру, либо я отберу её у тебя с пригоршней зла, – твердо предупредил спустивший брови следопыт. Угроза не сработала, и тот лишь повел бровью испод шлема-колпака, чмокну, играясь не бритыми желваками.

– Человек, ты приведен в мои владения, без злого умысла, – зачал эльф, что без какой-либо натуги, держал сразу тройку ножен с выпирающими гардами. – А все оттого, что

среди вас Клайд. Я доверяю ему, но не тебе, – перламутровые широкие глаза эльфа, стали более пронзительными, сверкнув на запавшем свете. – А ты, презренно в своем малодушие не ценишь не его слово, ни мои обычаи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.